

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЮРКСКАЯ АКАДЕМИЯ

О.А. Мудрак, Ф.Г. Хисамитдинова

**Кыпчакские языки
Урало-Поволжья**

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЮРКСКАЯ АКАДЕМИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННАЯ

О.А. Мудрак, Ф.Г. Хисамитдинова

Кыпчакские языки Урало-Поволжья

“Ғылым” баспасы
Астана - 2018

УДК 80/81 (035.3)
ББК 81.2
М 90

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЮРКСКАЯ АКАДЕМИЯ

*Утвержден Ученым Советом
Международной Тюркской академии*

М 90 Мудрак О.А.
Кыпчакские языки Урало-Поволжья / О.А. Мудрак,
Ф.Г. Хисамитдинова – Астана: “Гылым” баспасы, 2017.
– 164 с.

ISBN 978-601-7793-76-0

Настоящая монография посвящена описанию кыпчакских языков Урало-Поволжья. Описано формирование фонетических, лексических особенностей башкирского и татарского языков. Большое внимание уделено кыпчакским реконструкциям. Монография адресована тюркологам и алтаистам, этнолингвистам и историкам языка.

УДК 80/81 (035.3)
ББК 81.2

ISBN 978-601-7793-76-0

© Мудрак О.А., Хисамитдинова Ф.Г., 2018
© “Гылым” баспасы, 2018

Серия

«СОВРЕМЕННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кыдырали Д.К. (*председатель редакционной коллегии*),

Ахматалиев А. (Бишкек), Ахметов А. (Астана), Бахадырова С. (Нукус),

Бутанаев В. (Абакан), Васильев Д. (Москва), Габиббейли И. (Баку),

Голден П. (Ньюарк), Дыбо А. (Москва), Егоров Н. (Чебоксары),

Енг-Сонг Ли (Сеул), Жолдасбеков М. (Астана), Иванич М. (Сегед),

Исен М. (Анкара), Кайдар А. (Алматы), Качалин М. (Анкара),

Коджаоглу Т. (Мичиган), Миннуллин К. (Казань), Осава Т. (Осака),

Пенжиев М. (Ашхабад), Райхл К. (Бонн), Рахмонов Н. (Ташкент),

Сарыбаев Ш. (Алматы), Серткая О. (Стамбул), Сыздыкова Р. (Алматы),

Ташагыл А. (Стамбул), Хисамитдинова Ф. (Уфа),

Цэвэндорж Д. (Улан-Батор), Шамильоглу Ю. (Медисон),

Янковский Х. (Познань)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2014 г. в Международной тюркской академии выполнялась коллективная тема «История тюркских языков: лексико-грамматический строй тюркских языков. В рамках данной темы, исполнителями которой были ученые из разных стран, было подготовлено 6 индивидуальных и 2 коллективные монографии.

Российскими исследователями О. А. Мудраком и Ф. Г. Хисамитдиновой была подготовлена коллективная монография «Кыпчакские языки Урало-Поволжья». Данная монография в 2015–2016 гг. дорабатывалась и была представлена в Международную тюркскую академию.

Коллективная монография докторов филологических наук, профессоров О. А. Мудрака и Ф. Г. Хисамитдиновой «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» состоит из введения, двух глав и заключения.

Во введении коллективной монографии дано краткое описание современных кыпчакских этносов и языков по данным последних переписей. Особое внимание логично уделено формированию кыпчакских этносов и языков Урало-Поволжья.

К кыпчакским языкам Урало-Поволжского региона относятся башкирский и татарский языки. Поэтому во введении дается общая характеристика народно-разговорным языкам башкир и татар, описываются основные их особенности, история их формирования и изучения.

Первая глава коллективной монографии посвящена описанию кыпчакской группы тюркских языков после распада пратюркской общности. С помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по исторической фонетике и морфологии в монографии уточняется место каждой группы и подгруппы кыпчакских языков. Делается вывод о том, что урало-поволжские кыпчакские языки, включающие башкирский со своими диалектами и татарский и его диалекты, стоят особняком от других кыпчакских языков. Далее на основе анализа кыпчакских реконструкций, материалов по исторической фонетике башкирского и татарского языков определяются основные особенности кыпчакских языков Урало-Поволжья. Кроме этого выделяются особенности, характерные каждому языку Урало-Поволжского региона. В частности, для башкирского

языка выделены фонетические особенности, которые его сближают с языками огузской, сибирской групп тюркских языков.

Вторая глава коллективной монографии «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» посвящена описанию формирования лексических особенностей кыпчакских языков Урало-Поволжского региона. Данная глава монографии включает в себя следующие разделы:

1. Лексические пласты и общетюркская лексика кыпчакских языков Урало-Поволжья;

2. Общекыпчакская лексика в кыпчакских тюркских языках Урало-Поволжья;

3. Формирование собственного и заимствованного пластов в кыпчакских тюркских языках Урало-Поволжья.

В заключении монографии дается периодизация развития башкирского языка с момента распада кыпчакской общности.

В развитии башкирского языка выделены следующие этапы:

1. Этап поволжского единства (IX – начало XIII в.);

2. Общебашкирский этап (начало XIII в. – середина XVI в.);

3. Формирование двух башкирских центров (середина XVI в. – конец XVIII в.);

4. Новейший этап (конец XVIII в. – XX в.).

Безусловно, аналогичные этапы, связанные с историей татарского этноса, можно выделить в истории и татарского языка.

Части и разделы монографии были написаны:

Предисловие – Ф. Г. Хисамитдиновой;

Введение – Ф. Г. Хисамитдиновой;

Первая глава монографии – «Кыпчакская подгруппа тюркских языков» написана О. А. Мудраком;

Вторая глава монографии – «Формирование лексических особенностей кыпчакских языков Урало-Поволжья», написаны Ф. Г. Хисамитдиновой;

Заключение монографии, посвященное периодизации развития башкирского языка с момента распада кыпчакской общности, написано О. А. Мудраком;

Список литературы, сокращения подготовлены Ф. Г. Хисамитдиновой.

ВВЕДЕНИЕ

1. СОВРЕМЕННЫЕ КЫПЧАКСКИЕ ЭТНОСЫ И КЫПЧАКСКИЕ ЯЗЫКИ

На лингвистической карте мира насчитывается 11 кыпчакских языков. Это башкирский, казахский, караимский, каракалпакский, карачаево-балкарский, крымскотатарский, киргизский¹, кумыкский, ногайский, татарский языки [Гарипов, 1979, 14–16]. Носителями указанных языков являются такие народы Евразии, как башкиры, балкарцы, казахи, каракалпаки, карачаевцы, караимы, киргизы, часть крымских татар, кумыки, ногайцы, татары [Там же, 49–51]. Перечисленные народы все в основном проживают на своей исторической родине. Численность кыпчакских тюркских народов, по данным последних переписей, составляет около 28 млн. человек. Конкретно по народам складывается вот такая картина:

казахи – более 14 млн.

татары – 7 млн.

киргизы – 4,5 млн.

башкиры – около 2 млн.

каракалпаки – 620000 млн.

кумыки – 505000 млн.

крымские татары – 500000 млн.

балкарцы – 150000 млн.

карачаевцы – 218403 млн.

ногайцы – 104000 млн.

караимы – 354000 млн. [ВПН, 2010]

В России кыпчакские тюркские народы, по данным переписи 2010 г., составляют около 9 млн. Конкретно по каждому народу представлены следующие цифры:

башкиры – 1584554

балкарцы – 112924

казахи – 647732

караимы – 205

каракалпаки – 1466

карачаевцы – 218403

киргизы – 103422

кумыки – 503060

¹ Отдельные исследователи киргизский язык не включают в кыпчакскую группу.

ногайцы – 103660

татары – 5310649 [ВПН, 2010].

По сравнению с данными переписи 2002 г. есть некоторые изменения, связанные, во-первых, с сокращением отдельных коренных кыпчакских тюркских этносов. В частности, по сравнению с 2002 г. к 2010 г. сократилось количество башкир с 1673389 до 1584554, татар с 5554601 до 5310649. В то же время между переписями 2002 и 2010 гг. в России отмечается увеличение численности таких этносов, как киргизы с 31808 до 103422, балкарцев со 108426 до 112924, карачаевцев с 192182 до 218403, кумыков с 422409 до 503060, ногайцев с 90666 до 103660 [ВПН, 2010]. Изложенные факты свидетельствуют о динамичности развития кыпчаков в России.

С точки зрения владения родными языками в поведении отдельных кыпчакских тюркских этносов России происходят также существенные изменения. Так, например между переписями 2002 и 2010 гг. произошло существенное сокращение лиц владеющих родным языком у башкир с 1379727 до 1152404, казахов с 563749 до 401455, кумыков с 458124 до 426212, татар с 5347706 до 4280718, ногайцев с 90020 до 87119 [ВПН, 2010]. В то же время произошло увеличение количества владеющих родным языком среди карачаевцев и балкарцев. Очевидно, это связано с увеличением общей численности указанных народов в России. Что же касается сокращения количества говорящих на родных языках среди башкир, татар, казахов и др., по-видимому, это связано с языковыми ассимиляционными процессами в России. Причин этих процессов несколько. Во-первых, языковые ассимиляции являются результатом урбанизации. В условиях города как башкиры, так и казахи и татары, являющиеся в городах меньшинством, переходят на русский язык общения. В результате у молодого поколения городских кыпчаков происходит смена того или иного кыпчакского языка. Дети полностью или частично переходят на русский язык общения. Эта ситуация более остро стоит вне национальных республик. В частности, из 32730 башкир Пермского края лишь 6187, т.е. только пятая часть назвали родным язык своего этноса [ВПН, 2010]. Почти аналогичная ситуация складывается с башкирами Свердловской, Оренбургской, Челябинской областей, живущих компактно на своей исторической родине. Таким образом, судя по данным переписи 2010 г., позиция башкирского языка ухудшается.

С другой стороны отмечается у отдельных представителей кыпчакских языков переход не на русский, а близкородственный кыпчакский язык. В частности, часть башкир северо-западных районов в качестве родного назвали не башкирский, а татарский язык. Причина данного явления, безусловно, кроется в особенностях региона. Северо-западный Башкортостан еще с XVI-XVII вв. был зоной интенсивных контактов между башкирами и татарами, башкирами и финноугорскими народами Поволжья, многие представители, которых в условиях Казанского ханства были двуязычны, т. е., кроме своего родного, владели и татарским языком. Таким образом, нахождение языков в контакте, сопровождаемое интенсивным взаимодействием и взаимовлиянием, не могло не привести к тому, что значительное число кыпчаков переходило с одного языка на другой – преимущественно близкородственный, т. е. кыпчакский же язык. Именно поэтому до 36% всех башкир, или 349 тыс. чел., признавало еще в 1959 г. родным татарский язык; в свою очередь, свыше 4 тыс. татар считали своим родным башкирский, а другие 8 тыс. – казахский языки; 3 тыс. ногайцев говорили по-кумыкски и т. д. [Гарипов, 1979, 54.]. Следует отметить, что, по данным переписи 2010 г., башкиры в количестве 197111 человек называли родным татарский язык. В то же время 6883 представителей татар в качестве родного языка назвали башкирский язык.

В современной тюркологической науке все кыпчакские языки объединяются в четыре группы:

а) западная: караимский, карачаево-балкарский, крымскотатарский, кумыкский, урумский языки;

б) северная: башкирский язык, язык барабинских татар, татарский;

в) центральная: язык астраханских ногайцев-карагашей, язык алабугатских татар, казахский, каракалпакский, кыпчакское наречие узбекского языка, ногайский, язык юртовских татар (астраханских ногайцев);

г) восточная: алтайский, киргизский языки

Переходными между ними можно назвать: барабинский – между северными и центральными, ногайский, кумыкский – между центральными и западными [СИГТЯ, 2002, 217.].

Следует отметить, что современная классификация несколько отличается от общепринятой. Количество кыпчакских тюркских

языков по новой классификации увеличено. Языки, относящиеся к той или иной группе кыпчакских тюркских языков, содержат свои особенности, связанные во-первых, с историей их сложения как этноса, во вторых контактами с теми или иными родственными и неродственными языками.

1.1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КЫПЧАКОВ

Первое упоминание этнонима, идентифицируемого с названием кыпчак, принадлежит центральноазиатским историческим хроникам I тыс. до н. э. Это был народ кү(й-ү)йэ-шэ, живший к западу от енисейских цигу 'кыргызов' и по соседству с хуннами на северных склонах Алтая и в прилегающих степях, «в долине, называемой китайцами Чжелян [Гарипов, 1979, 55].

Антропологически древние кыпчаки имели большое сходство с родственными им аборигенами Сибири динлинами – народом брахикранного европеоидного расового ствола. Динлины населяли оба склона Саянского нагорья (дин-лин по-китайски 'Саянские горы'), Минусинскую котловину и Туву, а также северную окраину Гоби. Внешность их по археографическим данным характеризовалась так: «рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза».

К V в. до н. э. кыпчаки фиксируются в Западной Монголии, в конце III в. до н. э. покоряются хуннам, а с образованием тюркских империй VI – VIII вв. их судьба оказывается тесно связанной с историей и миграциями многих племенных объединений Средней Азии.

В средние века кыпчаки начинают играть видную роль среди народов Восточной Европы. В письменных источниках средневековья они фиксируются под этнонимами половцы, кыпчаки, куманы. В X в. кыпчаки занимали территорию Северо-Западного Казахстана, гранича на востоке с кимаками, на юге с огузами, на западе с хазарами. Распадались они на ряд племен и вели кочевой, полукочевой образ жизни. В середине X в., перейдя вслед за тюрками-огузами Волгу, кыпчаки заселили степи Северного Причерноморья и Кавказа. Огромная территория, занятая половцами от западных отрогов Тянь-Шаня до Дуная, в XI – XV называлась

Дешт-и-Кипчак . В XI – нач. XIII вв. у кыпчаков имелись отдельные племенные объединения (союзы) во главе с ханами. Основным занятием кыпчаков оставалось скотоводство, но в XII в. у них уже существовали города, в состав населения которых, кроме кыпчаков, входили аланы, болгары, русские и др. Восточные кыпчаки были тесно связаны со Средней Азией, особенно с Хорезмом. Западные кыпчаки находились в постоянных контактах с Русью, Византией, Венгрией, Болгарией» [Гарипов, 1979, 55].

Сложная история кыпчаков не могла не отразиться на истории кыпчакских языков. В истории кыпчакских языков специалисты выделяют ранний, т. е. пракыпчакский период (X в. до н.э. – II в. н.э.). В этот период пракыпчакский язык сохранял 8 классических гласных пратюркского языка и идеальный закон гармонии звуков, глухие звуки в начале и в конце слова, основной словарный состав пратюркского языка. Но и на этом этапе трудно предположить существование монолитного единства пратюркских диалектов.

В среднекыпчакском (II – VII вв.) появляются особенности, отличающие языки кыпчаков, населяющих разные ареалы: восточный, северный, центральный и западный.

В позднем пракыпчакском (VII – XII вв.) усиливался процесс распада на группы.

Последующие этапы развития кыпчакских языков (XIII – XVIII вв.) характеризуется дальнейшим формированием специфических особенностей как ареальных групп, так и отдельных кыпчакских языков. XIX – XX вв. – это время сложения современных кыпчакских языков, которые имеют значительные расхождения между собой, которые усиливаются в результате контактов с другими языками.

Процесс распада пракыпчакского языка на группы начался давно, по крайней мере – на рубеже христианской эры, и не одновременно. Возможно, раньше всех отделился северокыпчакский язык (болгарская), от которого происходят башкирский и татарский языки, затем – восточнокыпчакский (киргызский), от которого пошли киргизский² и алтайский, более длительные контакты сохранились между центральными (кимакскими), к которым восходят казахский, каракалпакский, ногайский, язык астраханских ногайцев и др., и западные (куманские, половецкие) карачаево-балкарский,

² О.А. Мудрак киргизский язык считаете не кыпчакским.

крымскотатарский. Вместе с тем следует отметить, что связи между четырьмя группами сохранились в разной степени вплоть до XVIII – XIX вв. [12].

Кыпчакские языки на всех этапах своего развития вступали в контакты не только между собой, но и с тюркскими языками огузской, карлукской и сибирской групп. Кроме этого, кыпчакские языки еще с глубокой древности, судя по источникам вступали в контакты с монгольскими, китайскими, тунгусо-маньчжурскими, иранскими, семитскими, иберийско-кавказскими, славянскими, балтийскими, финноугорскими языками.

Безусловно, все это не могло не отразиться в особенностях фонетики, лексики, морфологии кыпчакских языков. В частности, в урало-поволжских тюркских языках заметны следы взаимодействия и взаимовлияния с финноугорскими языками. Безусловно, семитскому влиянию подвергнут караимский кыпчакский язык. Иберийско-кавказское влияние отмечается в карачаево-балкарском языке. Однако, несмотря на это, кыпчакские тюркские языки сохранили свои древние черты: основной словарный состав, гармонию гласных, глухое начало слова и др.

2. БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК

2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Судя по данным археологии и антропологии, башкиры как народ сложились на территории Исторического Башкортостана. Ядро этноса составили местные племена. Поэтому логично, что язык древнейших предков башкир сложился также на этой территории. В науке существует несколько точек зрения на происхождение башкирского этноса и его языка. Наиболее распространенными являются тюркская и угорская теория происхождения башкир и их языка. В последние годы получила распространение и индоиранская теория.

Первые сведения о тюркоязычности башкир содержатся в трудах средневековых авторов. Наиболее ценные сведения даны первым тюркологом из тюрков М. Кашгари в его «Дивану лугат-ит Тюрк». В данном словаре он перечислил башкир в числе двадцати «основных тюркских народов», язык которых был близок, по его

мнению, с такими языками, как кыпчакский, огузский, киргизский и др. [Kashgari, 2005, 23].

Из российских исследователей сторонниками тюркского происхождения башкир и их языка были П.И. Рычков, Г.Ф. Миллер, И.Г. Георги, М.В. Флоринский и др. М.В. Флоринский отмечал, что в пользу тюркского происхождения башкир говорит их тюркский язык [Янгузин, Хисамитдинова, 2007]

Тюркоязычность башкир подчеркивал известный тюрколог С.Е. Малов, который считал башкирский язык одним из древних языков. Он возводил его ко времени проживания на территории Исторического Башкортостана племен тиссагетов, савроматов и иирков за пять веков до н.э. С.Е. Малов также писал о том, что на западе обитания тюрков до сер. I тысячелетия до н.э. существовали две языковые группы: хазаро-булгарско-чувашская и башкиро-татарско-кипчакско-мишарская [Малое, 1952].

Не подвергал сомнению тюркоязычность башкир известный этнолог С.И. Руденко, который считал башкирский язык тюркским и относил время его формирования к нач. I тысячелетия н.э. Он пишет: «Язык, на котором говорило большинство населения Башкирии к I тысячелетию, был уже, по всей вероятности, древний башкирский, ассимилировавший неизвестные нам пока языки». Продолжая свою мысль о языке башкир, С.И. Руденко отмечал, что «сложное историческое прошлое башкир, особенно со времени так называемого Великого переселения народов, не могло не отразиться в какой-то мере... и на языке башкир. Однако ни контакт с северными финно-угорскими племенами, ни проникновение на территорию Башкирии гуннских, позднее татаро-монгольских, казахских племен, ни взаимосвязи с калмыками и, наконец, позднейшее проникновение с запада таких народностей, как казанские татары и мишари, коренным образом не изменили ни физического типа, ни языка, ни быта башкир» [Руденко, 2006, 298-304]. С.И. Руденко проводил очень важную мысль о том, что на уже сложившийся язык башкирского этноса не могли кардинально влиять ни языки контактирующих этносов, ни диалекты и говоры вошедших в состав башкирского народа родов и племен. Как он писал, «язык башкир обогащался словарным фондом, в основном сохраняя с давних пор уже установившийся свой грамматический строй» [Руденко, 2006, 304].

Тюркская теория происхождения башкир и их языка получила развитие и в трудах выдающегося башкироведа Дж. Г. Киекбаева. В частности, еще в работах 50-60-гг. XX в., посвященных башкирской топонимии и диалектологии, он, выделяя те или иные фонетические особенности, рассматривал их в контексте развития башкирского или шире – тюркских языков [Киекбаев, 1958; Киекбаев, 1972]. Рассматривая специфические звуки и другие явления башкирского языка, Дж. Г. Киекбаев доказывает на большом фактическом материале, то, что особенности башкирского языка являются результатом развития собственно башкирского или шире – тюркских языков. В частности, специфические башкирские звуки *h* и *ç*, по его мнению, более древние, чем общетюркский *ç*, который является результатом закономерного перехода *h* через *ç* в звук *ç*, более легкий для произношения.

Интересные выводы по праистории башкирского языка содержатся в работах Н. А. Баскакова, который в своей классификации относил его к болгаро-кыпчакской группе западнохуннских тюркских языков. В то же время, как он справедливо отмечал, башкирский язык по некоторым своим особенностям обнаруживает близость с языками восточно-хуннской группы, с носителями которых у башкир были общие моменты как в этногенезе, так и этнической истории [Баскаков, 1960].

На тюркоязычность древних башкир указал, опираясь на материалы этнонимии и диалектологии, крупнейший этнолог Р. Г. Кузеев [Кузеев, 1978].

Ряд исследователей, сравнивая систему согласных, глагольную систему, лексические особенности башкирского языка с языком памятников древнетюркской письменности, пришли к выводу о близости этих двух языков [Гарипов, 1979; Тенишев, 1980; Ахметов, 1978] Хисамитдинова, 1989].

Интересные замечания по древней истории, о классификационных особенностях башкирского языка содержатся в шестом томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков». Авторы данной работы, опираясь на глоттохронологическую классификацию, сделали вывод о том, что «башкирский язык, скорее всего огузский в своей основе, подвергался неоднократной кыпчакизации: в домонгольскую эпоху, в золотоордынский период и, наконец, в относительно позднее время со стороны татарского и казахского языков» [СИГТЯ, 2006. 816-817]. Таким образом боль-

шинство исследователей башкирского этноса и его языка склоняется к тюркской теории происхождения.

В то же время еще со средневековья существует угорская теория происхождения башкир и башкирского языка. Основоположниками теории башкиромадьярского родства, т.е. угорского происхождения башкир и их языка являются венгерские монахи, побывавшие в регионе Урало-Поволжья и оставившие в истории весьма любопытные замечания о средневековых башкирах и их языке. В частности, один из монахов, Юлиан, писал, что «они [башкиры] весьма внимательно слушали его, так как язык у них совершенно венгерский: и они его понимали и он их» [Янгузин, Хисамитдинова, 2007. 12]. Католический миссионер В. Рубрук, посетивший Золотую Орду в 1253 г., отмечал, что «язык паскатири [башкир. – Авт.] и венгров – один и тот же» [Янгузин, Хисамитдинова, 2007. 13].

Из русских исследователей сторонником финно-угорского происхождения башкир и башкирского языка были историки В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин. В частности, В. Н. Татищев отмечал, что башкиры упоминаются у Птолемея как «паскатиры», что этот «народ был великим», что они являются потомками древних финноязычных сармат – «сусчие сарматы». Что же касается языка башкир, то о нем В. Н. Татищев писал следующее: «понеже они закон Магометов с татары приняли и язык их употреблять стали, за татар уже почитаются. Однако в языке от прочих татар много разнятся, что не всяк ис татар их разуместь может» [Татищев, 1962. 252] Что касается Н. М. Карамзина, то в первом томе его «Истории государства Российского» в главе «О славянах и других народах, составивших государство Российское» написано, что башкиры живут между Уралом и Волгой, что язык у них сначала был венгерский, лишь позже он стал тюркским: «надобно думать, что они приняли его от своих победителей и забыли собственный в долговременном общежитии с татарами» [Карамзин, 1989. 250]. О родстве башкир и мадьяр, о тождестве их языков писали Д. А. Хвольсон, И. Н. Березин, В. И. Филоненко и др [Хвольсон, 1869. 85, 105; Янгузин, Хисамитдинова 2007. 15-16].

Интересно отметить, что башкирский ученый М. И. Уметбаев также был сторонником угорского происхождения башкир. Он писал, что башкиры являются коренным народом Южного Урала, а по этнической принадлежности являются уграми [Өмөтбаев, 1984. 39-59]. В советское время вопрос об угорском происхожде-

нии башкир и их языка подняла Н.П. Шастина. Она писала, что «под баскарт надо понимать башкиров... между средневековыми башкирами Приуралья и венграми существует племенное родство. Под напором кочевых народностей часть башкир ушла на запад и осела в Венгрии, оставшиеся же башкиры смешались с тюрками и монголами, потеряли свой язык и... дали совсем новую этническую народность, называющуюся также башкирами» [Шастина, 1957. 211].

Как уже отмечалось выше, в последние годы появилась теория иранского происхождения башкир и их языка. Однако сторонники иранской теории пока ограничиваются только ономастическим материалом. Пока ни в тюркологии, ни башкироведении, ни в иранистике нет ни сопоставительных, ни сравнительных исследований. Поэтому говорить об иранской теории, видимо, рановато.

В то же время языковые реконструкции на материале тюркских языков, появившиеся в последнее десятилетие, позволяют утверждать, что по всем параметрам язык башкир был тюркским. Об этом свидетельствуют, как уже говорилось выше, реконструкции не только тюркских, но и алтайских языков.

Башкирский язык относится к кыпчакской ветви тюркской группы языков, входящей в алтайскую языковую семью. Наибольшее родство у башкирского языка с татарским, казахским, ногайским языками, множество общих черт обнаруживаются также с восточными тюркскими (якутским, алтайским, хакасским и др.). Кроме того, в нем присутствуют следы взаимодействий с монгольскими, тунгусо-манчжурскими, финно-угорскими и иранскими языками, имеются арабские заимствования, за последние столетия прочно утвердились русизмы. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., башкирским языком в Башкортостане владело 790 383 башкир [Национальный состав..., 2013]. При учете компактного расселения носителей он распространен в Республике Башкортостан, в отдельных районах Пермского края, Челябинской, Оренбургской, Свердловской, Курганской, Самарской, Саратовской, Тюменской областей и Республик Татарстан, Удмуртия, а также в местах дисперсного расселения башкир в России, странах ближнего и дальнего зарубежья [Второй Всемирный..., 2002. 47-50].

Современный башкирский язык относится к кыпчакской группе. Однако в нем как уже говорилось выше имеются особенности,

характерные для огузских (туркменский, диалекты турецкого), болгарских (диалекты чувашского) и сибирских (алтайский, хакасский, тувинский, якутский, язык древнетюркских памятников) тюркских языков [Янгузин Р.З., Хисамитдинова, 2007. 248]. Это явилось причиной складывания, во-первых, гипотезы об огузском происхождении башкирского языка. Вот как пишет об этом известный тюрколог А. В. Дыбо: «Башкирский язык, скорее всего, огузский в своей основе, подвергался неоднократной кыпчакизации: в домонгольскую эпоху, в золотоордынский период и, наконец, в относительно позднее время...» [Дыбо, 2006. 816]. Во-вторых, наличие общих болгаро-башкирско-венгерских этнонимов и топонимов, значительного пласта слов с ротацизмом и ламбдаизмом в апеллятивной лексике башкирского языка позволили ряду исследователей выдвинуть гипотезу о значительности болгарского компонента в формировании башкирского этноса [Кузеев, 1974. 413-424; Хисамитдинова, 1989. 80-87].

Безусловно, отдельные специфические черты башкирского языка являются результатом диалектного взаимодействия с неродственными языками – иранскими, финно-угорскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, арабскими и славянскими. Так, появление специфического звука *h* в башкирском языке и его диалектах, возможно, связано с иранским субстратом [Максютова, 1976. 186]. Гипотезу Н. Х. Максютовой, как будто бы подтверждает и то, что в северо-западном диалекте, носители которого испытали серьезное финно-угорское влияние, звук *h* отсутствует.

После принятия башкирами ислама массовое проникновение арабо-персидских заимствований привело к изменению не только лексической, но и фонетической структуры языка. В частности, в нем появились согласные *ф*, *х*, активизировались звуки *h*, *з* и *к*, которые, наряду с башкирской лексикой, охватили и заимствования. В XX столетии с расширением башкирско-русского двуязычия, повлекшим за собой массовый приток русской и интернациональной лексики, произошли новые изменения в фонетической системе. Сложилась своеобразная фонетическая подсистема, характерная для новых заимствований. Ср.: *вагон* и старое заимствование *бизрә* от *ведро*, *тренер* и *торба* от *труба* и др. Новая фонетическая система, безусловно, оказала влияние на акцентную систему, орфографию и орфоэпию.

2.2. ДИАЛЕКТЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В современном башкирском языке выделяют три диалекта: восточный, северо-западный и южный [СИГТЯ, 2002. 257]. Территориально восточный диалект охватывает восточную часть Башкортостана, отдельные районы Челябинской, Курганской и некоторые населенные пункты Свердловской областей [Максютова, 1976. 12]. Северо-западные районы Башкортостана, отдельные районы Пермского края, Свердловской области входят в зону распространения северо-западного диалекта башкирского языка [Миржанова, 1991. 5]. Южный диалект бытует в основном в центральных и южных районах Башкортостана, отдельных районах Оренбургской, Саратовской и Самарской областей [Миржанова, 1979. С. 4]. Следует отметить, что башкирские диалекты в сопредельных с Башкортостаном областях и республиках распространены в основном в местах компактного проживания коренного башкирского населения соответствующего субъекта Российской Федерации. В городах и местах дисперсного расселения башкир отмечается смешение диалектов.

Башкирские диалекты расчленяются на говоры. В восточном диалекте отмечаются *айский, аргаяшский, кубалаянский, кызылский, миасский, сальютский, среднеуральский* говоры. Северо-западный диалект включает *гайнинский, караидельский, нижнебельский или нижнебельско-ыкский* и *танытский* говоры. В состав южного диалекта входят *демский, ик-сакмарский* и *средний* говоры [Максютова, 1976. 12–16]. Различия в диалектах и говорах башкирского языка незначительны, их особенности относятся в основном к фонетике.

Наиболее яркой особенностью диалектов башкирского языка является широкое употребление фарингального звука *h* вместо древнего пратюркского *ç*. Ср.: пратюркские *suw* 'вода', *sal* 'класть', *bas* 'давить', *basınçaq* 'униженный, немощный', которые в башкирском языке и его диалектах перешли в звук *h*: *hyu, hal, bah* (в ик-сакм. говоре и *baç* – в лит.яз.), *baһымсак* (кызыл. и кубал., *baçымсак* – в ай. говорах). Следует отметить, что звук *h* в пратюркском употреблялся только в конце слова, поэтому и в современных тюркских языках он встречается лишь в конце некоторых междо-

метий (ср.: каз.: *ah!*, *uh!*, *oh!*) и в начале заимствованных слов (ср.: в тат. *hava*, туркм. *hova*, узб. *hövä*, уйгур. *hava* 'воздух') [Мусаев, 2002. 283]. Последовательный переход пратюркского *c* в *h* присутствует в ряде говоров восточного и ик-сакмарском говоре южного диалектов башкирского языка. Ср.: *һарымһак* (арг., сальют.) 'козлородник', *йаһы* (кызыл.) 'широкий', *бах* (бурз.) 'дави'. По употреблению *h* вместо общетюркского и пратюркского *c* особо отличаются бурзянский и сальютский говоры, в которых звук *h* представлен (кстати, в сальютском хорошо сохранился и сегодня) во всех позициях слова. Ср.: *сакау* (бурз.) 'косноязычный', *кыһка* (сальют.) 'короткий', *кыһым* (сальют.) 'узкий', *өһ* (сальют.) 'верх', *өһкитәк* (сальют.) 'оборка' и др. В других говорах восточного и южного диалектов пратюркское *c* в середине и конце слова обычно переходит в межзубный *ç*. Ср.: *анçат* (дем., иргиз.) 'легко', *таçыл* (сред., кубал.) 'опыт, сноровка, умение', *ыç* (дем.) 'дым', *таç-таç* (дем.) *тас-тас* – междометие для успокаивания кобылицы и др.

Особенно последовательный переход пратюркского *c* в межзубный *ç* отмечен в демском говоре южного диалекта, в котором звук *ç* употребляется даже в начале слова (ср.: *çөт* 'молоко', *çарымçак* 'чеснок', *çурау* 'вопрос', *çәндәрә* 'лежанка' и др.). Что же касается северо-западного диалекта башкирского языка, то в нем пратюркский *c* хорошо сохранился. Ср.: *сағызак* 'оса', (баш. лит. – *һағызак*; тат. лит. – *кормош*, *шөпиә*), *сакал* 'нагрудник' (баш. лит. *һакал*, *яга*; тат. лит. – *изу*, *күкрәкчә*), *сыбай* 'верхом' (баш. лит. – *һыбай*; тат. лит. – *атлы*, *эсайдак*) и др. В говорах северо-западного диалекта башкирского языка звук *h* не употребляется даже в заимствованиях из арабского и персидского языков. Ср.: *ауа* (гайн., нижнебельск.) 'воздух', в баш. лит. – *һауа*, в тат. лит. – *һава* (от араб. *hava* 'любовь, страсть'); *өнәр* (нижнебельск., танып., гайн.) 'ремесло', в баш. лит. – *һөнәр*, тат. лит. – *һөнәр* (от персид. *hütär* 'мастерство, умение'); *уш* (сев.-запад.) 'память, сознание, рассудок', в баш. лит. – *һуш*, в тат. лит. – *аң*, *һуш* (от персид. *hoš* 'сознание').

Кроме того, в отдельных говорах башкирского языка встречаются все три звука, т.е. древнее пратюркское *c*, межзубный *ç* и щелевой увулярный *h*. Например, в кубалаякском и кызылском говорах восточного диалекта в отдельных словах и формах сохраняется

пратюркский *c* (ср.: *сарайын/саралдин* ‘бекас’, в лит. – *һарайын; сарымсак* ‘чеснок’, в лит. – *һарымһак; саташыу* ‘бредить’, в лит. – *һаташыу*). В то же время в других словах и формах кубалаякского говора отмечается употребление звуков *h* и *ç* (ср.: *һаһык* ‘вонючий, зловонный’, в лит. – *һаҫык; çоҫа* ‘челнок ткацкого станка’, в лит. – *һоҫа; киһәк* ‘кусок’, в лит. – *киҫәк* и др.). Подобные примеры существуют и в других говорах, т.е. в башкирском языке фиксируются различные этапы перехода пратюркского *c* в щелевой увулярный *h* через межзубный *ç* ($c \rightarrow \zeta \rightarrow h$).

Таким образом, говоры и диалекты башкирского языка прошли специфический путь эволюции системы согласных. На определенном историческом этапе пратюркский *c* перешел в *h*. При этом отдельные говоры еще сохранили пратюркское *c*, другие далеко отошли от пратюркского состояния и приобрели звук *h*, третьи, подобные демскому, отошли от пратюркского *c*, но не дошли до звука *h*, как бы задержавшись посередине. Поэтому в демском говоре зафиксирован промежуточный *ç*, который, судя по данным лингвиста Н.С. Уртегешева, находится на стадии перехода в увулярный щелевой *h* [Уртегешев, 2010. 210, 214–217].

Вторая интересная фонетическая особенность башкирского языка – это употребление межзубного звонкого *з* вместо пратюркского *d*, которое объединяет все три его диалекта. Ср.: в начале слова: *зимнәу* (караид.) ‘сосватать’, лит. *димләу; зурәтәй* (сев.-запад.) ‘дед со стороны отца’; *Зәһрә* (нижнебельск.), лит. *Зәһрә*; в середине слова: *бозай* (сев.-запад.) ‘пшеница’, в лит. баш. – *бойзай*, в тат. лит. – *бодай; бызау* (нижнебельск.) ‘теленок’, в баш. лит. – *бызау*, тат. лит. – *бозау; азаланыу* (среднеурал.) ‘портиться’, в баш. лит. – *азыу*; тат. лит. – *азу*; в конце слова: *баз* (сакмар.) ‘погреб’, *каз* ‘гусь’ и т.д. Межзубный *з* охватил даже аффиксальную систему башкирского языка и его диалектов. Ср. *барзык* ‘мы ходили’, *беззә* ‘у нас’, *өйзәр* ‘дома’, *бармазы* ‘не ходил’, *килмәзе* ‘не приходил’ и др. Переход пратюркского *d* в *з* особенно последовательно проходит в нижнебельском говоре башкирского языка. Здесь звонкий межзубный *з* охватывает даже анлаут (позиция звука в начале слова) заимствованных слов. Ср.: *заман* ‘время, период’, *зар* ‘печаль’, *закун* ‘закон’, *Закир* – личное имя и др. [Миржанова, 1991. 5; Юлдашев, 2010. 124]. Данное явление настолько широко встречается в нижнебельском говоре башкирского языка, что его носителей –

мензелинских башкир татары шутиливо называют *кызыл бозаулар* ‘красные телята’.

В качестве отличительной черты северо-западного диалекта в области согласных можно привести употребление звука *с* или *ш* вместо пратюркского *č* (ч) в отдельных словах и формах. Ср.: *этэс* (караид., танып.) ‘пету’, в баш. лит. – *этэс*, в тат. лит. – *этэч*; *сей-элэнеу* (караид.) ‘спутываться (о нитках)’, в баш. лит. – *сейәлеу*, тат. лит. – *чуалыу*; *шишен* (танып., нижнебельск.) ‘раздеваться’, в баш. лит. – *сисен*, тат. лит. – *чишен* [Миржанова, 1991. 124].

В области вокализма башкирских диалектов и говоров отмечается редуция праязыковых узких и последующее сужение широких гласных [СИГТЯ, 2002. 257–258]. В этом башкирский язык объединяется с татарским. В тюркологии это явление называется «булгарским сдвигом» в вокализме. Как показывает термин, редуция праязыковых узких и последующее сужение широких гласных в урало-поволжских тюркских языках произошло под влиянием болгарского языка. Если учесть, что в составе башкир, по данным Р.Г. Кузеева, представлен значительный болгарский компонент, то в формировании вокалической системы башкирских диалектов и говоров, безусловно, участвовал и язык болгарских племен [Кузеев, 1974. 417]. Поэтому тезисы авторов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Региональные реконструкции» (СИГТЯ) о том, что вокалическая система башкирского языка сложилась под влиянием татарского, являются некорректными, так как башкиро-булгарские контакты, как отмечают историки, происходили задолго до сложения татарского языка. Как отмечают сами же авторы СИГТЯ, основа татарского языка с характерным болгарским сдвигом в системе вокализма складывается во второй половине XV в. [СИГТЯ, 2002. 256]. Да и языковой материал по диалектам башкирского языка свидетельствует о разновременном и разнообъемном болгарском сдвиге в вокализме башкирского и татарского языков. Отличия в вокализме существуют даже в северо-западном диалекте, наиболее близком к татарскому языку. Например, в северо-западном диалекте в односложных словах и в первом слоге двусложных слов используется широкий звук *э*, в то время как в татарском – узкий *и*: *кэм* ‘меньше’, в баш. лит. – *кэм*, тат. лит. – *ким*; *кэрэк* ‘надо’, в баш. лит. – *кэрэк*, тат. лит. – *кирэк*; *кэбэк* ‘мякина’, в баш. лит. – *кэбэк*, тат. лит. – *кибэк*; *кэртэ* ‘жердь’, в баш. лит. – *кэртэ*, тат. лит. – *киртэ*. Сюда же можно добавить и

такое явление, как употребление в составе отдельных корневых и аффиксальных морфем в северо-западном диалекте башкирского языка, как и в других диалектах, широких *а* и *э* (ср.: *бармай* ‘не идет’, *килмэй* ‘не придет’, *карайык* ‘посмотрим’, *эйтмэйек* ‘давайте не скажем’ и др.). Что же касается татарского языка, то для него в указанных формах характерны узкие *ы* и *и* (ср.: *бармый*, *килми*, *карыык*, *эйтмик*). Аналогичные примеры можно привести по всем башкирским говорам. Изложенные факты еще раз доказывают близость всех трех диалектов башкирского языка. Имеющиеся различия между диалектами и говорами отражают взаимосвязи башкирского с другими тюркскими и нетюркскими языками. Кроме того, они свидетельствуют о сложной этноязыковой истории самих башкир.

Как отмечают современные исследователи, опираясь на исторические и лингвистические материалы, вплоть до XVIII в. территория распространения башкирского языка охватывала некоторые юго-восточные районы современного Татарстана. Об этом свидетельствуют и татарские говоры, которые до сих пор сохраняют фонетические признаки, характерные только для башкирского языка. Изменения начинают происходить в XVIII в., когда на башкирских землях появляются припущенники, служилые татары, которые, общаясь с местными башкирами, оказали определенное влияние и на их язык. Решающую роль в изменении северо-западного диалекта сыграли мечети, медресе и мектебы, служба и обучение в которых в XVIII–XIX вв. в основном велась на татарском языке [СИГТЯ, 2002. 258]. Все это способствовало формированию специфических фонетических особенностей северо-западного диалекта башкирского языка.

В целом, как уже отмечалось выше, диалекты башкирского языка имеют несущественные различия, и это дает возможность свободно общаться между собой носителям разных говоров и диалектов.

2.3. СТРОЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Башкирский язык по своему строю относится к языкам агглютинативного типа, когда корень слова предшествует аффиксальным морфемам. Изменения на стыках морфем (соответствия звуков, вставка или выпадение звуков) возможны, однако граница

между ними остается легко различимой. Единство словоформы поддерживается и сингармонизмом. В башкирском, как и в других тюркских языках, четко противопоставлены друг другу имена и глаголы. Существительные не имеют ни категории рода, ни категории одушевленности-неодушевленности. Они различаются лишь по линии «человек-нечеловек».

К категории «человек» относятся все личные имена, названия родственных отношений, профессий, должностей, национальностей, т.е. все то, что связано с обозначением человека. Все остальные имена, в том числе и названия всех живых существ, относятся к категории «нечеловек». Первые отвечают на вопрос *кем?* (кто?), вторые – *нимә?* (что?). Башкирский язык относится к языкам номинативного строя. Подлежащее в предложении при любом сказуемом сохраняет единую падежную форму. Пассивных конструкций литературный язык не имеет.

В структуре словосочетания словопорядок выполняет грамматическую функцию: даже при наличии формальных показателей связи зависимый компонент располагается впереди главного (ср. *таш юл* ‘каменная дорога’; *йомшак юрган* ‘мягкое одеяло’).

В структуре предложения словопорядок, прежде всего, выполняет смысловую функцию. С его помощью выделяются: 1) предмет речи и само сообщение о нем (тема и рема), 2) смысловое ядро высказывания.

Вопрос выражается с помощью вопросительных слов и частиц, интонация играет лишь вспомогательную роль. Расположение вопросительных слов в предложении относительно свободное. Вопросительные же частицы, как и показатели отрицания, соотношенного с высказыванием, примыкают к сказуемому. Отнесение вопроса к тому или иному элементу предложения достигается словопорядком.

В лексике выделяются общетюркские и заимствованные слои; особый пласт – это собственно башкирская лексика. Среди заимствований выделяются старозаимствованные и новозаимствованные слова. Старозаимствованная лексика фонетически адаптирована. Новые заимствования практически не адаптированы (харизма, компьютер, принтер) или адаптированы частично (*һаҡлыҡ банкы* – сберегательный банк). Новые заимствования в основном имеют восточнославянское (русское) происхождение. Даже слова, восхо-

дящие к западноевропейским языкам, так называемые интернационализмы, проникают в башкирский язык через русский.

Следует отметить, что среди старозаимствованной лексики также имеются слова восточнославянского происхождения (ср.: *самаяыр* – от самовар, *бурэнә* – от бревно и др.). Старые и древние заимствования башкирского языка в основном восходят к индоиранским, финноугорским, монгольским, арабскому языкам [Башкиры, 2016. 120–121].

2.4. ОГУЗСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Как уже говорилось выше, башкирский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. Однако, по мнению ряда тюркологов, в своей основе он был языком огузского типа, подвергшемся неоднократной кыпчакизации [Дыбо, 2006. 8-16.]. К сожалению, сторонники данной точки зрения практически не приводят никаких доказательств. Поэтому, на наш взгляд, генетическая классификация башкирского языка остается до конца не решенной. Ни в тюркологической, ни башкироведческой литературе нет работ, которые бы подтверждали или отвергали предположение об огузской основе башкирского языка.

К сожалению, в тюркологии не представлены исследования и по кыпчакизации башкирского языка со стороны других кыпчакских языков. Даже в фундаментальной монографии Т.М. Гарипова «Кыпчакские языки Урало-Поволжья: опыт синхронической и диахронической характеристики» не говорится ни слова о кыпчакизации башкирского языка [Гарипов, 1973. 303]. Между тем, как свидетельствуют языковые данные, в башкирском языке, особенно в его говорах представлен огромный пласт лексики, множество морфологических и фонетических форм, имеющих параллели в современных огузских тюркских языках или памятниках письменности древних тюрков.

В настоящей статье мы остановимся только на некоторых фонетических особенностях башкирских говоров, сближающих их с языками огузской группы.

Традиционно в огузскую группу тюркских языков относят такие языки, как азербайджанский, турецкий, туркменский, гагауз-

ский, а также некоторые диалекты крымскотатарского, караимского языков. Известный тюрколог А.В. Дыбо и другие авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» в данную группу также отнесли саларский язык и хорезмские говоры узбекского языка [СИГТЯ, 2002. 7-94.].

Как известно, перечисленные выше языки и диалекты, относящиеся к огузской группе тюркских языков, объединяет некоторый набор фонетических явлений, которые, по-видимому, восходят к праогузскому периоду. К числу таких явлений огузских языков следует отнести употребление звонких или озвонченных смывных в анлауте слова. Ср.: тур. *gel* 'приходить', аз. *gäl*, гаг. *gel*; тур. *bojun* 'шея', аз. *bojun*, туркм. *bojun*, гаг. *bojnu*; тур. *dinle* 'слушать'; аз. 'dinlä, турк. *dinle*; тур. *dokuz* 'девять', гаг. *dokuz*, аз. *doqquz*; тур. *depre* 'шевелить', гаг. *debre*, турк. *depre*, аз. *däbär* и др. [Гарипов, 1979. 303].

Следует отметить, что по употреблению анлаутных смывных башкирский язык отличается от близкородственного татарского и других кыпчакских языков.

В башкирском литературном языке, а также его диалектах и говорах звонкий анлаут представлен гораздо больше, чем в татарском языке. Ср.: баш. *бесэн* 'сено', тат. *печэн*; баш. *бысап* 'нож', тат. *пычак*; баш. *быскы* 'пила', тат. *пычыкы*; баш. *бәке* 'ножик', тат. *пәке*; баш. *бешерәү* 'варить', тат. *пешерү* и др. Явление звонкого анлаута в башкирском языке коснулось и заимствований. Ср. баш. *батша* 'царь', тат. *патша*; баш. *бәрәй* 'бес', нечистая сила', тат. *пәри*; баш. *билмән* 'пельмени', тат. *пилмән* и др. О звонкости башкирского анлаута известный тюрколог Т.М. Гарипов писал: «Башкирский язык занимает полный звонкости среди языков Урало-Поволжья» [Гарипов, 1979].

Как уже говорилось выше, в говорах башкирского языка звонкий или озвонченный анлаут представлен гораздо больше чем в литературном языке. Рассмотрим примеры из диалектов и говоров башкирского языка, сравним их с литературным языком. Ср.:

куб. гов. вост. диалекта*	перевод	лит. яз.
дәңгәл	'прямо'	тәңгәл
дуғай	'луг'	туғай
дәртелдәү	'вздрагивать'	тертләү
дәртәнә	'оглобли'	тәртә

дүрэ	'начальник'	түрэ
дулау	'брыкаться'	тулау
дулкын	'волна'	тулкын
дүнэрэк	'круглый'	түнэрэк
дугыу	'взбалтывать'	тукыу
дэгэрмэс	'колесо'	тэгэрмэс

арг. гов. вост. диал.**	перевод	лит. яз.
данышыу	'знакомиться'	танышыу
дамыр	'корень'	тамыр
дауыш	'голос'	тауыш
дэм	'вкус'	тэм
дуп	'мяч'	туп
домгойок	'лилия'	томбойок
дилбэрэн	'белена'	тилебэрэн
дандыр	'медленный' (об огне)	тандыр
дас	'таз'	тас
дырамбай	'трамвай'	трамвай

ай гов. вост. диал.	перевод	лит. яз.
дулкын	'волна'	тулкын
дулау	'биться', 'брыкаться'	тулау
дамға	'тавро'	тамға
гәүзә	'стан'	кәүзә
гисеү	'переправа'	кисеү
гәрәсин	'керосин'	кәрәсин

сальют гов. вост. диал.	перевод	лит. яз.
гәүзә	'стан'	кәүзә
гәрәш	'вика'	кәрешкә
гәмбәз	'купол'	кәмбәз
гәрлисә	'крыльцо'	болдор
гарунка	'коронка'	коронка
дауар	'товар'	тауар
дорба	'труба'	торба
дәрәндәк	'водоворот'	өйрәлтмәк
доба	'омут'	тоба

миас. гов. вост. диал.	перевод	лит. яз.
дарих	'история'	тарих

дүнәрәк	'круглый'	түнәрәк
дәкдир	'судьба'	тәкдир
дәртнә	'оглобля'	тәртә

кыз. гов. вост. диал.	перевод	лит. яз.
дән	'тело'	тән
дәрән	'глубокий'	тәрән
дулкын	'волна'	тулкын
дөрөнөү	'кутаться'	төрөнөү

В кызылском, иногда в миасском и айском говорах восточного диалекта некоторые слова в анлауте имеют звуки то д, то т. Ср.: дулкын – тулкын 'волна', дуғай – туғай 'луг', дулау – тулау 'брыкаться', даға – таға 'подкова', дошман – тошман 'враг', дүрт – түрт 'четыре', дүнгәүер – түнгәүер – название племени, дуғын – туғын 'обо', дегет – тегет 'деготь', дилбәгә – тилбәгә 'вожки', даған – таған 'таганок', 'опора', дамға – тамға 'тавро', димгел – тимгел 'крапчатый', димдәү – тимдәү 'сватать'.

Вышеприведенные и другие примеры из говоров показывают, что явление звонкого анлаута в основном характерно говорам восточного диалекта башкирского языка. Эта особенность практически все говоры восточного диалекта сближает с языками огузской группы. Во многих случаях примеры на употребление звонких или озвонченных анлаутных смыхных в говорах башкирского языка и языках огузской группы совпадают. Ср.:

дәртнә	дәртнә	дәртнә

Изложенные факты свидетельствуют о том, что анлаут говоров восточного диалекта и современных огузских языков совпадает.

Носителями восточного диалекта являются башкиры таких родоплеменных групп, как ай (с родовыми подразделениями мырзалар, тырнаклы, дуван, кошсо, сарт, айли, кудей (зауральская группа), упей, каратавлы, туркмен), сызгы, горнолесные тамьянцы, катайцы (бала-катай, оло-катай (кара-катай), ялан-катай, идель-катай, кузгун-катай, кроме инзер-катайцев), сальют, бикатин, сынрян, терсяк, восточные табынцы (с подразделениями кара-табын, барын-табын, тиялу, кубалаяк), кувакан, сырзы, северные или карагай-кыпчаки, северные или лесные тангаурцы [Кузеев, 1974. 210-275].

Перечисленные родоплеменные группы составляют основу северо-восточных и юго-восточных башкир, являющихся родственными образованиями. По мнению Р.Г. Кузеева, в VII-IX вв. эта группа башкир была в составе огузо-печенежского объединения племен [Кузеев, 1974. 448-453]. Действительно, об этом свидетельствуют этнонимия и родоплеменная атрибутика башкир, имеющие параллели у средневековых огузов и современных туркмен.

Изложенные факты позволяют говорить о том, что огузские элементы башкирского языка, по-видимому, восходят к языку тех древнебашкирских племен, которые были частью огузо-печенежского мира средневековья. Сюда же можно добавить и то, что, кроме фонетических особенностей, в говорах юго-восточных и северо-восточных башкир присутствуют как лексические, так и морфологические элементы, общие с огузскими языками. В качестве примера можно привести форму намыш-мещ, которая активно употреблялась в древнетюркском и употребляется в современных тюркских огузских языках. Ср.: Тәңрi тәг Тәңрiгә болмыш тўрк Билгә каган бу Өдкә олуртым подобный небу, рожденный на небе тюркский Билге каган, я нынче сел на царство [Малов, 1951. 33]. Ufadan gelmiş (тур) – ‘приехавший из Уфы’. Orta boylu boyaru nazik garaşur, buy jeri çoxdan tärlämiş bir g'änğ (аз) ‘молодой человек среднего роста, с тонкой шеей, брюнет, с уже давно пробившимися усами’. Сюда же можно добавить форму повелительного наклонения восточного диалекта с аффиксами -н, -ың, -ең, -иң, -оң, -өң, -уң, -ң, -юн. Ср.: барын, (ай) ‘идите’, килең (ай) ‘приходите’, бирен (ай) ‘отдайте’, йөрөң (миас) ‘ходите’, ятың (миас) ‘ложитесь’ и др. [Максютова, 1976. 292]. Известно, что аналогичная форма повели-

тельного наклонения характерна азербайджанскому (gälin), турк. (gelin), туркменскому (qe'lin) и др.

Как уже говорилось выше, наряду с другими родоплеменными группами, носителями восточного диалекта являются башкиры племен катай и табын, которые имеют несколько иную историю этногенеза. По материалам Р.Г. Кузеева, эти племена довольно поздно вошли в состав древнебашкирских племен.

Как отмечает Р.Г. Кузеев, родоплеменные группы катай и табын на территорию Южного Урала пришли примерно в XIII–XIV вв. [Кузеев, 1974. 210-275]. Эти племена с собой принесли довольно интересный тюркский язык, который имел много общих черт с языком древнетюркских памятников.

Наиболее яркой общей чертой языка памятников и языка башкир племен катай, табын, а также ун, является употребление консонантных сочетаний лт, мт, нт, рт, нк, нк. Ср.: башкирские говоры: дүңкәк (куб.), лит. дүңгәк 'кочка'; балтырған (арг., куб., миас, ай), лит. балтырған, киз. балдырған 'борщевик'; балдуҫ (арг.), лит. балдыз 'свояченица'; сөңкөл (миас. дем.), сөңкор (ай), сөңкор (сакм), оңкол (сред.), лит. соңғол 'омут'; сымылтык (сред., караид., миас.), сымылдыҫк (лит.) 'занавес'; сөңкөлтәк (сред., кыз.), сөңгөлдәк (дем) 'ворчун' и др.; памятники древнетюркской письменности; олуртым 'сел', уртым 'ударил', анта 'там', илтэ 'в государстве', бунта 'здесь', каганта 'у хана' и т. д. [Хисамитдинова, 1989. 82].

Таким образом, в отдельных говорах башкирского языка, а также в языке тюркских рунических памятников глухие смычные р, т, к, q встречаются там, где, согласно нормам современных тюркских языков в том числе и башкирского, они не могут находиться [Там же, 48-51]. Все это говорит о том, что смычные ряда башкирских говоров отличаются и от смычных литературного языка и некоторых других тюркских языков.

Нами в свое время было установлено, что происхождение консонантных сочетаний типа «сонант+глухой смычный» в говорах катайских и табынских, а также унларских башкир связано с наличием в системе согласных говоров оппозиции по силе и слабости. К тому же в говорах юго-восточных башкир отмечается употребление глубоко-заднеязычного фарингализованного гласного а, придыхательный оттенок у смычных. Все это в конечном счете является рефлексом общей закономерности, связанной с наличием в отдельных говорах башкирского языка системы сильных и слабых

смычных. В своих исследованиях Э. Р. Тенишев доказал существование аналогичной системы смычных согласных в языке тюркских рунических памятников. По его мнению, система согласных памятников рунического письма, как и саларского и сарыг – югурского языков, противопоставляются по признаку слабый – сильный [Тенишев, 2006. 251-257].

Изложенные факты говорят о том, что система согласных ряда башкирских говоров близка к согласным рунических памятников, а также саларского и сарыг- югурского языков. Эти языки А. В. Дыбо также считает языками огузского типа [Дыбо, 2002, 7-94]. Подводя итоги можно сказать что древнебашкирский язык действительно был языком огузского типа. Однако в результате инкорпорации в состав башкир кыпчакских и кыпчакизированных племен язык огузского типа древних башкир подвергся существенным изменениям, началась его кыпчакизация. Безусловно, этот процесс не был одномоментным. В течение всего средневековья в состав древних башкир вошли различные кыпчакские и кыпчакизированные племена, принося в язык свои диалектные особенности [Кузеев, 1974. 448–453]. Именно поэтому в говорах и диалектах башкирского языка присутствуют, наряду с огузскими, и кыпчакские черты. В частности, если в говорах восточного диалекта представлен звонкий анлаут, то говорам южного и северо-западного диалектов характерен глухой анлаут.

Ср.:

караил. гов. сев.-зап. диал. ***	перевод	др. гов. и лит. яз.
песэн	'сено'	бесэн
пешкэк	'мутовка'	бешкэк
пышкырыу	'фыркать'	бышкырыу
пыяла	'стекло'	быяла

нижнебел.-ык гов. сев.-зап. диал.	перевод	др. гов. и лит. яз.
пэрэнге	'картофель'	бэрэнге
пичура	'кикимора'	бисура
пэке	'колодец'	-
мэке/ бэке	'прорубь'	
пер	'один'	бер
порос	'перец'	борос

порос	'брус'	бурса
палан	'калина'	балан
папа	'бука'	бокай
пысрак	'грязный'	бысрак

В гайнинском и таныпском говорах северо-западного диалекта одни и те же слова могут употребляться как с глухими, так и звонкими согласными. Ср.:

танып гов. сев.-зап. диал.	перевод	лит. яз. и др. гов.
бешереу	'варить'	пешереу
бишмэт/пишмэт	'бишмет'	бишмэт
бабайбаш/папайбаш	'одуванчик'	бэпембэ
быжыу/пыжыу	'вянуть'	бэжеу
бофка/пәуефкә I	'пуговица'	төймә
борколдатыу/поркоратыу	'пылить'	борколдатыу

гайн. гов. сев.-зап. диал.	перевод	лит. яз. и др. гов.
Парта/Барда	'населенный пункт'	Барда
пичә/бичә	'жена'	бисә
пы/бы	'это'	был
пумазый / бумазый	'бумазья'	бумазый'
пригат/бригат	'бригада'	бригада
пинзин/бинзин	'бензин'	бензин
пелмин/белмин	'пельмени'	билмән

В говорах южного диалекта глухой анлаут зафиксирован в основном в среднем и демском говорах. Ср.:

южн. дем. гов. южн. диал.	перевод	лит. яз. и др. гов.
палаş	'палас'	балаş
песей үләне	'алтей'	бесэй икмәге
песей/песи	'кошка'	бесэй үләне
бесэй песи йелеге	'спинной мозг'	йөлән, бесэй желеге
песи майы	'спинной мозг'	йөлән, бесэй мэмәйе
пөт	'пуд'	бот
пышый	'вид обуви'	бышым
пәрэмәс	'шанги'	бәрэмәс

сред. гов. южн. диал.	перевод	лит. яз. и др. гов.
пырауылка	'переулок'	бырауылка (миас)
пакта	'шерсть весенне' линьки	бакта
пасутник	'буфет'	басудник (миас)
песэй мөндәре	'думка'	бесэй ястығы, күпсек
пирле	'с тех пор'	бирле

Глухой анлаут также зафиксирован в говоре оренбургских башкир, который по современной классификации относится к ик-сакмарскому говору южного диалекта. Ср.:

оренб. подговор южного диалекта	перевод	др. гов. и лит. яз.
пулуу	'быть'	булуу
пысырак 'грязь' бысрак пысак	'нож'	бысрак
пысак	'нож'	бысак
песэй	'кошка'	бесэй
петсә	'клещ'	бетсә
пыйала, 'стекло', быяла	'цветок'	быяла
көл		
гөл кел	'постоянно'	гел
Көлэйшә	'ичное 'имя'	Гөлэйшә
күр	'могила'	гүр

Следует отметить, что в ряде говоров южного диалекта параллельное употребление анлаутных б/п д/т, г/к, ғ/к. Ср.:

ик-сакм. гов. южн. диал.	перевод
дирән – тирән	'глубокий'
думбыйык – тумбыйык	'лилия'
далан – талан	'счастье'
диһтер – тиһтер	'ровесник'

Итак, как показывают примеры, говоры южного и северо-западного диалектов башкирского языка по своему анлауту больше сближаются с тюркскими языками кыпчакской группы.

Носителями северо-западного и южного диалектов, по мнению Р.Г. Кузеева и С.Ф. Миржановой, являются кыпчакские и кыпчакизированные племена башкир [Кузеев, 1974. 210–275; Миржанова, 1979. 272]. Эти племена уже в средние века в силу своей

многочисленности могли оказать влияние на язык древнебашкирских племен. Таким образом кыпчакизация башкирских племен с огузскими чертами фонетики произошла в основном в результате инкорпорации в их состав племен кыпчакской группы.

Что же касается кыпчакизации башкирского языка со стороны татарского и казахского языков, то, на наш взгляд, она не имела определяющего характера. Безусловно, нахождение башкир в составе Казанского ханства, массовое переселение татар на башкирские земли с XVIII в., обучение и ведение службы в мечетях на татарском языке способствовало определенному влиянию татарского языка на башкирский, особенно на говоры северо-западного диалекта. Что же касается кыпчакизации со стороны казахского языка, судя по материалам диалектов и говоров башкирского языка, следует отметить, что роль казахского языка в кыпчакизации сильно преувеличена. Во-первых, по сложившейся традиции, кочевья казахских и башкирских племен и родов не совпадали. Поэтому очень редко казахи проникали на башкирские земли. Казахское влияние заметно только в тех говорах, которые территориально примыкают к казахским диалектам.

В целом, подводя итоги, можно констатировать, что кыпчакизация башкирского языка связана с инкорпорацией средневековых кыпчакских и кыпчакизированных племен в состав древнебашкирского этноса.

2.5. ОТНОШЕНИЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА К ВОСТОЧНОТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ

Как уже говорилось выше, башкирский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. Однако в нем зафиксирован ряд особенностей, сближающих его с восточнотюркскими языками, в том числе и языками тюрков Сибири. На эту особенность башкирского языка еще в середине прошлого столетия обратил внимание известный тюрколог Н. А. Баскаков [Баскаков 1960. 162–163]. Позднее его поддержали и башкирские исследователи [Кузеев, 1974. 450–451; Максютова, 1996. 18, 116–117; Хисамитдинова, 1989. 84].

Восточнотюркские, в том числе и сибирские черты в башкирском языке отмечены практически во всех аспектах языка. Однако

наиболее ярко эти особенности проявляются в фонетике башкирского языка. Об этом Н. А. Баскаков писал: «Башкирский язык своими фонетическими чертами в области консонантизма связан ... с далекой восточной ветвью тюркских языков, т.е. с такими языками, как язык древних тюрков, как язык якутский, хакасский, связи с которыми у башкир были в весьма древнее время» [Баскаков, 1960. 163–164].

Действительно, именно своими фонетическими особенностями башкирский язык отличается от других языков кыпчакской группы, в том числе и от близкородственного татарского языка. К числу таких особенностей башкирского языка относятся такие явления, как употребление фарингального звука *h* вместо общетюркского *С*, функционирование в ряде говоров реликтовых консонантных сочетаний типа «сонант+глухой смычный», употребление фарингализованного заднеязычного *А* в среднем, кубалаякском и ик – сакмарском говорах башкирского языка, активное употребление в анлауте отдельных говоров глухих смычных *п*, *к*, *к*, *т* вместо *б*, *г*, *ғ*, *д* литературного башкирского языка и других кыпчакских языков. Вышеперечисленные особенности, как уже говорилось выше, башкирский язык и его диалекты объединяют с теми или иными языками тюрков Сибири, шире тюркскими языками восточного ареала. Так, например, если взять употребление фарингализованного звука *А* в ряде говоров башкирского языка, то известно, что аналогичное явление зафиксировано в тувинском, тофаларском и уйгуро-урянхайском языках [Наделяев, 1980. 37; Селютина, 2004. 65–91]. Что же касается употребления специфического звука *h*, то он регулярно употребляется, кроме башкирского, в якутском и халджемском языках [Убрятова, 1960. 72, 73; Дерфер, 1972. 95]. Изложенные факты свидетельствуют об актуальности сравнительного изучения фонетических явлений башкирского языка и его диалектов с аналогичными явлениями восточнотюркских, в том числе и сибирских языков.

В настоящей статье мы остановимся только на одном явлении, а именно – употреблении специфической фонемы *h* в башкирском языке. Данная фонема употребляется как в литературном башкирском языке, так и его диалектах и говорах.

В литературном башкирском языке и большинстве его говоров звук *h* употребляется во всех позициях слова и во всех частях речи.

Ср.: анлаут: һал, ‘плот’, һалма, ‘лапша’, һатыу ‘продавать’, һаңғырау ‘глухой’, һарғылт ‘желтоватый’, һарымһак ‘чеснок’, һез ‘вы’, һеркә ‘уксус’, һин ‘ты’, һигез ‘восемь’, һорау ‘вопрос’, һөт ‘молоко’, һунары ‘охотник’, һүрәт ‘картина’, һыйыр ‘корова’; инлаут: аһылдау ‘запыхаться’, башһыз ‘глупый’, баһа ‘цена’, дымһыл ‘сыроватый’, йәмһез ‘некрасивый’, ерһеү ‘приедаться’, маһайыу ‘зазнаваться’, каһарман ‘герой’; таһыл ‘сноровка’; ауслаут: аһ-аһ ‘ой-ой’, аһ-вах ‘ах-ох’, каһ-каһ ‘кха-кха’ (сильно кашлять) и др.

В отдельных говорах башкирского языка звук һ употребляется шире, чем в литературном языке и большинстве говоров. Ср.: анлаут: һатын (сальют), лит. катын ‘жена, женщина’; һәзер (миас), лит. хәзер ‘сейчас’; һужа (сальют, куб., киз.), лит. хужа ‘хозяин’; ‘һур’ (киз., сакм.), лит. зур ‘большой’; инлаут: таһма (ай), лит. таһма ‘лента’; аһыр (киз), лит. ахыр ‘конец’; оһан (сальют), лит. озан ‘тетерев’; кыһал (сальют), лит. кыһал ‘глист’; йаһтык (сальют), лит. ястык ‘подушка’, кыһыл (сальют), лит. кызыл ‘красный’; оһта (сальют), лит. оһта ‘мастер’; аһау (сальют), лит. аһау ‘есть’; йаһһын (сальют), лит. яһһын (йаһһын) ‘пусть пишет’; ауслаут: һүһ (сальют), лит. һүз ‘слово’; һеһ (сальют), лит. һез ‘вы’; кыһ (сальют), лит. кыз ‘девушка’; боһ (ик-сак), лит. боһ ‘пар’; кәһ (сальют), лит. кәһ ‘дерн’; йеһ (сальют), лит. еһ ‘запах’; кыһыр (киз., миас), лит. кыһыр ‘яловая’; биһер (миас), лит. бүһер ‘грыжа’; баһымсак (миас), лит. баһымсак ‘скромный’; нәһел (киз, миас), лит. нәһел ‘родня’ и др. [Диалектологический..., 2002. 432]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что фарингальный звук һ довольно активно употребляется в башкирском языке и его диалектах. Причем, если в литературном языке и большинстве говоров звук һ употребляется вместо общетюркского С, то в говорах, особенно сальютском звук һ соответствует интердентальному з (оһан – озан ‘тетерев’), звуку с (киһен – кисен ‘вечером’), межзубному ç (оһта – оһта ‘мастер’), звуку ш (аһау – аһау ‘есть’) и др. [Максютова, 1976. 172–188].

Таким образом, как показывают примеры, звук һ в башкирском языке употребляется, во-первых, во всех позициях слова, во-вторых, охватывает как разложимые, так и неразложимые основы, в-третьих, употребляется как в исконной, так и заимствованной лексике, в-четвертых, встречается не только в диалектах, но и литературном языке.

Как уже говорилось выше, фонема *h* в других кыпчакских языках зафиксирована только в заимствованной лексике. Ср.: *hava* (тат.) ‘воздух’, *hөнәрче* (тат.) ‘мастер’, *hәм* (тат.) ‘и’, *hөжүм* (тат.) ‘наступление’ и др. [Татар теленең..., 2005. 848].

Следует отметить, что в отдельных кыпчакских языках звук *h* даже в заимствованиях переходит в звуки *K*, *X* или совсем выпадает. Ср. анлаут: *ава/аве* (каз.), *аба* (кырг.), *ава* (кр. тат.), *ауа* (диал. тат. яз.) ‘воздух’, от араб. *hava*; инлаут: *заар* (кырг./ ‘яд’, от перс. *zahar*; *мешур* (кр. тат.) ‘знатный’, от араб. *машһур*; *бакит* (каз), *бакит* (кырг.), *бәхет* (тат.) ‘счастье’, от перс. *бахт*; ауслаут: *саба* (кр. тат.) ‘утро’, от араб. *сабах*; *Алла* (кырг.) ‘Аллах’, от араб. *Аллаһ* и др. [Меметов, 2006. 320.; Türk LEHÇELERİ, 1992. 1183].

Интересно отметить, что фонема *h*, кроме башкирского языка и его диалектов, фиксируется в якутском языке. Ср. *кыһыл* ‘красный’, в др. тюркских языках – *kızıl/gizil* или *kırmızı/gırmızı*; *киһи* ‘человек’, в др. языках – *kisi/кеше* или *adam*; *быһак* ‘нож’, в др. тюрк. языках – *biçak/бысак/пышак* [Якутско-русский..., 2006]. Судя по примерам в якутском языке звук *h* употребляется не во всех позициях слова. Ср.: в др. тюрк. *sekkiz ~ segiz* > башк. *һигез* > як. *aҕys* ‘восемь’; *suw ~ suu* > башк. *һуу* > як. *u*: (монг. *usp*) ‘вода’; *süt* > башк. *һөт* (монг. *hü*) > як. *ү:t* ‘молоко’; *semiz* > башк. *һимез* > як. *emis* ‘жирный’; *sajun* > башк. *һайын* > як. *a:ju* ‘каждый’; *sal* > башк. *һал* (монг. *hala*) > як. *a:l* ‘плот’; *saḡ ~ saw* > башк. *һaw-* (монг. *һааха*) > як. *уа* ‘доить’; *satuw* > башк. *һатыу* > як. *aty* ‘торговля’; *sen* > башк. *һин* > як. *en* ‘ты’; *siḡ* > башк. *һең* > як. *in* ‘впитывать’; *suḡus-* > башк. *һағыш-* > як. *oḡus* ‘ударяться’; *söz* > башк. *һүз* > як. *ös* ‘слово’; *süḡek ~ süjek* > башк. *һөйәк* > як. *uḡoḡ* ‘кость’ и т. д. [Дмитриев, 2008. 38]. Действительно, судя по примерам, звук *h* в якутском зафиксирован только в позиции между гласными звуками. Если сравнить с башкирским языком то можно заметить, что звук *h* якутского языка встречается вместо башкирских *з, с, ш, т, е*. как в сальютском говоре. Таким образом по этой особенности якутский язык отличается от башкирского литературного и сближается с сальютским говором.

Как уже говорилось выше, звук *h* зафиксирован и в халаджском языке. Ср.: *häg* ‘мужчина’, в баш. *ир*; *hadag* ‘нога’, баш. *аяк*; *hat* ‘лошадь’, баш. *ат*; *hüdZüm* ‘виноград’, баш. *йөзөм*; *ho:grax* (~ *oḡaq*) ‘серп’, баш. *ураҡ*; *hu:ot* (~ *ot < o : t*) ‘огонь’, баш. *ут*; *häv* (~ *ev*)

‘дом’, баш. өй; һаһих (~ аһуq) ‘горький’, баш. асы; һағаһ (~ аyaаһ ~ jaуааһ) ‘дерево’, баш. ағас; һуооаq (~ ооаq) ‘очаг’, баш. усаq; һur- (~ ur, vur) ‘бить’, баш. ур; һüөл (~ öl, höl) ‘мокрый’, баш. һүл и др. [Дерфер, 1972. 94].

Судя по примерам, в халаджском языке звук h употребляется только в анлауте.

Интересно отметить, что звук h встречается в анлауте отдельных слов огузских и сарыг-югурского языков. Ср.: тур. һуһкyрмаq ‘кричать’, в баш. кыскырыу; һyrlamaq ~ һyryldamaq (~ yryldymaq) ‘рычать, ворчать’, баш. ырылдау, кирг. yrulda; һajdy (~ ajda) ‘айда!’, баш. әйзә и др. В турецких и македонских говорах: һalbette ‘конечно’, баш. әлбиттә; һambar ‘амбар’, баш. азбар.

В гагаузском языке зафиксированы следующие примеры: һajYur ‘жеребец’, һobur ‘жадный’, һoluk ‘корзина, желоб’, һendezä ‘локоть, мера длины’, һa:džemi ‘дикий’, һangu ‘какой’, который, һany ‘который’, һodžaq (~ ооаq) ‘очаг’, һasta ‘больной’, һajva ‘айва’, һambar ‘амбар’, һarmut ‘груша’, һašča (~ aһča) ‘деньги’, һašxana (~ ašxana) «кухня»; һarpa ‘ячмень’, һalma ‘яблоко’, һoruč ‘пост’, һišlemä ‘работать’, һen ‘самый’, һe:r ‘если’ и др.

Приведем примеры из туркменского языка и говоров туркменов Ставрополя: һindži; ‘жемчуг’, һajčy ‘ножницы’, һorkok ‘трусливый’, һyртмуzy ‘красный’, һyгук ‘сорок’ и др.

Звук h зафиксирован в анлауте и сарыг-югурского языка. Ср.: һarqa (~ arqa) ‘спина’, һat ‘конь’, һаqa ‘старец’, һaš- ‘открывать’, һorta ‘середина’, һetek ~ һitik (~ etek) ‘подол’, һet- jet-} ‘достигать’, һižiptro (içiptur) ‘он пил’. В других случаях h иногда замещается заднеязычным глухим x, например: һағqa ‘спина’, һаqyt- ‘заставлять течь’, һас (aYys) ‘рот’, һаја ‘ладонь’, һоq ‘стрела’ и др. [СИГТЯ, 1984. 396–397].

О происхождении фонемы h в башкирском языкознании существует несколько точек зрения. Согласно первой точке зрения, у истоков которого стоит Н.К. Дмитриев, башкирский звук h восходит к иранским языкам [Дмитриев, 2008. 264]. Н.Х. Максютова происхождение звука h связывают с монгольскими языками, а звук h сальютского говора башкирского языка она возводит к тунгусскому языку [Максютова, 1976. 186]. Башкирский тюрколог Дж. Г. Киекбаев звук h считал звуком практиоркского языка, перешедшим еще в глубокой древности в общетюркский звук C и со-

хранившимся как реликтовое явление только в башкирском и якутском языках. По мнению Дж. Г. Киекбаева, рано отделившиеся от праязыка языки башкир и якутов сумели сохранить праязыковое *h*, которое регулярно и во всех позициях встречается в современном башкирском, в позиции между гласными звуками в якутском языках [Киекбаев, 1958].

В более поздних работах Дж. Г. Киекбаев высказал мнение о том, что звук *h* является результатом перехода общетюркского *c > ɟ > h* [Киекбаев, 1959. 133-137].

После открытия халаджского языка появились исследования Г. Дерфера о происхождении анлаутного *h* в халаджском языке. Проанализировав огромный материал, Г. Дерфер пришел к выводу о том, что, во-первых, анлаутный *h* является древнейшим явлением тюркских языков, восходящим к праязыку, во-вторых, по его мнению, начальный звук *h* халаджского языка восходит к этимологическому пратюркскому *р. «Не думаю, пишет он, что халаджский *h* можно объяснить иначе, чем из древнейшего (диалектного древнетюркского или предшествующего ему состояния) *h* – < пратюркский *р» [Дерфер, 1972. 95].

Следует отметить, что Г. Дерфер при рассмотрении возникновения звука *h* по какой-то причине не обратился к данным башкирского языка, в котором звук *h*, как уже говорилось выше, употребляется регулярно и во всех позициях слова. При обращении к башкирскому языку выводы Г. Дерфера, возможно, были бы более доказательными или же совсем другими. Для нас важно то, что Г. Дерфер на халаджском материале признал древность звука *h* в тюркских языках, его связь с пратюркской эпохой. В связи с тем, что целью данной статьи является выявление восточнотюркских черт башкирского языка и его диалектов, нам бы не хотелось сейчас особо углубляться в вопросы происхождения звука *h*. Хотелось только отметить, что, кроме башкирского, данное явление зафиксировано в таких восточнотюркских языках, как якутский и халаджский. Что же касается огузских языков, в которых звук *h* употребляется sporadически и в отдельных словах, то, судя по древнетюркским памятникам, первоначальная территория локализации этих языков также связана с восточным ареалом расселения древнетюркских племен [Малов, 1951. 451]. Возможно, что уже в пратюркскую эпоху некоторая часть племен была *h* – языч-

ной (в данной ситуации не имеет значения то, что *h* восходило к этимологическому * *p* или нет.). Другая часть тюрков могла быть *C* – язычной. К *h* – язычным, по-видимому, относились предки отдельных башкирских, якутских, халаджских, а также огузских племен, которые рано оторвавшись от общетюркского единства, сохранили звук *h*, правда, под влиянием различных факторов, не в одинаковой степени. Например, сохранению и регулярному употреблению пратюркского *h* в башкирском языке могли способствовать контакты с мадьярскими диалектами или же еще более древние башкиро-иранские языковые контакты. Так, например, в венгерском языке также зафиксирован звук *h*. Кстати, в нем, как и в тюркских языках исходный *k* перед гласным заднего ряда перешел в *h*. Ср. венг. *hab* ‘волна’ манс. (сев.) *xupr*, (южн.) *kup*, хант. *xupr*, вост. комп фин. *kumrua* ‘хлынуть’; венг. *hal* ‘рыба’, манс. (сев.) *xül*, (южн.) *kul*, хант. (сев.) *xul*, (вост.) *kul*, мар. *kol*, морд. *kal*, фин. *kala* [Хайду, 1985. 430] и др.

Сохранению звука *h* в срединной позиции якутского языка могли способствовать контакты с тунгусо-маньжурскими языками. Что же касается халаджского анлаутного *h*, то его сохранению могли способствовать контакты с тохарскими, китайским языками.

В целом, можно уверенно говорить о том, что звук *h* является исконным этимологическим согласным тюркских языков, возможно, исторически восходящим к более сильным согласным праязыка. Этот звук никак не может быть результатом воздействия иранских языков. Так, например, если считать башкирский *h*, звуком, возникшим в результате контакта с иранскими языками, то этот звук должен был бы появиться и в других тюркских языках, с которыми контакты иранцев были во все времена. Например, судя по письменным источникам, ирано-азербайджанские, ирано-туркменские, ирано-узбекские, ирано-турецкие контакты были даже более интенсивными, чем башкиро-иранские [СИГТЯ, 2002]. Поэтому вряд ли башкирский звук *h* имеет иранские корни. Что же касается иранского субстрата в Волго-Уральском регионе, то он, действительно, присутствует, но только в топонимии. Если бы звук *h*, был иранским субстратом, то он должен быть представлен во всех языках Волго-Уральского региона. Однако ни в тюркских (татарский и чувашский), ни финноугорских (марийский, удмуртский, мордовский) языках региона звук *h* в исконной лексике не

встречается. Поэтому вряд ли у истоков башкирского звука *h* стоят иранские языки.

Не логичными являются и доводы о происхождении башкирского *h* под влиянием монгольских языков. Если звук *h* связать с монгольским влиянием, то данный звук должен был бы появиться во всех восточнотюркских языках, т. к. контакты этих языков с монгольскими зафиксированы во многих письменных и других источниках. Однако, кроме, якутского и халаджского, звук *h* в восточнотюркских языках не зафиксирован. Изложенные факты позволяют усомниться как в иранском, так и монгольском происхождении звука *h* в тюркских языках. Скорее всего звук *h* в ряде тюркских языков представляет собой рудимент этимологического согласного *h*, восходящего к более сильным согласным тюркских языков этимологическому *r или *k.

3. ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Татарский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. В нем специалисты выделяют три диалекта: западный (мишарский, средний (казанско-татарский) и восточный (сибирско-татарский).

Из них средний является опорным диалектом татарского литературного языка, особенно его фонетической системы и лексического сложении же грамматического строя литературного языка большую роль сыграл западный диалект.

3.1. СРЕДНИЙ ДИАЛЕКТ

Носители среднего диалекта – казанские татары, основной исторической территорией формирования которых являются Республика Татарстан и прилегающие к ней регионы Поволжья. К настоящему времени (по разным историческим, экономическим и другим причинам) они расселены в пределах всего бывшего Советского Союза.

Средний диалект распространен на довольно значительной территории и распадается на большое число говоров. Это объясняется целым рядом исторических причин: ассимиляция булгар кыпчакскими племенами, многовековые тесные взаимосвязи и взаимовлияния с соседними финно-угорскими (удмурты, мари), тюркскими

(башкиры, чуваша), славянскими (русские) народами, частичная ассимиляция этих народов татарами, изоляция части татарского населения в религиозном отношении (крещение), территориальная изолированность отдельных групп населения, влияние мишарей и т. д. Однако по ведущим фонетическим особенностям подавляющее большинство говоров среднего диалекта незначительно отличается от литературного языка [Махмутова, 1969. 7].

В среднем диалекте выделяется группа реликтных говоров – ну-кратский [Бурганова, 1962], пермский³ [Рамазанова, 1996], касимовский [Махмутова, 1952], кряшенские [Баязитова, 1986]. Наличие в этих говорах ряда объединяющих их древних черт свидетельствует о том, что основные специфические черты разговорного языка казанских татар начали складываться еще в период развития их в составе одного административно-территориального объединения [Закиев, 1977. 103; Хакимзянов, 1985. 80] до переселения их носителей на современные территории их обитания [Махмутова, 1962. 223; Бурганова, 1985. 18].

3.2. ЗАПАДНЫЙ ДИАЛЕКТ

Наиболее древними местами обитания носителей западного (мишарского) диалекта [Махмутова, 1978] были бассейны рек Цна и Мокша, возможно, и восточные районы Мордовии. В их языке превалировали кыпчакские элементы, сохранилось больше древних черт. Этот диалект в меньшей степени подвергался внешним влияниям, и говоры его по сравнению с говорами среднего диалекта более единообразны. Западный диалект делится на две группы говоров – ч-окающую и ц-окающую. К ц-окающим относятся сергачский (Нижегородская область), дрожжановский (Татарстан, Чувашия), байкибашевский (Башкортостан) говоры, к ч-окающим – темниковский, лямбирский (Мордовия), кузнецкий (Пензенская область), хвалынский и мелекесский (Ульяновская область), чистопольско-кряшенский (Татарстан), шарлыкский (Оренбургская область), волгоградский (Волгоградская, Астраханская области). Смешанный характер имеет чистопольский говор (Татарстан), сформировавшийся в пределах Закамья, куда переселялись мишари

³ Башкирские диалектологи пермской говор – язык гайнинских башкир относят к гайнинскому говору северо-западного диалекта башкирского языка

из различных районов, носители как ц-окающих, так и ч-окающих говоров.

Возникновение этих говоров связано с постепенным, в течение четырех столетий, государственным и вольным переселением мишарей, входивших в служилое сословие, в процессе расширения Русского государства в восточном, южном и юго-восточном направлениях, строительства новых защитных линий для охраны его границ и с раздачей новых земель в качестве вознаграждения за военные заслуги. В результате взаимодействия носителей различных говоров между собой и с местным населением возникали новые говоры.

3.3. ВОСТОЧНЫЙ ДИАЛЕКТ

Восточным диалектом татарского языка было принято называть язык татар, населяющих Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Томскую области. Исследованиями Д.Г. Тумашевой (1961, 1977) установлено, что здесь выделяются тоболо-иртышский (с тюменским, тобольским, тарским, заболотным, тевризским говорами), барабинский и томский (с калмакским и зуштинско-чатским говорами) диалекты⁴. Как показывают исследования историков и лингвистов, в формировании носителей этих диалектов участвовали три компонента: местный тюркский (кыпчакские, позднее и восточнотюркские племена), бухарский (выходцы из Средней Азии, проникавшие с ранних периодов до первой половины XIX в. с торговыми, миссионерскими и другими целями), поволжско-татарский (с XV по XX в.). Последний оказал сильное влияние на хозяйственный уклад жизни, на материальную и духовную культуру местного населения и, что очень важно, на язык. Это привело к значительному изменению древнетюркской шкалы гласных сибирских диалектов в сторону поволжско-уральской системы [Тумашева, 1977. 28].

В результате анализа особенностей сибирских диалектов Д.Г. Тумашева также делает вывод, что в основе их лежит кыпчакский язык [Тумашева, 1977. 185, 246, 254, 260]. Однако каждый из указанных диалектов татарского языка в отдельные исторические периоды прошел в определенной степени самостоятельный путь развития.

⁴ Отдельные исследователи перечисленные говоры, особенно барабинский считают отдельным языком

Таким образом, в диалектах татарского языка в качестве общей основы лежит древнекыпчакский. Но в каждом из них имеются различные включения. Например, как указывалось выше, в состав казанских татар вошли как этнический элемент болгарские племена, в сибирских диалектах выявляется значительный слой, общий с алтайскими языками и др. Необходимо отметить, что выводы диалектологов находят свое подтверждение в архивных и письменных источниках и в изысканиях историков последних лет. Особенности татарского языка, как и башкирского, в основном связаны с фонетикой. Поэтому при описании диалектов также остановимся коротко на фонетике. В связи с тем, что в настоящей монографии находят отражение и лексические особенности кыпчакских языков Урало-Поволжья коротко остановимся и на лексике диалектов татарского языка.

3.4. ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТОВ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

При артикуляционно-акустической характеристике гласных выявляется вариантность фонемы а: оглубленный вариант – а^о, присущий литературному языку и большинству говоров среднего диалекта, тевризскому, тобольскому говорам тоболо-иртышского диалекта, открытый а – западному диалекту тюменскому, заболотному, тарскому говорам тоболо-иртышского диалекта, барабинскому, томскому диалектам и очень открытый а – дубьязскому, нукратскому, касимовскому, бастанскому, пермскому, кряшенским говорам среднего диалекта. В тоболо-иртышском диалекте отмечен палатализованный вариант а' (па^акча – лит. бакча 'сад', ка^айта – кайда 'где', а^ак – ак 'белый' и др.) как результат влияния узбекского языка [Тумашева, 1977. 37].

В западном диалекте все гласные характеризуются некоторой продвинутостью вперед [Махмутова, 1978. 32]; гласные у, ү иногда имеют дифтонгоидный характер: урман/у^орман 'лес', д^үэрт/дү^орт 'четыре', и т. д. В сергачском говоре иногда они качественно совпадают с общетюркскими *о, *ө: *орман – лит. урман 'лес', к^өн – көн 'день' и др.

Значительная группа соответствий гласных связана с возникновением и степенью утверждения в говорах поволжско-уральской шкалы гласных, т.е. с употреблением в татарском языке о, ө вместо

у, ү других тюркских языков и, наоборот у, ү вместо общетюркских о, ө, а также с переходом древнетюркских е в э и и. Все это реализовалось в диалектах и говорах в виде соответствий о – у, у – о, ө – ү, ү – ө, и – э, э – и, э – и, и – э, э – э, э – э – э, проявляющихся в ограниченном количестве слов: в западном диалекте осак – лит. усак ‘осина’, тэк(л)е – тикле ‘до’, в среднем диалекте токмач/тукмач – ‘лапша’ и др.; по направлению к востоку такие соответствия охватывают больший круг слов, это объясняется тем, что древнетюркские особенности сохранились под влиянием окружающих башкирских говоров в Приуральском регионе и алтайских, среднеазиатских тюркских языков в сибирских диалектах: оторау – лит. утрау ‘остров’; жөгин/жүгин – йөгән ‘узда’, толкын/тулкын – дулкын ‘волна’, күчле – көчле ‘сильный’, кәпрән – ‘наперник’, сәксән – лит. сиксән ‘восемьдесят’ и т. д.

Несколько по иному ведут себя в диалектах татарского языка и дифтонги.

В западном диалекте в отличие от литературного языка, а также от среднего и сибирских диалектов у дифтонгов -ай, -ой, -уй в позиции перед переднеязычными д, л, р, н, с, т, ч (ц) полугласный й опускается, а последующие согласные палатализируются: кан’ар – кайнар ‘горячий’, сал’а – сайла ‘выбирай’, кор’ок/кур’ик – койрык ‘хвост’, мун’ – муен ‘шея’, ул’а – уйла ‘думай’ и т. д.

Употребление -у вм. дифтонга -өй имеет несколько большую территорию распространения, но в ограниченном числе слов: сүлә – лит. сәйлә ‘рассказывай’, сүрә – сөйрә ‘волочи’, үрә – өйрә ‘пohлебка’ и т. п. Эта особенность является одной из основных отличительных черт западного (мишарского) диалекта от среднего и восточных, в которых, как и в литературном языке, дифтонг -өй в основном сохраняется.

В касимовском и сибирских диалектах гласные и, у, ү открытого слога могут произноситься и как дифтонг: кей – лит. ки ‘одевай’, барыш – бару ‘идти’, сетлек – сөлек ‘пиявка’, ытрак – урак ‘серп’, и др.

В подберезинском, нукратском, нурлатском говорах нисходящие дифтонги -ау/-әү (< др.-тюрк. -агу/-әгү) сужаются до полного редуцирования: тышау>тышоу/тышу – ‘путы’, бозау>бозоу/бозу – ‘теленки’, икәү>икөү/икү – ‘двое’, пермский теркәү>теркөү/теркү – ‘приданое’ и т. п. (сближаются с чувашским, алтайским языками).

По составу согласных фонем татарские диалекты также не отличаются ни друг от друга, ни от литературного языка. Исключение составляет закономерный переход заднеязычных – увулярных к, х, г в гортанный смычный (‘) в касимовском говоре: (‘ар‘а – лит. карга ‘ворона’). Аналогичные явления наблюдаются в ряде говоров западного и среднего диалектов, но лишь в конце слов или слогов. В мамадышском (факультативно) и мензелинском (системно) говорах вместо переднеязычного з употребляется интердентальный [з]: зирэк – лит. зирэк смышленный, смекалистый’, без – без ‘мы’, йазыгыз – языгыз ‘пишите’ и т.п. Следует отметить употребление звука з в Мензелинском говоре его сближает с башкирским языком, в котором данное явление является одним из основных фонетических особенностей.

Одними из ярких особенностей, имеющих системно-закономерный характер, являются: употребление разных вариантов согласных к, х, г (заднеязычные – в западном и увулярные – в среднем и сибирских диалектах) и позиционно неограниченное оглушение звонких звуков в сибирских диалектах; а также ж-оканье – в среднем и й-оканье – в западном и сибирских диалектах и др.

Словарный состав татарских диалектов в основе своей общий. Однако по диалектам и говорам имеются и некоторые различия.

В ряде случаев собственно диалектным словам одного диалекта в другом соответствуют их литературные эквиваленты: в западном куй, пуwеш, нэркэмэс, йомшак – в лит. языке и среднем диалекте соотв. сарык, почмак, эрем, күмэч и др.; в западном бусага, в сибирских пусага, в среднем диалекте тупса – лит. бусага ‘порог’ и др.

Отдельные диалектизмы имеют ограниченную территорию распространения: жасман (подберезинский говор) ‘тонкое мучное изделие, подаваемое с медом’; жусык (дубьязский) ‘направление’; йадаш (касимовский) ‘родная сестра’; ул бала (пермский) ‘младший деверь’ и др. Ряд диалектизмов распространен на значительной территории: йорт ‘двор’ (в западном, сибирских); мөгөш (в приуральских говорах); мийеш (касимовский говор); мөгеш (сибирские диалекты); нүwеш ‘угол’ (в западном) и др.

Во многих говорах в той или иной степени сохраняются архаичные слова или выражения (пермский говор: кодок ‘прулубь’; сибирские диалекты: коток ‘журавль колодца’; мензелинский говор: койо ‘родник’, ‘маленький ручеек, вытекающий из родника’, лит.

кое 'колодец'); древние значения: западный печу/пецу, кря-шенские печу 'кроить', нагайбакский пысу 'пилить', 'резать', 'кроить', златоустовский, ичкинский говоры пысу 'пилить' (ср.: др.-тюркск. быч- 'резать', 'рубить', косить') и т. д.

Одни и те же слова в диалектах и говорах могут иметь разные значения: ил 'страна' (лит. и во всех диалектах), 'село' (нагорные, заказанские, нагайбакский, темниковский, кузнецкий, хвалынский говоры), 'родная сторона, родные края' (западный диалект), 'чужая сторона', 'другая деревня' (пермский), 'направление, сторона' (мамадышский) и др.; чабу 'рубить' 'косить' (лит.), 'рубить сруб', 'служить кучером' (пермский), 'расчесывать козий пух' (каргалинский), 'мотыжить' (приуральские) и др.

Татарские диалекты богаты междиалектными омонимами и синонимами. Так, слово чабу имеет еще другие семантические функции, омонимичные к рассмотренным выше значениям: 'подол, пола' (общетатарское), 'луг' (нукратский, пермский говоры), 'снокос, косьба' (нукратский), 'луг, покос' (тарханский), 'постельные принадлежности' (подберезинский) и др.

Диалектная синонимия наблюдается в названиях этнографических реалий. Например, значение "перевязь" передается словами хэситэ, кэсилэ, кэсилтэ, буйтомар, бут'мар, буйынча/буйынса, хэйкэ, дэвэт/дэгвэт/дэгүт и др. Обряд моления дождя в засушливое лето называется сабан боткасы, йаңгор боткасы, чүк итү, чүмэчлеки, чүпкэ кыйу, карга боткасы, сүс быткасы, чүп быткасы, жаңгыр быткасы и т. п.

По составу русских, арабских, персидских заимствований татарские говоры различаются между собой незначительно. Выявлены случаи проникновения в татарские говоры русских диалектизмов из окружающих говоров [Тумашева, 1961. 48; Махмутова, 1969. 13] с сохранением особенностей говоров-источников. Например. зап. пәнүк пенок' – рус. диал. пянок, сэстра 'сестра' – рус. диал. сястра (в других говорах пинүк, систра и т. п.).

Говоры отличаются друг от друга по источникам заимствований. Так, в говоры западного диалекта проникли отдельные слова из мордовского языка: кәркеш 'оборки лаптей', пэзе/пэзи 'посконь', паңгы 'гриб' и др.; в средний – из финно-угорских языков: *пата* 'бабочка' (нукратский), *өмөжө* 'малина', *мал* 'ягода' (пермский), в подберезинском, нурлатском говорах бытуют слова, общие с чуваш-

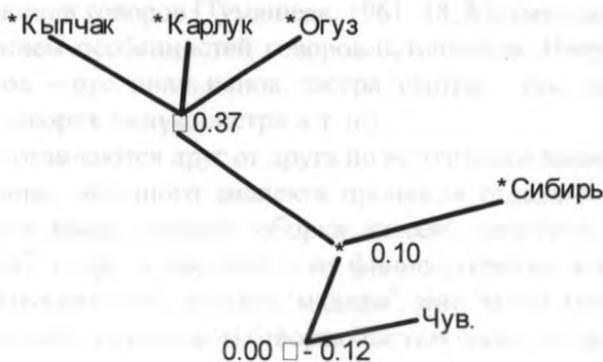
ским языком: *кэкий* – мясо и др. В сибирских диалектах выделяют пласты, общие с узбекским и уйгурским (*каньт* ‘сахар’, *пийас* ‘лук’, *көрөц* ‘рис’), с восточнотюркскими языками (*тет*: *тет агац* ‘лиственница’, *тап* ‘щепка’, *меңге* ‘богатство, состояние’) и др. На юге распространения татарских говоров зафиксированы казахские слова: *тамыр* ‘друг’ (в каргалинском) и др.

В настоящее время идет интенсивный процесс урбанизации, смешения диалектов и говоров, исчезают уникальные говоры, а вместе с ними и характерные для них специфические особенности.

РАСПАД ПРАТЮРКСКОЙ ОБЩНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ КЫПЧАКСКОЙ ГРУППЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В тюркскую семью языков относится около 40 языков. По последним результатам глоттохронологического анализа вопросника, сделанного по классическим морфологическим и фонетическим критериям, ее глубина оценивается более 2000 лет назад. Примерно, с 120 г. до н.э. произошел ее распад на две ветви, одна из которых получила название болгарской, для другой традиционно по умолчанию продолжает использоваться общий термин «тюркские» языки. Именно с этого рубежа проходят необратимые изменения в подгруппах, положившие начало независимому существованию предков современных языков. Время отделения болгарской ветви попадает на годы победы ханьского императора У-ди (127 г. до н.э.), когда «гунны бежали далеко, и к югу от пустыни (Гоби) уже не было ставки их правителя», а в 119 до н.э. огромная китайская армия захватывает северную ставку шаньюя. Последовательно в 56 г. до н.э. и в 48 г. н.э. происходят два раскола гуннов на «северных» и «южных» [Кляшторный, Султанов, 2009. 73]. Собственно первое дробление пратюркской общности связано с поражениями и упадком кочевой империи гуннов. В целом распад пратюркской общности на раннем этапе можно представить следующим образом:

1. РАСПАД ПРАТЮРКСКОЙ ОБЩНОСТИ

Подчинение китайской империи Хань в 90 годах н.э. гуннов Западного Притяньшанья соответствует обособлению сибирской подгруппы. Эта подгруппа сама по себе имеет сложное устройство. В ней к началу V в. выделяется d-кающая тувинско-якутская ветвь (с внутренним рападом в районе 680 г. н.э.). Оставшиеся сибирские языки делятся на z-кающую хакасскую подгруппу и j-кающую киргизско-алтайскую в районе 790 г. н.э. Такое название принято по характерному развитию пратюрк. согласного *-δ- в языках потомках. В первом случае это рефлекс звонкого смычного, во втором – звонкий спирантный рефлекс, в третьем – рефлекс в виде глайда (сонанта).

Распад огузской, карлукской и кыпчакской общности приходится на смутные времена на территории Северного Китая и сопредельных областей, названные китайскими историографами «Шестнадцать государств пять племен» (304-439 гг.). При математической бинарной интерпретации распада ожидается последовательное деление с шагом около 50 лет, что, естественно, маловероятно и в данном случае представлено редкое деление сразу на три подгруппы. Нельзя говорить ни о какой специфической попарной близости карлукской и кыпчакской, карлукской и огузской, а также кыпчакской и огузской подгрупп. Конечно, в истории этих языков и на самом древнем уровне могли проходить общие новые изменения с потерями старых противопоставлений, но они как правило, захватывали не весь ареал.

1.1. В результате анализа тюркского вопросника по морфологии и исторической фонетике удается выяснить таксономические характеристики кыпчакских языков. Степень расхождения языков решается путем математического анализа матрицы, куда вписаны все бинарные количества схождения между языками. Из данных языков, имеющих наибольший процент схождения между собой, выбирается наименьший вариант по отношению к третьему языку, т.е. у одного из парных родственных языков более высокий вариант считается следом контактного развития (в данном случае как бы сохранением теряемого признака или аналогичным восстановлением, что трактуется как неопознанное вовремя заимствование, подлежащее исключению при наличии нормального варианта ответа). После этих процедур выстраивается генеалогическое древо. После обработки матрицы схождения встает вопрос, как соотнести количество совпадений и время распада. Для лексико-

статистики такая формула выработана, в ней важную роль играет константа λ , определяющая процент утери слов из замкнутого списка за определенный промежуток времени. Но также и морфологическая, и фонологическая системы языков являются замкнутым списком повышенной стабильности, и общая причина уникального одиночного события (утери или изменения) здесь принципиально не отличается от языкового развития в замкнутой лексической подсистеме. Изменения происходят при передаче языковых данных от одного поколения к другому, однако из-за более ограниченного количества грамматических морфем и фонем, их более частого употребления по сравнению с лексемами, более активного взаимовлияния с другими фонемами и морфемами, выстраивания новых аналогий и контаминаций процент за тот же период отличается, а изменения, высчитываемые по аналогичной формуле, имеют другую константу выпадения.

Ниже представлен пошаговый анализ матрицы независимых фоно-морфологических схождений, актуальных для тюркских языков.

Языки в таблице схождений нотируются двумя или тремя буквами латиницей, что связано с ограниченным размером клеток (крымско-татарский (средний диалект) – *ktt*, казахский – *kaz*, кара-калпакский – *kkk*, ногайский – *nog*, караимский – *kar*, карачаево-балкарский – *kbl*, кумыкский – *km(k)*, волжско-татарский – *tat*, мишарский – *ms(r)*, башкирский – *bsh*, южно-башкирский (диалект) – *sbs*, восточно-башкирский (диалект) – *ebs*, сибирско-татарский (барабинский) – *stt*).

	<i>ktt</i>	<i>kaz</i>	<i>kkk</i>	<i>nog</i>	<i>kar</i>	<i>kbl</i>	<i>kmk</i>	<i>tat</i>	<i>msr</i>	<i>bsh</i>	<i>sbs</i>	<i>ebs</i>	<i>stt</i>
<i>ktt</i>		72	75	79	85	73	78	79	75	76	69	72	78
<i>kaz</i>	72		94	88	73	74	73	74	72	78	82	85	75
<i>kkk</i>	75	94		88	72	76	77	73	71	77	80	83	74
<i>ng</i>	79	88	88		76	73	80	78	75	80	80	81	78
<i>kar</i>	85	73	72	76		84	84	84	82	77	80	81	87
<i>kbl</i>	73	74	76	73	84		88	76	76	71	81	80	79
<i>km</i>	78	73	77	80	84	88		78	77	76	78	77	78
<i>tat</i>	79	74	73	78	84	76	78		90	87	88	86	94
<i>ms</i>	75	72	71	75	82	76	77	90		81	85	81	89
<i>bsh</i>	76	78	77	80	77	71	76	87	81		95	94	85
<i>sbs</i>	69	82	80	80	80	81	78	88	85	95		98	86
<i>ebs</i>	72	85	83	81	81	80	77	86	81	94	98		89
<i>stt</i>	78	75	74	78	87	79	78	94	89	85	86	89	

Наибольшее число соответствий между южно-башкирским и восточно-башкирским диалектами (98%). После объединения этих двух полей получается такая таблица (в ней под sbs надо понимать единство sbs & ebs):

	ktt	kaz	kk1	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh	sbs	stt
ktt		72	75	79	85	73	78	79	75	76	69	78
kaz	72		94	88	73	74	73	74	72	78	82	75
kk1	75	94		88	72	76	77	73	71	77	80	74
ng	79	88	88		76	73	80	78	75	80	80	78
kar	85	73	72	76		84	84	84	82	77	80	87
kbl	73	74	76	73	84		88	76	76	71	80	79
km	78	73	77	80	84	88		78	77	76	77	78
tat	79	74	73	78	84	76	78		90	87	86	94
ms	75	72	71	75	82	76	77	90		81	81	89
bsh	76	78	77	80	77	71	76	87	81		94	85
sbs	69	82	80	80	80	80	77	86	81	94		86
stt	78	75	74	78	87	79	78	94	89	85	86	

Теперь можно произвести объединение непересекающихся пар полей, максимумы схождений в которых больше 90%. Это следующие поля: башкирский литературный язык (его база – западный диалект) и башкирский (общий) юго-восточный диалект с процентом схождений 94%, волжско-татарский и сибирско-татарский с общими схождениями также 94%, казахский и каракалпакский, опять же, с процентом схождений 94%.

	ktt	kaz	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh
ktt		72	79	85	73	78	78	75	69
kaz	72		88	72	74	73	73	71	77
ng	79	88		76	73	80	78	75	80
kar	85	72	76		84	84	84	82	77
kbl	73	74	73	84		88	76	76	71
km	78	73	80	84	88		78	77	76
tat	78	73	78	84	76	78		89	85
ms	75	71	75	82	76	77	89		81
bsh	69	77	80	77	71	76	85	81	

В получившейся таблице под kaz надо понимать казахское и каракалпакское единство, под tat – волжско-татарское и сибирско-татарское единство, под bsh – общешкирское единство.

Наглядными становятся пары языков с числом соответствий, приближающимся к 90%. Это «большой татарский» (tat & stt) и

мишарский диалект (89%), карачаево-балкарский и кумыкский языки (88%), «большой казахский» (kaz & kkl) и ногайский языки (88%). После объединения этих пар полей таблица выглядит таким образом:

	ktt	kaz	kar	kbl	tat	bsh
ktt		72	85	73	75	69
kaz	72		72	73	71	77
kar	85	72		84	82	77
kbl	73	73	84		76	71
tat	75	71	82	76		81
bsh	69	77	77	71	81	

Следующей парой языков с максимальным значением схождений является крымско-татарский и караимский языки, – у них 85%. После объединения этих полей получается такая таблица:

	ktt	kaz	kbl	tat	bsh
ktt		72	73	75	69
kaz	72		73	71	77
kbl	73	73		76	71
tat	75	71	76		81
bsh	69	77	71	81	

По ней наглядно видно, что ближайшими родственниками на этом уровне являются «большой татарский» (tat & stt & msr) и башкирский (bsh & sbs & ebs) с числом схождений 81%. При объединении этих двух полей таблица принимает следующий вид:

	ktt	kaz	kbl	tat
ktt		72	73	69
kaz	72		73	71
kbl	73	73		71
tat	69	71	71	

При анализе этой таблицы становится ясным, что глубина кыпчакской подгруппы составляет 69% процентов, однако возникает вопрос, с какой из подгрупп объединять кавказские тюркские языки (kbl & kmk) – с крымско-татарским и караимским (ktt & kar) или с той ветвью, куда входят казахский, кара-калпакский и ногайский (kaz & kkl & nog). С обеими этими подгруппами кавказские языки имеют 73%. При объединении кавказских языков с крымско-караимской ветвью получается вариант:

	ktt	kaz	tat
ktt		72	69
kaz	72		71
tat	69	71	

Здесь под ktt понимается общая «кавказско-крымская подгруппа», имеющая собственную глубину 73%. А при объединении кавказских языков с ногайско-казахской подгруппой получается вариант:

	ktt	kaz	tat
ktt		72	69
kaz	72		71
tat	69	71	

Но здесь уже под kaz понимается «кавказско-ногайская подгруппа» с глубиной 73%. Как наглядно видно, это, практически, – та же самая таблица. По ней последующим объединением является ветвь, включающая в себя и крымско-караимский, и ногайско-казахский, и кавказские тюркские языки. Глубина этой общей ветви 72%. Разница совсем незначительная, ее можно просто интерпретировать как фактически одновременный распад данного единства на три равноправных ветви на рубеже 72-73%. В любом случае особняком стоит «большое поволжское единство», включающее татарский (и его диалекты) и башкирский (и его диалекты), а распад кыпчакской общности на две части происходит при 69% схождения.

В кыпчакских языках представлен значительный подскок процентов совпадений башкирского языка и его диалектов с казахским, каракалпакским и ногайским. Однако он снимается при комплексном сравнении с другими кыпчакскими языками, и оказывается, что наиболее близкими родственниками являются языки «татарской» подгруппы, хотя выделение башкирского языка было самым ранним на кыпчакском уровне.

После разбора кыпчакской подгруппы тюркских языков определяется статус киргизского языка. Несмотря на большое количество схождения 79% с казахским и 76% с каракалпакским, в случае с близкородственным им ногайским он имеет всего 69% схождения, а с другими кыпчакскими языками процент совпадений опускается до 64%, как в случае с кумыкским, и 65%, как в случае с мишарским. Т.е. уровень родства выходит за рамки кып-

чакской подгруппы. «Подскок» процентов схождения наблюдается у киргизского также с ново-уйгурским - 74%, хотя с узбекским он имеет 63%. Без сомнения, здесь можно говорить лишь о вторичных ареальных контактах киргизского языка с соседними казахским и ново-уйгурским, обусловивших повышение процента общих совпадений, а не о специфическом родстве киргизского языка этим языкам. Киргизский - ближе всего родственен с синхронно неконтактирующими с ним языками Алтая, с которым он имеет около 80% схождения.

1.2. Ниже представлено генеалогическое древо кыпчакской подгруппы тюркских языков с временной калибровкой при числовом значении коэффициента λ , вычисляемого из формулы

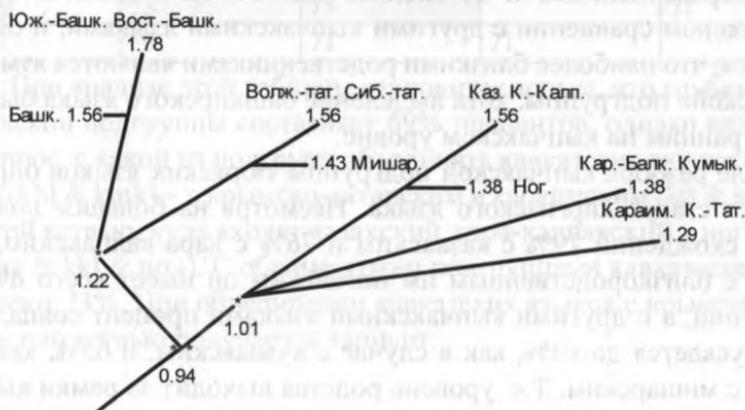
$$t^2 = \frac{h \frac{C_2(t)}{C_0}}{-2\lambda\sqrt{C_2(t)}}$$

, варьирующимся от 0,21 до 0,2145. Это вариант

глоттохронологической формулы С. А. Старостина для двух языков, где t – момент времени, $C_2(t)$ – доля сохранившихся слов в двух языках потомках, C_0 – исходный основной список. λ – коэффициент, отражающий «скорость выпадения» элементов из основного списка.

В этой графе целым числом помечается тысячелетие, а дробной точкой отделены десятые и сотые доли, таким образом, например, 1.56 соответствует приблизительно 1560 г. н.э. При его составлении на позднем (недавнем) этапе уровней тюркских подгрупп как более точные принимались данные списка из 83 вопросов).

Кыпчакская подгруппа тюркских языков

Рассмотрение узлов распада кыпчакских языков и диалектов лучше начинать с относительно малой глубины расхождений.

Распад южного и восточного диалектов башкирского языка в районе 1780 г. совпадает с восстанием Емельяна Пугачева, последовавшей ликвидацией Яицкого казачьего войска и с передачей части его территорий в сопредельные губернии. С этого момента по административным и политическим причинам, связанным с репрессиями после восстания Салавата Юлаева, нарушается контакт между носителями восточного и южного диалектов. Башкирский западный, легший в основу литературного языка, отделяется в районе 1560 г., в то же самое время, когда происходит распад волжско-татарского и сибирско-татарского языка, а также казахского и каракалпакского. Это является последствием покорения Казанского ханства Иваном Грозным и в соотносимом по времени распадом Ногайской орды. Отделение мишарского от общетатарского ствола происходит около 1430 г. после череды смут в Золотой Орде и фактического ее распада. Выделение ногайского языка из «большой казахской» (канглы) подгруппы и распад кавказской тюркской общности кумыкского и карачаево-балкарского языков совпадают с экспансией Тимура (1380 г.). Дело в том, что в отличие от своих восточных родственников, ногайцы не вошли в созданную им «Вторую Монгольскую империю», то же касается и предков карачаево-балкарцев, в отличие от кумыков. Аналогичные дробления в этот период произошли и в других подгруппах тюркских языков, в частности нарушился контакт между предками ново-уйгурского и узбекского языков, нухинским диалектом азербайджанского языка и остальными азербайджанцами и т. д. Разделение поволжского кыпчакского объединения предков башкир и поволжских татар начинает оформляться после битвы при Калке (1223 ~ 1224 г.), т.е. первого похода монголов Субедея на территории Восточной Европы и последующего покорения Поволжья.

Распад Киевской Руси после монгольского нашествия на несколько образований и переход части союзных тюркских племен на службу к Галицко-Волынскому княжеству, впоследствии к Великому княжеству Литовскому и Польше объясняет выделение караимского языка (около 1290 г.) из общности с крымско-татарским языком. Имеется в виду средний диалект этого языка, в отличие от южного крымско-татарского, являющегося турецким диалектом, и северного крымско-татарского, являющегося диалектом

ногайского языка. Надо отметить, что расположение караимских диалектов связано со столицами этих государств - окрестности Галича, окрестности Тракая (первой столицы Литвы) и район Кракова (столицы Малой Польши и местопребывание королевского двора). Это явно были привелигированные поселенцы, мужское население которых служило в княжеской или королевской гвардиях. Обращение в иудаизм, связано с более ранними временами: предшествующим вхождению в Хазарский каганат и проживанием в Крыму (Тьмутаракань), но, интересно, что часть тюркского крымского населения примерно в это же время принимает христианство, и в 1303 г. был записан Кодекс Куманикус, язык которого ближе к караимскому. По хроникам известно, что часть половецких племен приняла участие в битве на Калке, т.е. отношение типа «федератов» между половцами и Русью уже явно сложились к этому времени.

В 1030-1050 гг. происходит окончательное разрушение Хазарского каганата под напором кыпчакских народов из восточных степей. Дробление основной массы кыпчаков на три ветви происходит к 1010 г., и, по всей видимости, этот процесс и последующая миграция послужили толчком, в результате которого прошло вытеснение гузов и последующее разрушение Хазарского каганата с освоением его территорий половцами, известными по русским источникам с 1055 г.

Распад пракыпчакской общности (с 940 г.) напрямую связан с распадом Киргизского каганата в 936 г. и с последующей смутой на территории Джунгарии и Восточного Казахстана, а также миграции части племен на запад в Приуралье и Приволжье.

1.3. Существует способ учесть теряемую информацию о подскоках процентов, которые убираются при математическом анализе матрицы. При его применении учитываются показатели разницы фактического процента с генетическими соответствиями процентов (которые выясняются при нормальном анализе матрицы с учетом минимума схождения). От общего процента схождения отнимается реальный процент схождения в соответствии с узлами генетического распада. Ниже дана сравнительная таблица вторичных изоглосс кыпчакских языков и диалектов. Жирным шрифтом и тонированием выделены значительные проценты контактных изоглосс.

	ktt	kaz	kk1	nog	kar	kbl	kmk	tat	msr	bsh	sbs	ebs	stt
ktt		0	3	7	0	1	9	10	6	7	0	3	9
kaz	0		0	0	1	2	1	5	3	9	13	16	6
kk1	3	0		0	0	4	5	4	2	8	11	14	5
nog	7	0	0		4	1	8	9	6	11	11	12	9
kar	0	1	0	4		12	12	15	13	8	11	12	18
kbl	1	2	4	1	12		0	7	7	2	12	11	10
kmk	9	1	5	8	12	0		9	8	7	9	8	9
tat	10	5	4	9	15	7	9		1	6	7	5	0
msr	6	3	2	6	13	7	8	1		0	4	0	0
bsh	7	9	8	11	8	2	7	6	0		1	0	4
sbs	0	13	11	11	11	12	9	7	4	1		0	5
ebs	3	16	14	12	12	11	8	5	0	0	0		8
stt	9	6	5	9	18	10	9	0	0	4	5	8	

На что в первую очередь следует обратить внимание при рассмотрении этих сепаратных контактных повышений процентов. Максимальные проценты, отражающие контактные изоглоссы наблюдаются между башкирскими диалектами, включая литературный (исторически западный) башкирский, и языками ногайской (большой казахской) подгруппы, причем западный диалект башкирского языка имеет меньшее количество изоглосс, что, конечно, объяснимо географически. Однако синхронно удаленный ногайский язык не выбивается из общей картины, что указывает на древность и интенсивность этих контактов, возможно племенной союз в раннюю эпоху после распада кыпчаков. Процент общешкирских контактных изоглосс с волж.-татарским ощутимо ниже «ногайских» изоглосс, и даже меньше кумыкско-общешкирских, что указывает на сепаратные контакты с кумыками в местах летовий до прихода русских и калмыков. Отдельно заметно повышение процента между сиб.-татарским и вост.-башкирским, но это, несомненно, является отражением позднейших прямых контактов.

В караимском языке (Галича, Тракая и Кракова) наблюдается значительный подскок вторичных совпадений с языками Поволжского и Северо-Кавказского ареалов, что означает длительные сепаратные контакты. Это можно объяснять или первоначальной неоднородностью караимов (т.е. несколькими тюркскими этносами, перешедшими на службу к Даниле Галицкому, где ка-

раимоязычные играли доминирующую роль и ассимилировали остальных), можно объяснять регулярной «подпиткой» служилых караимов из этих ареалов (жены, или новые «служилые татары», принявшие иудейскую веру). Но более вероятным кажется их проживание до позднейшего поступления на службу в XIII в. именно в ареале Поволжья и Северного Кавказа, т.е. фактически на территории Хазарии, что объясняет и их необычное для остальных тюрок вероисповедание.

Интересны повышения процентов для крым.-татарского языка. Здесь представлены соотносимые подскоки с ногайским (это, конечно же, влияние «северного» ногайского диалекта крым.-татарского языка), с общ.-татарским и зап.-башкирским, а также с кумыкским. Повышение процента схождений с тюркскими языками Поволжья связан с временами Золотой орды и позднее с династическими связями Казанского и Крымского Ханств. Подскок с кумыкским языком, в отличие от родственного тому карачаево-балкарского, указывает на контакты в районе нынешнего северного Прикубанья, Ставрополя и Калмыкии. Судя по большому практически одинаковому количеству кумыкских контактных изоглосс с Поволжьем и крым.-татарским, следует предполагать, что первоначальный ареал кумыков был значительно севернее их нынешнего распространения, т.е. в местах, позднее занятых казаками и калмыками. Очень похоже, что это была территория Астраханского ханства.

2. КЫПЧАКСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

2.1. СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ КЫПЧАКСКОГО ЯЗЫКА

В целом, несмотря на обилие трудов по тюркской исторической фонетике, проблемами реконструкций конкретных подгрупп посвящено очень мало работ. Это касается и изучения исторической фонетики кыпчакских языков. Исключение, разве что, составляют работы А.А. Чеченова [Чеченов, 1996; Мусаева, 2002. 216–339], их точки соприкосновения отражают общее представление о кыпчакской реконструкции. Для пракыпчакского языка на настоящее время реконструируется следующая система согласных фонем (согласные расположены по локальным рядам и группируются по способам образования, см. – смычный, сп. – спираント):

*****	губн.	дент.	палат.	велярн.	увул.
глух. см.	-p(-)	t	č	k	q
звонк. см.	b	(d)-, -d-	ʒ-, (-ʒ-)	(g-), -g-	
носов. см.	m	-n(-)		-ŋ(-)	
глух. сп.		s	-š(-)		
звонк. сп.		-z(-)			-ʎ-
глайды	-w(-)		-j(-)		
плавн.		-l(-), -r(-)			

По представленной таблице можно проследить, что часть кыпчакских согласных имела ограниченную дистрибуцию, и для некоторых из них присутствовало ограничение в первую очередь на встречаемость в начальной позиции.

2.1.1. Кыпчакский глухой губной смычный *p(-) продолжает развитие пратюркского *p(-), который также имеет запрет на встречаемость в начале. Исторически, праалтайский *p' - дал в раннем пратюркском «h-, который практически исчез почти во всех языках потомках, за исключением, разве что, халаджского (языка карлукской подгруппы, расположенного в Иране), где в части случаев фиксируется начальный h- в ожидаемых по внешним соответствиям позициях. В интервокале кыпч. *p- отражает пратюрк. *p- после кратких гласных. В этой позиции пратюрк. согласный имел преаспирацию *p'-. В конечной позиции в кыпчакском согласном *p уже совпадают пратюрк. преаспирированный *p' и неаспирированный *p вне зависимости от долготы или краткости. Кроме того, все кыпчакские языки имеют морфонологическое чередование конечного *p с согласным *b- для случаев интервокала (между гласными), таким образом данное чередование следует экстраполировать на пракыпчакский уровень и считать, что морфонологически произошло совпадение конечных *p и *b в глухом варианте. Таким образом, фактически, фонетический конечнослоговой согласный *p является закономерным оглушенным вариантом морфонологического кыпчакского «-b.

2.1.2. Начальный звонкий губной смычный *b- развивается из пратюрк. *b- в большинстве случаев. В интервокальной позиции кыпч. *b- отражает пратюрк. *p- после долгих гласных. Про позицию конечной нейтрализации и чередования конечного согласного говорилось выше.

2.1.3. Начальный кыпчакский глухой дентальный смычный *t- происходит из пратюрк. *t- и *d-. В большинстве случаев фиксируется именно такое развитие. Однако иногда в части языков и диалектов наблюдается фиксация d- на месте исконного *d-, что является архаизмом. Вопрос о позициях, в которых созранияется начальный звонкий, рефлексация по языкам и ареалам нуждается в кропотливом изучении и сборе материала. Пока он остается открытым. В интервокале кыпч. *-t- происходит из преаспирированного пратюрк. *-\`t- после кратких согласных. Здесь ситуация аналогична случаю для \*-p-. В конце слова и слога долгота предшествующего согласного не является важной и любой пратюрк. \*-t-, как преаспирированный (\*-\`t), так и не преаспирированный, отражается в кыпч. *-t. Причем при словоизменении этот согласный никогда не чередуется со звонким соответствием в отличие от случаев для *-p.

2.1.4. Кыпчакский звонкий дентальный смычный *-d- характерен лишь для позиций в середине слова. Про случаи начальной фиксации звонкого дентального говорилось выше. Этот согласный происходит из двух пратюрк. источников. В интервокале он отражает пратюрк. непродыхательный *-t- после долгого (реже после краткого, иначе называемого «сокращенным») гласного. На стыках словоизменительных и некоторых словообразовательных морфем он происходит из пратюрк. *-δ- (в старой нотации – *-d-), причем этот согласный является начальным в аффиксальной морфеме (в кыпч. это показатель прош. вр. *-di, местный падеж на *-da, показатель уподобительности *-daj, суффикс собирательности по признаку *-daš и некоторые др.). Иногда отмечаются случаи появления кыпч. *-d- при вторичной метатезе пратюрк. *-δ- внутри основы, ср. кыпч. варианты *öjrek ~ *ördek 'утка' из пратюрк. *öðrek.

2.1.5. Кыпчакская палатальная аффриката *č является рефлексом аналогичной пратюрк. аффрикаты *č. Она встречается во всех позициях, причем конечный кыпч. *-č, оказавшись перед гласным при словоизменении, не вступает ни в какие чередования аналогично кыпч. *t.

2.1.6. Звонкая кыпчакская аффриката *ʒ- в первую очередь характерна для анлаутной позиции, здесь она отражает пратюрк. *ʒ- (в старой нотации – *j-), которая, в свою очередь, восходит к

праалт. согласным *ʒ-, *d-, *l-, *l-, *ń-, *n- и, реже, к дифтонгам *iV- и *j-. Внутри основ отмечаются несколько случаев появления звонкой аффрикаты, они могут объясняться позицией непридыхательного пратюрк. *-č- после долгих гласных, хотя этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании и полном сборе репрезентативного материала.

2.1.7. Кыпчакский глухой веллярный смычный *k встречается во всех позициях слов переднего сингармонистического ряда гласных. В начале слова он восходит к пратюрк. *k-, *g-. Ситуация здесь аналогична развитию дентальных. В части языков и диалектов, в первую очередь – в кумыкском, отмечается звонкий анлаут g- для пратюрк. *g-. Это является архаизмом. Присутствуют также случаи вторичного озвончения исконного глухого начального согласного, которые нуждаются в изучении, необходим также комплексный сбор по остальным языкам и диалектам кыпчакской подгруппы. В позиции интервокала кыпч. *k- продолжает пратюрк. преаспирированный *^hk- в позиции после краткого гласного. В позиции ауслauta (конца слова) этот согласный отражает пратюркские придыхательные и непридыхательные варианты вне зависимости от долготы. Этот конечный кыпчакский *k-, оказавшись при словоизменении перед гласным переходит в кыпч. *-g-, таким образом кыпч. *k- является поверхностным вариантом морфонологического кыпч. «-g (ср. выше глухие согласные других локальных рядов, в первую очередь губной ряд).

2.1.8. Кыпчакский звонкий веллярный смычный *-g- характерен лишь для позиций в середине слова при переднем ряде сингармонизма. Про случаи начальной фиксации звонкого веллярного говорилось выше. В неразложимых основах он происходит из пратюрк. непридыхательного *k- после долгого гласного. В других случаях он является результатом чередования конечного кыпч. *k-. Как правило все аффиксы, начинающиеся на заднеязычный (за исключением атрибутивного аффикса *-ki, присоединяемого к наречиям и именам в местых падежах) имеют между гласными вариант с *-g-.

2.1.9. Кыпчакский глухой увулярный смычный *q встречается во всех позициях слов заднего сингармонистического ряда гласных. В начале слова он восходит к пратюрк. *q-, *g- (*k-, *g- в старой нотации). Этот согласный распределен с веллярным *k по

сингармонистическому ряду и вступает с ним в морфонологические чередования. В интервокале кыпч. *-q- продолжает пратюрк. преаспирированный *-ʔq- в позиции после краткого гласного. В позиции ауслота этот согласный отражает пратюркские придыхательные и непридыхательные варианты вне зависимости от долготы. Аналогично кыпч. конечному велярному *-k, оказавшись при словоизменении перед гласным, кыпч. *-q озвончается и переходит в увулярный спирант *-ɣ-.

2.1.10. Кыпчакский носовой губной смычный *m фиксируется во всех позициях. В середине и конце слова он происходит из пратюрк. *m. В анлаутной позиции он продолжает пратюрк. *b- перед историческим носовым согласным. На пратюрк. уровне были запрещены начальные сонанты, в том числе и носовые, таким образом кыпч. *m- является инновативным и может, как и кыпч. *b-, восходить к праалт. *b- и праалт. *m-.

2.1.11. Кыпчакский носовой дентальный смычный *n типичен для срединной и конечной позиции, что связано с аналогичными пратюрк. ограничениями. В этих позициях он восходит к пратюрк. *n. Исключение имеет лишь вопросительное местоимение *ne 'что' (из пратюрк. *nē), где неожиданное сонантное начало указывает на его исторический клитический характер.

2.1.12. Кыпчакский носовой велярный смычный *ŋ, восходящий к пратюрк *ŋ, типичен для срединной и конечной позиции, что связано с аналогичными пратюрк. ограничениями. Различие велярных и увулярных вариантов по сингармонистическому ряду являются несущественными и не отражаются в рефлексии в языках потомках. Не всякий пратюрк. *ŋ отражается как соответствующий носовой в кыпч. В позиции интервокала после гласных верхнего подъема (*i, *i̇, *ü) в части слов отмечается развитие, аналогичное развитию пратюрк. *ñ, т.е. переход в кыпч. *-j-. Причины этого перехода не выяснены окончательно.

2.1.13. Кыпчакский глухой свистящий спирант *s встречается во всех позициях и восходит к пратюрк. *s. Отнесение его к дентальному ряду, таким образом, условно, хотя отражает некоторые фонетические реалии, в частности зубное произношение этого согласного в башкирском языке.

2.1.14. Кыпчакский звонкий свистящий спирант *z бывает только в середине и конце слов. Он происходит из пратюрк. *ʃ. Огра-

ничения связаны с запретом сонантного начала на пратюркском уровне. Этот согласный практически не встречается в сочетаниях.

2.1.15. Кыпчакский глухой шипящий спирант *š встречается в середине и конце слов. Он происходит из пратюрк. *ʃ. Ограничения связаны с запретом сонантного начала на пратюркском уровне, однако по крайней мере в двух основах – указательном местоимении *šu ‘этот’ и названии дерева *šimirt ‘черемуха’, этот согласный отмечен в начале. Отнесение его к палатальному ряду может быть условным. Развитие аффрикат и шипящего спиранта не является общим по крайней мере в башкирском и кыпчакских языках «ногайской» ветви казахском, кара-калпакском, ногайском.

2.1.16. Кыпчакский звонкий увулярный спирант *-ɣ- отмечается только в середине слова при заднем ряде сингармонизма. В интервокале неразложимых основ кыпч. *-ɣ- продолжает пратюрк. непридыхательный *-q- в позиции после исторического долгого гласного. В других случаях он является результатом чередования конечного кыпч. *-q-. Этот спирант, несомненно, появляется в результате ослабления смыкания первоначального звонкого увулярного смычного *-g-, который был на раннем кыпчакском уровне или даже на уровне стандартных тюркских языков, включающих кыпчакскую, карлукскую и огузскую ветви.

2.1.17. Кыпчакский глайд (скользящий) *w имеет позиции середины и конца слова. Он происходит из срединных пратюрк. *v (*b в старой нотации), *ɣ (*g в старой нотации).

2.1.18. Кыпчакский глайд *j имеет позиции середины и конца слова. Он происходит из срединных пратюрк. *j, *δ (*d в старой нотации), *ń, *v (*b в старой нотации – рядом с гласными *i, *ü, *i), *ɣ (*g в старой нотации – рядом с гласными *i, *ü, *i), *ŋ (в части случаев, см. выше).

2.1.19. Кыпчакский плавный *l встречается в середине и конце слов и происходит из пратюрк. *l, имеющим такое же ограничение.

2.1.20. Кыпчакский плавный дрожащий *r встречается в середине и конце слов и происходит из пратюрк. *r, имеющим такое же ограничение.

2.2. СИСТЕМА ГЛАСНЫХ КЫПЧАКСКОГО ЯЗЫКА, СОЧЕТАНИЯ С ГЛАЙДАМИ

2.2.1. Обычно для кыпчакского языка постулируется следующая система гласных с учетами сингармонистического ряда (горизонтально отображается подъем, вертикально – ряд):

передний синг. ряд

задний синг. ряд

	перед.	сред.	задн.		перед.	сред.	задн.
верхний	i	ü			i		u
средний	e	ö					o
нижний					a		

По сравнению с пратюркским состоянием эта система значительно упрощена. В кыпч. отсутствует противопоставление по долготе и краткости гласных, актуальное для пратюрк. Это противопоставление опосредованно выражено в возникшем различии глухих и звонких смычных в интервокальной позиции неразложимых основ для кыпч. Кроме того в кыпчакском постулируется совпадение пратюркских дифтонгов *iV с простым гласным *V с сохранением качества лишь второго элемента. Соответственно при упоминании рефлексов долготы и дифтонги не будут каждый раз упоминаться. Вопрос широкого гласного ε в башкирском и татарском считался инновативным и ограничивался примерами переходов *a > ε и *e > ε с указанием части примеров (подробнее он будет рассмотрен ниже).

2.2.1.1. Кыпчакский гласный *a заднего сингармонистического ряда происходит из трех пратюрк. гласных *a, *ɑ (реконструтуруется в первую очередь на базе чувашско-якутских соответствий), *ã (реконструтуруется в первую очередь на базе чувашско-тувинских и якутских соответствий). Различие «закрытого» *ɑ (сдвинутого вверх по подъему) и огубленного *ã актуально лишь в первом слоге.

2.2.1.2. Кыпчакский гласный *i заднего сингармонистического ряда происходит из пратюрк. *i первого слога, в непервых слогах в этом гласном нейтрализовались пратюрк. *-i- и *-u-.

2.2.1.3. Кыпчакский гласный *o заднего сингармонистического ряда происходит из пратюрк. *o первого слога.

2.2.1.4. Кыпчакский гласный *u заднего сингармонистического ряда происходит из пратюрк. *u первого слога.

2.2.1.5. Кыпчакский гласный *е переднего сингармонистического ряда происходит из трех пратюрк. гласных *e, *e̞ (реконструируется в первую очередь на базе чувашско-якутских соответствий и отчасти огузских данных), *ë̞ (реконструируется в первую очередь на базе чувашских и огузских соответствий). Различие «закрытого» *e̞ (сдвинутого вверх по подъему) и огубленного *ë̞ актуально лишь в первом слоге.

2.2.1.6. Кыпчакский гласный *i̞ переднего сингармонистического ряда происходит из пратюрк. *i̞ первого слога, в непервых слогах в этом гласном нейтрализовались пратюрк. *-i- и *-ü-.

2.2.1.7. Кыпчакский гласный *ö̞ переднего сингармонистического ряда происходит из пратюрк. *ö̞ первого слога. В нескольких случаях отмечается соответствие этого кыпчакского гласного пратюрк. *e̞.

2.2.1.8. Кыпчакский гласный *ü̞ переднего сингармонистического ряда происходит из пратюрк. *ü̞ первого слога.

2.2.2. В кыпчакском языке были существенные ограничения на сочетаемость гласных и последующих глайдов. Эти глайды имели различное происхождение (см. выше). Были представлены лишь такие последовательности:

a	aj	aw
i̞	ij̞	
o	oj̞	
u	uj̞	uw

e	(ej)	(ew)
i̞	ij̞	
ö̞		
ü̞	üj̞	

2.2.2.1. Кыпчакское сочетание *aj̞ происходит из вполне понятных источников – из пратюрк. *a (*a̞, *a̠) перед пратюрк. *j, *δ, *ń.

2.2.2.2. Кыпчакское сочетание *ij̞ появляется из пратюрк. *i̞ в тех же позициях, но также иногда из *ŋ (оно представлено, например, в кыпч. siŋqaq ‘раздвоенное копыто’ < пратюрк. *siŋiŋ- ‘кости голени, часть рядом с копытом’, интересно, что кыпч. основу *mija ‘солодка, лебеда’, возводимую к пратюрк. форме *biŋan – единственной с сочетанием *iŋ, можно считать восходящей к пратюрк. основе *biŋan с простым *-j-, ведь причина назализации первого согласного вполне объясняется последующим носовым *-n).

2.2.2.3. Кыпчакское сочетание *oj̞ появляется из пратюрк. *o в тех же позициях, что и для *aj̞.

2.2.2.4. Кыпчакское сочетание *uj̞ появляется из пратюрк. *u в тех же позициях, что и для *aj̞.

2.2.2.5. Кыпчакское сочетание *ij происходит из пратюрк. *i перед пратюрк. *j, *δ, (один раз отмечено следующее развитие перед нетривиальным сочетанием из пратюрк. *biñĩ ‘шило’ > кыпч. *biz ~ *miz), сюда, к тому же, попадает и пратюрк. сочетание *iy (*ig в старой нотации). Вторым источником этого сочетания были пратюрк. *e (*e, *ė) и выше упоминавшиеся последующие согласные (случаев с *eñ не обнаружено), а также сочетание с выпадающим пратюрк. *ŋ, например, кыпч. ijek ‘челюсть, подбородок’ < пратюрк. *eñ-). Это является закономерным развитием, подкрепленным многими примерами. В непервых слогах такого развития для *e не происходит, что произошло из-за более широкого произношения *e (нечто типа *ä ~ *ε) в данной позиции. Одиночные случаи типа *sejlen ‘бисер’ рассматриваются в части про башк. широкий переднерядный ε.

2.2.2.6. Кыпчакское сочетание *ij происходит из пратюрк. *ü перед пратюрк. *j, *δ, *ñ, *γ (*g в старой нотации), *v (*b в старой нотации, кыпч. *küjez ‘гордый’ < пратюрк. *güv-eř), а также при выпадающем *ŋ, например, кыпч. *müjjiř ‘угол’ < пратюрк. *bünjũ. Точно такое же развитие характерно и для пратюрк. *ö, т.е. наблюдается сужение первого гласного перед глайдом. Кроме упомянутых случаев, этот же рефлекс дали пратюрк. *iv, *ev (*ib, *eb в старой нотации) через перенос огубленности на первый гласный > «iv, «ëv > üv, «öv > кыпч. *ij. В непервых слогах такого развития для *e не происходит, что произошло из-за произношения *e с более широким раствором в данной позиции (нечто типа *ä ~ *ε). Одиночные случаи с сочетанием *ew (типа *kewde ‘туловище’, *tew-lik ‘сутки’) рассматриваются в части про башк. широкий переднерядный ε. Надо заметить, что случаев контекстов с губным *w в переднем ряду больше не наблюдается, т.е. исторические последовательности «iw (< *iv, *ev) и «üw (< *üv, *öv) очень рано совпали с *ij. Позже на морфологических швах (в отглагольных дериватах) вторично появилось сочетание *iw в непервых слогах.

2.2.2.7. Кыпчакское сочетание *aw происходит из пратюрк. *a (*a, *ȧ) перед пратюрк. *v (*b в старой нотации).

2.2.2.8. Кыпчакское сочетание *uw берется из пратюрк. *u, *o, *i перед пратюрк. *v (*b в старой нотации). Здесь налицо два процесса - сужение огубленного гласного перед губным глайдом, а также вторичное огубливание нелабиализованного гласного *i

следующим губным элементом. Позже на морфологических швах (в отглагольных дериватах) вторично появилось сочетание *iw в непервых слогах.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

3.1 БАШКИРСКАЯ СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ

В общем виде таблицу согласных фонем башкирского языка, характеризующую исконные кыпчакские слова и освоенные заимствования, можно представить следующим образом:

*****	губн.	дент.	атик.	среднеяз.	велярн.	увул.	ларинг.
глух. см.	p	t			k	q	
звонк. см.	b	d			-g-		
носов. см.	m	-n(-)			-ŋ(-)		
глух. сп.		-ʒ(-)	s	ʃ			[h]
звонк. сп.		-ʒ(-)				-ɣ-	
глайды	-w(-)			j			
плавн.		-l(-), -r(-)					

Наиболее важной особенностью этой системы является полное исчезновение аффрикат в палатальном ряду. На своем месте сохранился лишь j, а спирант ʃ относить к нему можно только условно, т. к. он образуется не просто средней частью языка и при произнесении ʃ участвует кончик языка, образуя резонанс в районе апекса, причем задняя часть языка выгибается, и можно отмечать некоторую рефлексивизацию. Получающийся локальный ряд правильнее трактовать по активному органу произношения как среднеязычный. Согласный, записанный в квадратные скобки или отсутствовал в период общекыпчакского единства, или являлся распределенным аллофоном фонемы -ʒ- в части позиций для некоторых диалектов. В настоящее время в литературном языке этот согласный получил фонемный статус (см. также ниже при рассмотрении ʒ).

3.1.1. Глухой губной смычный p. Благодаря освоенным заимствованиям фонема p получается расширенную дистрибуцию, и уже встречается в начале слова, что было запрещено на кыпчакском уровне. Ср. башк. *parsa* 'парча' < *paɣsa, *parsa* 'кусочек,

часть' < *paŕça, peleş 'плешь, лысина', peŕde 'занавеска' < *parda-. В середине слова между гласными и после сонантов сохраняется кыпч. *-p-, например, башк. herege-'мести, подметать' < кыпч. *sîrîr- ~ *sîrîr-; башк. hîrîr- 'жадно глотать, пить залпом' < кыпч. *sîrîr-; башк. küper 'мост' < кыпч. *körîr; башк. kerpek 'ресница' < кыпч. *kirpik; башк. küre 'новорожденный (ягненок)' < кыпч. *köre. В конце основ, как и на кыпчакском уровне, -p чередуется с -b-, попав в позицию перед гласным: tup / tub-i 3sg. 'мяч' < кыпч. top / tob-i 3sg., tap- / tabîw 'находить, встречать' < кыпч. *tap- / *tab-iw, jep / jeb-e 3sg. 'нитка' < кыпч. *zîp / *zîb-i 3sg.

3.1.2. Звонкий губной смычный b продолжает кыпч. *b- и *-b- и встречается в позиции начала слова, а также перед гласным в интервокале или после сонанта. Не встречается он в конечной позиции. Ср. башк. *jebeg- 'посылать' < кыпч. *zîbeg-, башк. jebes-'приклеиваться, пилипать' < кыпч. *zabîš-, башк. kübe 'стог сена' < кыпч. *köbe, башк. taban 'стопа, подошва' < кыпч. *taban, башк. sîbiq 'прут' < кыпч. *çîbiq, башк. qaban 'кабан, вепрь' < кыпч. *qaban, башк. haban 'плуг' < кыпч. *saban.

3.1.3. Глухой дентальный смычный t продолжает кыпч. *t, встречавшееся во всех позициях, и не участвовавшее в чередованиях. Ср. башк. baltîr 'голень' < кыпч. *baltîr 'голень, икра ноги', башк. bolot / bolot-i 3sg. 'облако' < кыпч. *bulît / *bulît-i 3sg., башк. at / at-i 3sg. 'имя, прозвище' < кыпч. *at / at-i, башк. at / at-i 3sg. 'конь, лошадь' < кыпч. *at / at-i, башк. itek 'подол, край одежды' < кыпч. *etek, башк. sortan 'щука' < кыпч. *çortan, башк. utaw 'маленькая юрта' < кыпч. *otaw 'шалаш, комната', башк. utîd 'тридцать' < кыпч. *otuz. Кроме того в на морфологических швах в этот согласный переходит начальный кыпч. *-d- аффикса (например, местного падежа или прошедшего времени), оказавшись после глухого согласного, т.е. *T-d- > *T-t- (где T – глухой согласный).

3.1.4. Звонкий дентальный смычный d. Этот согласный прочно закрепился в анлауте части слов, причем. эти слова происходят из кыпч. случаев с начальным альтернирующимся *d- ~ *t-, восходящим к пратюрк. *d-. Ср. башк. dawîl 'буря' < кыпч. *dawîl ~ *tawîl, башк. dîje 'верблюды' < кыпч. *dîje ~ *tîje, башк. dürt 'четыре' < кыпч. *dört ~ *tört и некоторые другие. В середине слова, башк. -d- имеет дистрибуцию более ограниченную, чем кыпч. *-d-. В своих словах он отмечается после плавного -l- и носовых сонантов, ср.

башк. andid ‘девясил’ < кыпч. *andiz ‘род лекарственного растения аир’, башк. baldaq ‘рукоятка’ < кыпч. *baldaq, башк. kendeк ‘пуп’ < кыпч. *kindik, башк. anđi- ‘следить, выслеживать’. После остальных носовых сонантов сочетания -m-d-, -ŋ-d- фиксируются на стыке морфем, в частности в показателях местного и отложительного падежа и в суффиксе прошедшего времени.

3.1.5. Глухой велярный смычный k продолжает кыпч. *k, встречавшееся во всех позициях в переднерядных словах, и участвует в чередованиях -k / -g-, переходя в звонкий перед следующим гласным. Ср. башк. keĵ- ‘надевать’ < кыпч. *kij-, башк. kilen ‘невестка’ < кыпч. *kelin, башк. ökö ‘сова’ < кыпч. *üki, башк. herke ‘гнида’ < кыпч. *sirke, башк. hölök / hölög-ö 3sg. < кыпч. *sülik / *sülig-i 3sg., башк. teke ‘козел’ < кыпч. *teke, башк. tök / tög-ö 3sg. ‘волосок, шерсть’ < кыпч. *tük / tüg-i 3sg., башк. tök- / tög-ew ‘лить, сыпать’ < кыпч. *tük- / tüg-iw, башк. üken- ‘раскаиваться, сожалеть’ < кыпч. *ökin-.

3.1.6. Звонкий велярный смычный g продолжает кыпч. *-g- и встречается в позициях середины слова перед гласным в интервокале или после сонанта в переднерядных словах. Не встречается он в конечной позиции. В начале слова исконных основ со звонким g- в башк. не отмечается, они все имеют начальный k-. Ср. башк. bütege ‘зоб птицы’ < кыпч. *bötege, башк. igew ‘напильник’ < кыпч. *igew, башк. jügen ‘уздечка’ < кыпч. *zügen, башк. jeŋge ‘жена старшего брата’ < кыпч. *ziŋge, башк. tigeđ ‘ровный’ < кыпч. *tegiž, башк. bilge ‘метка’ < кыпч. *belgi.

3.1.7. Глухой увулярный смычный q продолжает кыпч. *q, встречавшееся во всех позициях в заднерядных словах, и участвует в чередованиях -q / -ŷ-, переходя в звонкий спирант перед следующим гласным. Ср. башк. ajaq / ajaŷ-i 3sg. ‘нога’ < кыпч. *ajaq, башк. aqhaq ‘хромой’ < кыпч. *aqsaq, башк. baqir ‘медь’ < кыпч. *baqir, башк. butqa ‘каша’ < кыпч. *botqa, башк. jaq / jaŷ-i ‘сторона’ < кыпч. *zaq / *zaŷ-i 3sg., башк. jilqi ‘лошадь’ < кыпч. *zilqi ‘табун’, башк. joqa ‘тонкий’ < кыпч. *zuwqa, башк. qajyi ‘печаль’ < кыпч. *qajyi, башк. qojroq ‘хвост’ < кыпч. *qujriq.

3.1.8. Носовой губной смычный -m- продолжает кыпч. *-m- во всех позициях. Ср. башк. bařmaq ‘обувь’ < кыпч. *bařmaq, башк. hařimhaq ‘чеснок’ < кыпч. *sařimsaq, башк. himed ‘жирный’ < кыпч. *semiz, башк. jelem ‘клей’ < кыпч. *zelim, башк. jomortqa

‘яйцо’ < кыпч. *jumurtqa, башк. miŋ ‘родинка’ < кыпч. *meŋ, башк. miŋ ‘я’ < кыпч. *men, башк. miŋiŋ ‘усы’ < кыпч. *miŋiŋ, башк. qom ‘песок’ < кыпч. *qum и др.

3.1.9. Носовой дентальный смычный -n- продолжает кыпч. *-n- во всех позициях. Ср. башк. ni ‘что’ < кыпч. *ne, башк. aran ‘хлев’ < кыпч. *aran, башк. biwın ‘сустав’ < кыпч. *buwın, башк. iren ‘губа’ < кыпч. *erın, башк. jana- ‘угрожать’ < кыпч. *zana-, башк. jansiŋ ‘карман’ < кыпч. *zanŋiŋ, башк. opot- ‘забывать’ < кыпч. *unıt-, башк. qan ‘кровь’ < кыпч. *qan и др.

3.1.10. Носовой дентальный смычный -ŋ- продолжает кыпч. *-ŋ- во всех позициях. Он сохраняет кыпчакские ограничения и не встречается в начале слова. Ср. башк. uŋ ‘правый’ < кыпч. *oŋ, башк. keŋeŋ ‘совет’ < кыпч. *keŋeŋ, башк. heŋer ‘сухожилие, жила’ < кыпч. *siŋir, башк. hönŋö ‘копье, пика’ < кыпч. *sünŋi, башк. jaŋaq ‘щека’ < кыпч. *zaŋaq, башк. jaŋıŋıd ‘одинокий’ < кыпч. *zaŋıŋız и др.

3.1.11. Глухой дентальный спирант ʒ происходит из кыпч. *s. В дёмском говоре южного диалекта он отмечен для всех позиций исторического *s. В ик.-сакмарском говоре южного диалекта только для конечнослоговой позиции, в кызыльском говоре отмечается только h, в айском говоре восточного диалекта допустимы колебания ʒ- и h- в начале слова и после согласной, но в конце слога только ʒ, в сакм. говоре доминирующим является рефлекс h, но возможны колебания с ʒ в не до конца выясненных условиях. В среднем говоре южного диалекта, в арг. говоре восточного диалекта ситуация как в башкирском литературном языке, созданном на базе западного диалекта. Она показывает самое интересное развитие. Здесь рефлекс ʒ является регулярным для конечнослоговой позиции и интервокала. В абсолютном начале на месте кыпч. *s- присутствует h-, тот же самый рефлекс и в середине слова для *-s-, находящегося после согласного. Без всякого сомнения ларингальный вариант является результатом дальнейшего ослабления «ʒ в части позиций. Таким образом вырисовывается следующая картина распределения рефлексов кыпч. *s по диалектам [в квадратных скобках указаны рефлексы *z]:

башк. h-/-ʒ-/-ʒ, [δ]

юж.-башк. h-/-h-/-ʒ, [δ] (Ик-Сак.), h-/-ʒ-/-ʒ, [δ] (Сред.), ʒ, [δ] (Дём.), h, [δ] (Кыз.)

вост.-башк. h- ~ ʒ-/-ʒ-/-ʒ, [δ] (Ай.), h-/-ʒ-/-ʒ, [-δ-] (Арг.), h (~ ʒ), [δ] (Сакм.).

В этом представлении дефисом маркированы значимые позиции. Материалы кызыльского говора даются в книге Н. Х. Максютовой «Восточный диалект башкирского языка», однако по всем основным морфологическим параметрам данный говор относится к южно-башкирской диалектной общности.

Несмотря на то, что праторкский *s был несомненным свистящим спирантом, уже для кыпчакского уровня следует предполагать, что допустимым было также и межзубное (дентальное) произношение, что понятно если учесть пракыпчакскую систему согласных с дополнительным распределением чисто дентальных смычных и апикальных спирантов. Кроме того, часть кыпчакских языков сохраняет следы межзубного произношения старых *s и *z.

В казахском синхронно представлен свистящий постдентальный спирант. Однако кыпчакский начальный *z- вместо обычного шипяще-палатального рефлекса ž- (возникшего в результате ослабления начальной смычки) дает d-, t- в закрытом слове, или при узком гласном перед перед следующими и сторическим *s, *z (< «ʒ, «δ). Это развитие происходит в результате ассимиляции по локальному ряду, т.е. dūz ‘лицо’, ‘сто’, ‘плыть’, tūsaq ‘ягненок-второгодок’, dūzaq ‘петля’ и т.д. происходят из ассимилированных промежуточных вариантов «d^δüδ, «t^δuʒaq (< «d^δuʒaq), «d^δuδaq. В кара-калпакском отмечен такой же переход, как и в казахском, в слове dastiḡ < «d^δadtiḡ < кыпч. *zastiḡ ‘подушка’. Ногайские варианты такого типа пока не отмечены.

Аналогичную казахской ассимиляцию следует предполагать в балкарском в слове dulduz ‘звезда’, в нем ожидаемый «z- замещен на d-. В карачаевском диалекте такого не отмечено.

Эти случаи в казахском, кара-калпакском и балкарском языках не являются примерами необъяснимой диссимиляции начального согласного, а, наоборот, это примеры старого ассимилятивного развития, затронувшего некую праторкскую диалектную общность с особым произношением срединных спирантов. И рефлекс-ы уподобления указывают на первичный межзубный вариант его реализации.

Все говоры башкирских диалектов указывают на исторические межзубные согласные. Следует оговорить, что якутском регулярен начальный 0- < «h- < «θ- (т.е. восходящий к межзубному спиранту). В конечнослоговой позиции встречается вариант -t, в -tt- также развиваются сочетания «-ss- на морфологических швах типа ittī ‘теплый’ < «issiŋ. В интервокале по диалектам Бётлингк еще в XIX веке фиксировал -s-, в настоящее время -h-. Начальный «s- некоторых слово-изменяемых якутских морфем также дает t-. Любопытно, что именно эти же морфемы в башкирском литературном (западном) имеют h-, т.е. анлаутный, а не серединный рефлекс (!) (это, например, морфема *-si – личный показатель 3sg., *-sa-г – показатель условного наклонения). Такое совпадение указывает, что до относительно недавнего времени эти морфемы воспринимались как клитики и перед ними проходила словесная граница.

Например, башк. haban ‘плуг’ < кыпч. *saban, башк. haban ‘сазан’ < кыпч. *sazan, башк. hajitqan ‘сорока’ < кыпч. *sajisqan, башк. hiθken- ‘угрожать’ < кыпч. *sesken-, башк. hün- ‘пропадать, гаснуть’ < кыпч. *sön-, башк. aqhaq ~ aθqaq (с метатезой) ‘хромой’ < кыпч. *aqsaq, башк. burhiq ‘барсук’ < кыпч. *borsiq, башк. qorhaq ‘желудок’ < кыпч. *qursaqa, башк. aθ- ‘висеть’ < кыпч. *as-, baθiw ‘поле’ < кыпч. *basiw, башк. iθer- ‘напиваться’ < кыпч. *esir-, башк. iθ ‘память, рассудок’ < кыпч. *es, башк. iθke ‘старый’ < кыпч. *eski, башк. qiθig ‘яловая’ < кыпч. *qisig и т. д.

Кроме внутрисистемного давления собственно кыпчакской системы согласных следует учитывать также возможность контактных изоглосс, в первую очередь с угорским населением. В венгерском, например, исторический *s перешел в h явно через ступень «θ, а обско-угорские языки на месте исторического *s имеют рефлексы t ~ θ ~ λ, что указывает на первоначальный межзубный вариант произношения спиранта.

3.1.12. Звонкий дентальный спирант δ происходит из кыпч. *z, сохраняя те же самые ограничения. Его переход происходил вместе с развитием кыпчакского *s. В современном языке он стал так же возможен в начале слова, благодаря усвоенным заимствованиям. Вторым источником башкирского δ был кыпчакский *-d-. Это происходило в следующих условиях: между гласными, после глайдов (*j, *w), после дрожащего сонанта *r. В результате ранне-

го ослабления смычки звонкого дентального смычного произошел естественный переход в -δ- и совпадение с рефлексами старого кыпч. *z. Возможно, что именно этот переход привел к самому раннему (с XIII в.) выделению башкирского языка из поволжского единства.

Случаи первой группы: башк. ajaδ 'ясная погода' < кыпч. *ajaz, башк. awiδ 'рот' < кыпч. *awiz, башк. biδaw 'теленочек' < кыпч. *bu-zaw, башк. iδan 'борозда, межа' < кыпч. *izan, башк. *heδ 'вы' < кыпч. *siz, башк. jöδök 'кольцо, перстень' < кыпч. *züzik и др.

Случаи второй группы: башк. адаш- 'ошибаться, заблуждаться' < кыпч. *adaš-, башк. iδel 'большая река' < кыпч. *edil, башк. aδim 'шаг' < кыпч. *adim, башк. bujδaq 'холостой' < кыпч. *bojdaq, башк. qidiŋ- 'обходить вокруг' < кыпч. *qidir-, башк. kewde 'тело, стан' < кыпч. *kewde, башк. berde 'хариус' < кыпч. *berdi и др.

3.1.13. Глухой апикальный спирант s происходит из кыпч. *ç. Исторически кыпчакская палатальная аффриката, где активным органом, скорее, была средняя часть языка перешла в апикальную аффрикату с активным органом на кончике (апиксе), судя по данным северо-западных говоров, первоначально палатальную. Отверждение аффрикаты происходило уже позднее и связано с аналогичным процессом в цокающем сибирско-татарском диалекте, похоже, что это контактная изоглосса. И уже совсем поздно произошла дезаффрикативизация, т.е. утеря начальной смычки. Это ослабленное произношение поддерживалось также пустотой в апикальном спирантном ряду, где к тому времени исходные *s и *z перешли в ʒ и δ соответственно. Ср. башк. ası 'кислый' < кыпч. *açi 'горький, кислый', башк. us 'пригорошня' < кыпч. *uwiç, башк. munsaq 'бусы' < кыпч. *monçaq, башк. börsе 'блоха' < кыпч. *bürgе, башк. sajiŋ 'смола, деготь' < кыпч. *çajiŋ, башк. sesек 'цветок' < кыпч. *сеçек, башк. söj 'гвоздь, клинышек' < кыпч. *çüj, башк. sulaq 'калека (безрукий)' < кыпч. *çolaq, башк. sümele 'копна' < кыпч. *çömele, башк. jensek 'голень' < кыпч. *jençik, башк. ükse 'пятка, каблук' < кыпч. *ökçe, башк. ses 'волосы' < кыпч. *çaç и др.

3.1.14. Глухой среднеязычный спирант ʃ происходит из кыпч. *š и сохраняет те же самые фонотактические ограничения. Ср. башк. šu-l 'этот' < кыпч. *šu-, башк. ariš 'оглобля' < кыпч. *ariš, башк. адаш- 'ошибаться, заблуждаться' < кыпч. *adaš-, башк. buš 'свободный, пустой' < кыпч. *boš, башк. tiš 'снаружи' < кыпч. *tiš,

башк. teš 'зуб' < кыпч. *tiš, башк. išek 'осел' < кыпч. *ešek, башк. ašiq 'альчик' < кыпч. *ašiq 'лодыжка, альчик', aša- 'есть, кушать' < кыпч. *aš-a-, башк. ješen 'молния' < кыпч. *zašin, башк. jomšaq 'мягкий' < кыпч. *zumšaq, башк. öšö- 'замерзать' < кыпч. *üši- и др.

3.1.15. Звонкий увулярный спирант ү происходит из кыпч. *-ү-, сохраняя те же самые ограничения и вступает в чередования с конечным -q. Ср. башк. aүiw 'яд' < кыпч. *aүiw, башк. boүaq 'зоб' < кыпч. *buүaq, башк. aүas 'дерево' < кыпч. *aүaš, башк. jaүaq 'затверделая шкура' < кыпч. *zaүaq 'дубленая шкура', башк. qa-гүa 'ворона' < кыпч. *qaгүa, башк. qidүan- 'завидовать, скупиться' < кыпч. *qizүan-, башк. haүid 'смола' < кыпч. *saүiz, башк. hiгүa 'серьга' < кыпч. *siгүa и др.

3.1.16. Губной глайд w продолжает кыпч. *w и встречается также в срединной и конечной позициях. Ср. башк. aw 'сеть' < кыпч. *aw, башк. iwid 'молзиво' < кыпч. *uwiz, башк. bawig 'печень' < кыпч. *bawig, башк. sabiw 'подол' < кыпч. *šabiw, башк. kejew 'зять' < кыпч. *kijew, башк. jiwāš 'мягкий, нежный' < кыпч. *zuwāš, башк. qiwiq 'мочевой пузырь' < кыпч. *quwiq и др.

3.1.17. Среднеязычный палатальный глайд j происходит из двух источников. В начале слова он отражает кыпч. *з-, середине слова – кыпч. *-j-. Судя по освоению заимствований с срединным -з-, а также ž, этот баш. j- является явно инновативным и ни в коем случае не является прямым отражением фонетики пратюрк. *з- или кыпч. *з-. Связь с огузским переходом в j- также невероятна, т. к. в огузском уже был начальный *j- к моменту внутриогузского распада – началу VIII в., когда еще существовало общекыпчакское единство с начальной аффрикатой.

Случаи первой группы: башк. jiraq 'далекий' < кыпч. *ziраq, башк. jiwa 'дикий лук' < кыпч. *zuwa, башк. jej- 'расстилать' < кыпч. *zaj-, башк. jaw 'враг, война' < кыпч. *zaw, башк. jer 'земля' < кыпч. *zer, башк. jerek 'ольха' < кыпч. *zerik, башк. jelek 'костный мозг' < кыпч. *zilik, и в заимствованиях – башк. jen 'душа' < перс. zān, башк. meҗen 'коралл' < перс. maҗzan, башк. mönje- 'глодать' < монг. mölzi- 'глодать', башк. meҗe(r)- 'дряхлеть' < монг. *meҗere- 'лысеть', башк. ulja 'достаток' < монг. olza- 'добыча', башк. šijda 'жердь' < монг. *sijida (с отражением сев.-монг. š-), башк. jel 'жаль' < рус. жаль.

Случаи второй группы: башк. ај ‘луна’ < кыпч. *aj, башк. baj ‘богатый’ < кыпч. *baj, башк. buja- ‘красить’ < кыпч. *boja-, башк. tujın ‘шея’ < кыпч. *mojın, башк. bōjōg ‘почки (анат.)’ < кыпч. *būjir, башк. ujan- ‘просыпаться’ < кыпч. *ojan-, башк. ojoq ‘чулки’ < кыпч. *ujiq и др.

3.1.18. Плавный латеральный сонант -l- в абсолютной массе случаев происходит из кыпч. *l, что является тривиальным. Ср. башк. al- ‘брат’ < кыпч. *al-, башк. biltir ‘прошлый год’ < кыпч. *biltir, башк. bul- ‘становиться’ < кыпч. *bol- и многочисленные другие многочисленные пример. Кроме того, на морфологических границах в интервокальном положении в башк. появляется -l- на месте кыпч. *-d-, восходящего к пратюрк. *-δ-, и дающего -r- в чувашском. Это характерно для аффиксов местного падежа пратюрк. *-да, аффикса уподобления по признаку, выраженным основной пратюрк. *-deŋ, уподобительного аффикса (или в части языков клитики) *-dej ~ *dey. В башкирском они дают соответственно -la, -laŋ, -laj. Тот же согласный присутствовал в пратюрк. показателе прошедшего времени *-δ-i 3sg. / *-δu- с показателями других лиц, а точнее 1sg. *-m, 2sg. *-ŋ, 1pl. *-mәŋ, 2pl. *-ŋәŋ. Все эти показатели, как нетрудно заметить, начинаются на носовой. В башкирском на месте этого аффикса после гласных представлен -ni(-), что следует интерпретировать как вторичную замену показателя 3sg. *-l-i по аналогии с назализованными вариантами «-l-i-N перед носовым. Таким образом, все известные аффиксы, начинавшиеся на пратюрк. *-δ-, восходят к раннему башкирскому «-l-. В остальных кыпчакских языках, а также в современных огузских и карлукских языках на этом месте представлен -d-, неотличимый от -d- основ после долгого гласного. Совпадения с вариантами смычных дентальных также присутствуют в части тюркских языков Сибири, а именно в хакасской и киргизо-алтайской подгруппах. В якутском и тувинском языках это различие утрачено из-за раннего совпадения непридыхательного пратюрк. *-t- и звонкого спиранта *-δ- в промежуточном «-d-. Однако чувашский материал и данные орхонских памятников (исторически языка карлукской подгруппы) четко указывают на исходное пратюрк. *-δ- в этих показателях. Таким образом следует признавать в башкирском архаизм и считать, что на пракыпчакском уровне не было полного совпадения в *-d- пратюрк. *-t- после долгих гласных и *-δ- на границе морфем

(возможно после смычки последнего гласного корня). Тогда следует считать, что в дентальном ряду на кыпчакском уровне присутствовала периферийная звонкая дентальная фонема, позже во всех языках совпавшая с *-d-, а в башкирском лишь в части позиций. Башкирское развитие в звонкий -l- поддерживается, например, развитием старого «θ > -λ- (глухой латерал) в части обско-угорских языков и может быть следом обско-угорского субстрата и контактов. Такой вывод предполагает лишь более позднее движение апикальных спирантов *s, *z в сторону дентального ряда для кыпчакских языков, т.е. тогда когда освобождается место звонкого спиранта, т.е. или перехода *-δ- > -d- (в большинстве случаев) или перехода *-δ- > «-l- как в башкирском. В любом случае это является существенным изменением в инвентарий кыпчакских фонем, основанным на башкирском материале.

3.1.19. Плавный дрожащий сонант -г- происходит из кыпч. *г, что также является триюзмом. Ср. башк. ariw 'чистый' < кыпч. *ariw, башк. birek 'крепкий' < кыпч. *berik, башк. ber 'один' < кыпч. *biḡ и многочисленные примеры выше.

3.2. БАШКИРСКАЯ СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

Башкирский язык имеет следующую систему гласных (горизонтально отображается подъем, вертикально – ряд):

передний синг. ряд

	перед.	сред.	задн.
верхний	i	ï	
средний	e	ö	
нижний	ε		

задний синг. ряд

перед.	сред.	задн.
	i	u
		o
	a	

3.2.1. Башкирский гласный *a* заднего сингармонистического ряда в первом слоге имеет ярко выраженную огубленность [*â*], которая пропадает в непервом слоге. В части диалектов огубленный -*â*- также встречается и в непервых слогах, и его появление зависит от огубленности первого гласного основы. Небольшая огубленность гласного отмечается в непервых сочетаниях -aw [*-âw*]. Он происходит из кыпч. *a во всех позициях. Ср. башк. aq 'белый' < кыпч. *aq, башк. aḡas 'дерево' < кыпч. *aḡas, башк. as- 'открывать' < кыпч. *as-, башк. as 'голод' < кыпч. *as, башк. aḡaq 'нога' < кыпч.

*ajaq, башк. ајақ ‘чаша’ < кыпч. *ajaq, башк. ајад ‘ведро, ясная погода’ < кыпч. *ajaz, башк. ајіг- ‘отделять’ < кыпч. *ajir-, башк. аја- ‘беречь, жалеть’ < кыпч. *aja-, башк. ај ‘луна’ < кыпч. *aj, башк. al- ‘братъ’ < кыпч. *al-, башк. aw ‘сеть’ < кыпч. *aw, башк. awir ‘тяжелый’ < кыпч. *awir, башк. aqha- ‘хромать’ < кыпч. *aqsa-, башк. агра ‘ячмень’ < кыпч. *agra, башк. аdaw ‘клык’ < кыпч. *azaw, башк. аџ- ‘висеть’ < кыпч. *as-, башк. аш- ‘переваливать’ < кыпч. *aš-, башк. ašiq ‘альчик’ < кыпч. *ašiq ‘лодыжка, альчик’, башк. at- ‘бросать, стрелять’ < кыпч. *at-, башк. at ‘имя’ < кыпч. *at, башк. at ‘лошадь’ < кыпч. *at, башк. baj ‘богатый’ < кыпч. *baj, башк. bajraq ‘знамя’ < кыпч. *bajraq, башк. baja ‘недавно’ < кыпч. *baja, башк. bal ‘мед’ < кыпч. *bal, башк. balsiq ‘глина’ < кыпч. *balčiq, башк. balta ‘топор’ < кыпч. *balta, башк. bar ‘имеется’ < кыпч. *bar, башк. bar- ‘пойти’ < кыпч. *bar-, башк. barmaq ‘палец (большой)’ < кыпч. *barmaq (*p-), башк. baџ- ‘давить’ < кыпч. *bas-, башк. baџiw ‘поле’ < кыпч. *basiw, башк. baš ‘голова’ < кыпч. *baš, башк. bawir ‘печень’ < кыпч. *bawir, башк. saq- ‘высекать огонь’ < кыпч. *čaq-, башк. čar ‘точильный камень’ < кыпч. *čar, башк. taja- ‘опираться’ < кыпч. *taja-, башк. tal ‘ива, верба, тальник’ < кыпч. *tal ‘дерево, ива’, башк. talaq ‘селезенка’ < кыпч. *talaq, башк. tam- ‘капать’ < кыпч. *tam-, башк. tamir ‘жила, корень’ < кыпч. *tamir, башк. tad ‘лысый’ < кыпч. *taz, башк. taw ‘гора’ < кыпч. *taw, башк. dawil ‘буря, сильный ветер’ < кыпч. *tawil (*d-), башк. jaw- ‘дождить’ < кыпч. *zaw-, башк. jawci ‘сват’ < кыпч. *zawci, башк. jawliq ‘платок’ < кыпч. *zawliq, башк. jala ‘подозрение, клевета’ < кыпч. *zala, башк. jama- ‘латать’ < кыпч. *zama-, башк. jaŋaq ‘щека, челюсть; дверной косяк’ < кыпч. *zaŋaq, башк. jaraq ‘лист’ < кыпч. *zarraq, башк. jara- ‘годиться’ < кыпч. *zara-, башк. jaŋaq ‘дубленая, безволосая шкура’ < кыпч. *zaŋaq, башк. jad- ‘писать’ < кыпч. *zaz-, башк. jaџtiq ‘подушка’ < кыпч. *zastiq, башк. zaџtiq ‘чечевица’ < кыпч. *zasmiq, башк. jat- ‘лежать’ < кыпч. *zat-, башк. qajyi ‘печаль, горе’ < кыпч. *qajyi, башк. qajna- ‘вариться’ < кыпч. *qajna-, башк. qanat ‘крыло’ < кыпч. *qanat, башк. qašqa ‘пятно, лысина’ < кыпч. *qašqa, башк. qaši- ‘скрести, царапать’ < кыпч. *qaši-, башк. qašiq ‘ложка’ < кыпч. *qašiq, башк. maj ‘жир’ < кыпч. *maj, башк. biŋaq- ‘выбрасывать’ < кыпч. *biŋaq-, башк. biwaџ ‘беременная’ < кыпч. *buwaz, башк. bolan ‘лось’ < кыпч. *bulan, башк. jomaq ‘загадка’ < кыпч. *zumaq ‘притча, сказка’, башк. jiwan- ‘утешаться’ < кыпч. *ziwan-, башк. qajaw ‘жало’ < кыпч. *qajaw и многие др.

3.2.2. Башкирский гласный *i* имеет два варианта, - первый, находящийся в верхнем подъеме, подобный рус. *ы*, и второй, сдвинутый в средний подъем и немного редуцированный. Их распределение в первом слоге пока не изучено, а в непервых слогах доминирующим является произношение со сдвигом в средний подъем. Он восходит к кыпч. *i во всех позициях. Ср. башк. *arıǵ* ‘оглобля’ < кыпч. *arıǵ, башк. *biltir* ‘прошлый год’ < кыпч. *biltir, башк. *biyım* ‘бедро’ < кыпч. *biyın ~ -m, башк. *biǵaq-* ‘бросать’ < кыпч. **biǵaq-*, башк. *siq-* ‘выходить’ < кыпч. **ǵiq-*, башк. *siyanaq* ‘засов; диал. локоть’ < кыпч. *ǵiyanaq, башк. *sibiq* ‘прут’ < кыпч. *ǵibiq, башк. *tij-* ‘препятствовать, задерживать’ < кыпч. **tij-*, башк. *tın* ‘дыхание, дух’ < кыпч. *tın, башк. *tiǵla-* ‘слушать’ < кыпч. **tiǵla-*, башк. *tırnaq* ‘ноготь, коготь’ < кыпч. *tırnaq, башк. *tiǵ* ‘снаружи’ < кыпч. *tiǵ, башк. *im* ‘знак, метка’ < кыпч. *im, башк. *iǵ* ‘дым, копоть’ < кыпч. *is, башк. *iǵın-* ‘теряться, пропадать’ < кыпч. **iǵın-*, башк. *iǵan-* ‘верить’ < кыпч. **iǵan-*, башк. *jiǵaq* ‘далекий’ < кыпч. *ziǵaq, башк. *jiǵ-* ‘собирать’ < кыпч. **ziǵ-*, башк. *jiǵ* ‘год’ < кыпч. *zil, башк. *jiǵan* ‘змея’ < кыпч. *zilan, башк. *jiǵi* ‘теплый’ < кыпч. *zili, башк. *jiǵım* ‘невод’ < кыпч. *ziliım, башк. *jiǵı* ‘лошадь (coll.)’ < кыпч. *zilqı ‘табун’, башк. *jiǵ* ‘часто’ < кыпч. *ziǵ ‘горный лес, чаща’, башк. *jiǵ* ‘песня’ < кыпч. *ziǵ, башк. *miǵıq* ‘усы’ < кыпч. *miǵıq, башк. *qisi-* ‘скрести, царапать’ < кыпч. **qiǵı-*, башк. *qisqı-* ‘кричать’ < кыпч. **qiǵıqı-*, башк. *qijın* ‘штраф, вина’ < кыпч. *qijın, башк. *qil* ‘волос (толстый)’ < кыпч. *qil, башк. *qil-* ‘делать’ < кыпч. **qil-*, башк. *qili* ‘ручка, ушко’ < кыпч. *qili, башк. *qilis* ‘меч’ < кыпч. *qiliǵ, башк. *qis* ‘зима’ < кыпч. *qis, башк. *qın* ‘ножны, чехол’ < кыпч. *qın, башк. *qır* ‘край’ < кыпч. *qır, башк. *qıraw* ‘иней’ < кыпч. *qıraw, башк. *qırq-* ‘стричь’ < кыпч. **qırq-*, башк. *qırq* ‘сорок’ < кыпч. *qırq, башк. *qıǵan-* ‘завидовать, скупиться’ < кыпч. **iǵıyan-* ‘желать, завидовать, скупиться’, башк. *qıǵ* ‘дочь, девушка’ < кыпч. *qız, башк. *qıǵıl* ‘красный’ < кыпч. *qızıl, башк. *qıǵqa* ‘узкий, короткий’ < кыпч. *qisqa, башк. *qıǵır* ‘яловая’ < кыпч. *qisır, башк. *qıǵır-* ‘ходить, обходить вокруг’ < кыпч. **qıǵır-*, башк. *qımırǵqa* ‘муравей’ < кыпч. *qımırsqa, башк. *hila-* ‘тереть, стирать’ < кыпч. **sil-*, башк. *hın-* ‘ломаться’ < кыпч. **si-n-*, башк. *sisqan* (с ассимиляцией согласных) ‘мышь’ < кыпч. *siǵqan, башк. *hiǵır* ‘корова, крупный рогатый скот’ < кыпч. *siǵır, башк. *hiǵ* ‘вмещаться’ < кыпч. *siǵ, башк. *hiq-* ‘давить, жать’ < кыпч. **siq-*, башк. *hın*

‘наблюдение, опыт’ < кыпч. *sın, башк. һирг- ‘жадно глотать, пить залпом’ < кыпч. *sır- , башк. һир- ‘прошивать’ < кыпч. *sır-, башк. һирт ‘позвоночник, хребет’ < кыпч. *sirt, башк. тиүд ‘крепкий, плотный’ < кыпч. *tiüz, башк. тиқ- ‘набивать, впихивать’ < кыпч. *tiq-.

Кроме того, кыпч. последовательность *iw, встречающаяся только в первом слоге, развивается в башкирском в iw с утерей огубленности первого гласного. Это вторичный процесс и связан он с отсутствием противопоставления *iw и *iw на кыпчакском уровне. В непервых слогах уже на кыпчакском уровне была только последовательность *iw, но при этом не встречался контекст *iw. Ср. башк. iwıd ‘молозиво’ < кыпч. *uwız, башк. iwıldırıq ‘молоки, икра’ < кыпч. *uwıldırıq, башк. bıw- ‘завязывать, душить’ < кыпч. *buw-, башк. jiwan ‘толстый’ < кыпч. *juwan, башк. qıwiq ‘мочевой пузырь’ < кыпч. *quwiq, башк. qıwan- ‘быть счастливым’ < кыпч. *quwan-, башк. hiw ‘вода’ < кыпч. *suw, башк. hiwiq ‘холодный’ < кыпч. *suwiq, башк. aıw ‘яд’ < кыпч. *aıw, башк. baıw ‘поле’ < кыпч. *basıw, башк. aıw ‘чистый’ < кыпч. *aıw, а также в отглагольном имени (инфинитиве) после основ на согласный -iw < кыпч. *-iw и др. примеры.

В нескольких случаях после начального согласного *b- (губного согласного) перед последовательностью -aw второго слога отмечается переход кыпч. *-u- в башк. -i-, например, башк. biıaw ‘пути, кандалы’ < кыпч. *buıaw, башк. biıaw ‘теленки’ < кыпч. *bizaw. Опосредованно это связано с вторичной огубленностью непервого гласного в сочетании с глайдом в контексте -aw. В этом случае историческая огубленность непервого гласного, связанная с огубленным характером первого, стала трактоваться как автоматическая перед губным глайдом, а не по первому гласному, т.е. это последствия переосмысления контекста с отражающейся огубленностью в непервом слоге. Для указательного местоимения башк. bi-l ‘этот’ при кыпч. *bi следует предполагать морфологическое выравнивание по косвенной основе местных падежей, где кыпчакский имел морфонологический вариант с гласным *-i- в местных падежах.

3.2.3. Башкирский гласный o характеризуется средним подъемом. Относительно рус. гласного o он немного сдвинут по направлению к среднему ряду, не имеет дифтонгоидной артикуляции, наблюдаемой для ударного рус. ó, и, что самое важное, являет-

ся редуцированным гласным, уступающем по долготе *и* и *а*. Он образует огубленную пару к *i*, также редуцированному, и внутри аффиксальных морфем вступает с ним в чередования. Появление огубленного *о* в первом слоге четко связано с наличием или отсутствием *о* первого слога в собственно башкирском. Т.е. лабиальная аттракция (уподобление по огубленности) распространяется только на случаи после первого огубленного редуцированного, в отличие от случаев с огубленным *и*, где типичным вариантом редуцированного является *i*, а не *о*, что ожидалось бы при «классическом действии» губной аттракции (ср. ситуацию в киргизском). Это указывает на позднее вторичное появление данного уподобления в башк. языке как частный случай гармонии редуцированных между собой. Действие аттракции ослабевает для гласных удаленных от первого слога, в частности, в третьем-четвертом слогах допустимо *i̯*- или *i*-образное произношение в зависимости от диалектов.

Башк. гласный первого слога *о* в свободных позициях (т.е. не в сочетаниях с глайдами) восходит к кыпч. **и*. В первых слогах он отражает кыпч. **i*. Ср. башк. *bojoq* ‘грустить, тосковать’ < кыпч. **bujiq* ‘замерзать, сжиматься (от холода)’, башк. *bojog* ‘приказывать’ < кыпч. **bujiq*-, башк. *bolan* ‘лось’ < кыпч. **bulan*, башк. *bolʷa* ‘перемешивать’ < кыпч. **bulʷa*-, башк. *bolot* ‘туча, облако’ < кыпч. **bulut*, башк. *boš* ‘быть раздражительным, возбуждаться’ < кыпч. **buš*- (**р*-), башк. *bod* ‘лед’ < кыпч. **buz* ~ **muz*, башк. *bod* ‘причинять вред, разрушать’ < кыпч. **buz*-, башк. *boθ* ‘пар’ < кыпч. **bus* ‘пар, туман’, башк. *bor* ‘крутить, вертеть, сверлить’ < кыпч. **bur*-, башк. *borsaƣ* < кыпч. **burčaƣ* ‘бобы, горох’, башк. *bot* ‘бедро’ < кыпч. **but*, башк. *solʷa* ‘обматывать’ < кыпч. **čulʷa*-, башк. *tojaq* ‘копыто’ < кыпч. **tujaq*, башк. *tol* ‘вдова, вдовец’ < кыпч. **tul*, башк. *tolom* ‘коса’ < кыпч. **tulim*, башк. *tomšoƣ* ‘морда’ < кыпч. **tumšiq*, башк. *tor* ‘стоять’ < кыпч. **tur*-, башк. *tođ* ‘соль’ < кыпч. **tuđ*, башк. *tot* ‘держать’ < кыпч. **tut*-, башк. *jođroƣ* ‘кулак’ < кыпч. **zudriq*, башк. *jom* ‘закрывать глаза’ < кыпч. **zum*-, башк. *jomoro* ‘круглый’ < кыпч. **zumri*, башк. *jomoš* ‘поручение’ < кыпч. **jumiš* ‘работа, поручение, дело’, башк. *jomran* ‘суслик’ < кыпч. **zumran* ‘суслик, евражка’, башк. *jomortqa* ‘яйцо’ < кыпч. **zumirtqa*, башк. *jondođ* ‘звезда’ (с вторичным *-n*-) < кыпч. **zuldiz*, башк. *joq* ‘прилипать’ < кыпч. **ziq*-, башк. *joqa* ‘тонкий’ < кыпч.

*зи(w)qa, башк. joron 'лохмотья' < кыпч. *zigrin, башк. jort 'дом, жилище' < кыпч. *zurt, башк. jot 'джут, неурожай' < кыпч. *zut, башк. jot- 'глотать' < кыпч. *zut-, башк. monar 'дымка' < кыпч. *munar, башк. moŋ 'уныние, печаль' < кыпч. *muŋ 'печаль, страдание, мука', башк. qoj- 'лить, сыпать' < кыпч. *quj-, башк. qojroq 'хвост' < кыпч. *qujriq, башк. qojaš 'солнце' < кыпч. *qujaš, башк. qol 'слуга, раб' < кыпч. *qul, башк. qola 'саврасый, коричневатый' < кыпч. *qula, башк. qolaq 'ухо' < кыпч. *qulaq, башк. qolas 'сажень' < кыпч. *qulač, башк. qolon 'жеребенок' < кыпч. *qul(i)n, башк. qoŋ- 'строить, устанавливать' < кыпч. *qur-, башк. qoro 'сухой' < кыпч. *qurı, башк. qorom 'сажа, копоть' < кыпч. *qurım, башк. qoroq 'аркан' < кыпч. *qurıq, башк. qoros 'острый' < кыпч. *qurıč, башк. qorhaq 'желудок' < кыпч. *qursaq, башк. qort 'червь' < кыпч. *qurt, башк. qoθ- 'блевать' < кыпч. *qus-, башк. qoš 'птица' < кыпч. *quš, башк. qot 'душа; счастье' < кыпч. *qut, башк. holo 'овес' < кыпч. *suli, башк. hon- 'протягивать' < кыпч. *sun-, башк. hoθ- 'черпать' < кыпч. *sus-, башк. os 'конец, край' < кыпч. *uč, башк. os- 'лететь' < кыпч. *uč-, башк. oja 'гнездо' < кыпч. *uja, башк. ojal- 'стыдиться' < кыпч. *ujal-, башк. ojoš- 'следовать, соответствовать' < кыпч. *ujış-, башк. ojoš- 'неметь, цепенеть' < кыпч. *ujı-š-, башк. ojoq 'чулки' < кыпч. *ujıq, башк. olo- 'выть' < кыпч. *uli-, башк. oltan 'подошва' < кыпч. *ultan-, башк. onot- 'забывать' < кыпч. *unit-, башк. oŋ- 'бить, ударять' < кыпч. *ur-, башк. oro 'нарост, опухоль' < кыпч. *urı, башк. orloq 'семя' < кыпч. *ur-liq, башк. odon 'длинный' < кыпч. *uzın, башк. ošaq 'клевета' < кыпч. *ušaq, башк. ot- 'выигрывать, побеждать' < кыпч. *ut-

Иногда отмечается рефлексация башк. *o* на месте кыпч. *-i- перед -m- типа башк. qomod ~ qimıd 'кумыс, кисломолочный напиток' < кыпч. *qimız, но это вторичный процесс переноса огубленности сгубного носового согласного на гласный. Вторичная утеря огубленности редуцированного гласного и появление комплекса -iw- рассматривается выше, в разделе про башк. *i*.

3.2.4. Башкирский гласный *u* является огубленным гласным заднего ряда верхнего подъема. В своих, исконно кыпчакских, словах встречается только в первом слоге. Он происходит из кыпч. *o, у которого было такое же ограничение на допустимость только в первом слоге. Кыпчакский гласный *o исторически характеризовался дифтонгоидным произношением с *u*-образным призвуком

в начале (т.е. типа рус. ударного *о*). Следы такого произношения наблюдаются и сейчас в языках ногайской подгруппы (казахском, каракалпакском и ногайском, ср. даже каз. *отан* ‘родина’ как освоение арабизма *watan*). Доминирование этого начального призвука привело к переходу кыпч. **o* [^h*o*] в гласный верхнего подъема *и* в башк. и поволжско-тат. (включая мишар.). Ср. башк. *buǰ* ‘длина, рост’ < кыпч. **bod* ‘тело’, башк. *buǰa-* ‘красить’ < кыпч. **boǰa-*, башк. *buǰdaq* ‘холостой’ < кыпч. **boǰdaq* ‘валух, холостой’, башк. *bul-* ‘становиться’ < кыпч. **bol-*, башк. *bor* ‘мел’ < кыпч. **bur*, башк. *burhiq* ‘барсук’ < кыпч. **borsiq* (**p-*), башк. *buǰ* ‘серый’ < кыпч. **boz*, башк. *buš* ‘свободный, пустой’ < кыпч. **boš*, башк. *butqa* ‘каша’ < кыпч. **botqa*, башк. *buta* ‘верблюжонок’ < кыпч. **bota*, башк. *susqa* ‘свинья’ < кыпч. **šoǰqa*, башк. *sulaq* ‘калека’ < кыпч. **šoǰaq*, башк. *sum-* ‘нырять’ < кыпч. **šom-*, башк. *suǰi-* ‘клевать’ < кыпч. **šoǰi-*, башк. *surtan* ‘щука’ < кыпч. **šortan*, башк. *tur* ‘весь, целиком’ < кыпч. **top*, башк. *tur* ‘мяч’ < кыпч. **top*, башк. *tubirsiq* ‘шишка (раст.)’ < кыпч. **tobirčiq*, башк. *tupraq* ‘земля, почва’ < кыпч. **topraq*, башк. *tubal* ‘кузовок, лукошко’ < кыпч. **tobal*, башк. *tubiǰ* ‘коленная чашечка’ < кыпч. **tobiǰ*, башк. *tuǰin* ‘обод’ < кыпч. **toǰin*, башк. *tuj-* ‘насыщаться’ < кыпч. **toj-*, башк. *tuj* ‘праздник’ < кыпч. **toj*, башк. *tuǰi-* ‘ткать’ < кыпч. **toǰi-*, башк. *tuǰal* ‘комоль’ < кыпч. **toǰal*, башк. *tuǰti* ‘ягненок до полугода’ < кыпч. **toǰli*, башк. *tuli* ‘полный’ < кыпч. **toli*, башк. *tur* ‘мороз’ < кыпч. **toǰ*, башк. *tur* ‘сеть’ < кыпч. **tor*, башк. *tuǰ* ‘береста’ < кыпч. **toz*, башк. *tuǰan* ‘пыль’ < кыпч. **tozan*, башк. *tut* ‘ржавчина’ < кыпч. **tot*, башк. *juǰaǰi* ‘наверх’ < кыпч. **zoǰaǰi*, башк. *juǰ-* ‘разрушать’ < кыпч. **zoǰ-*, башк. *jul* ‘дорога’ < кыпч. **zol*, башк. *jun-* ‘обтесывать, строгать’ < кыпч. **zop-*, башк. *juǰ* ‘нет, нету’ < кыпч. **zoǰ*, башк. *juǰan* ‘одеяло’ < кыпч. **zopǰan*, башк. *tuǰin* ‘шея’ < кыпч. **moǰ(i)n*, башк. диал. *munsaq* ‘бусы’ < кыпч. **mončaq*, башк. *qusqar* ‘баран’ < кыпч. **qoǰqar*, башк. *quǰ-* ‘клясть’ < кыпч. **qoǰ-*, башк. *quǰn-i* ‘подмышка’ < кыпч. **qoǰ(i)n*, башк. *quǰan* ‘заяц’ < кыпч. **qoǰan*, башк. *quǰi* ‘густой, толстый’ < кыпч. **qoǰi*, башк. *qul* ‘рука’ < кыпч. **qol*, башк. *qum* ‘вьючное верблюжье седло’ < кыпч. **qom*, башк. *qumta* ‘ящик’ < кыпч. **qomta*, башк. *quǰiǰ* ‘желтовато-бурый’ < кыпч. **qoǰiǰ*, башк. *quǰiǰ* ‘жук’ < кыпч. **qoǰiǰz*, башк. *ur-* ‘сосать, глотать’ < кыпч. **or-*, башк. *uǰ-* ‘долбить’ < кыпч. **oj-*, башк. *uǰin* ‘игра’ < кыпч. **oj(i)n*, башк. *uǰ* ‘стрела’ < кыпч. **oǰ*, башк. *uǰa* ‘по-

зумент' < кыпч. *oqa, башк. uqi- 'звать, читать' < кыпч. *oqi-, uqra 'бычачий овод' < кыпч. *oqra 'прыщ', башк. ul 'тот' < кыпч. *ol, башк. ulaq 'желоб' < кыпч. *olaq, башк. umir- 'отламывать' < кыпч. *omir-, башк. up 'десять' < кыпч. *op, башк. ur 'правый' < кыпч. *oр, башк. umir- 'ломать, отламывать' < кыпч. *umir-, башк. urin 'место' < кыпч. *or(i)n, башк. uram 'улица' < кыпч. *oram, башк. urman 'лес' < кыпч. *orman, башк. ut 'огонь' < кыпч. *ot, башк. utid 'тридцать' < кыпч. *otiz, башк. utaw 'комната' < кыпч. *otaw, башк. utraw 'остров' < кыпч. *otraw, башк. ud- 'бежать, спастись' < кыпч. *oz-, башк. uɖal 'плохой' < кыпч. *osal, башк. huɣan 'лук (растение)' < кыпч. *soɣan, башк. huj- 'сдирать кожу' < кыпч. *soj-, башк. huq- 'бить, ударять' < кыпч. *soq-, башк. hul 'левый' < кыпч. *sol, башк. huli- 'вянуть, чахнуть' < кыпч. *soli-, башк. hunar 'собачья охота' < кыпч. *sonar ~ -m-, башк. hoɣ 'зад' < кыпч. *soɣ, башк. hur- 'сосать' < кыпч. *sor-, башк. huɖ- 'тащить' < кыпч. *soz-, башк. ʃu-l 'этот' < кыпч. *ʃo-.

Башкирский гласный нижнего подъема *ɛ* будет рассмотрен после остальных гласных переднего сингармонистического ряда, что связано с его неоднозначными источниками происхождения.

3.2.5. Башкирский гласный *e* характеризуется средним подъемом и передне-средним рядом. Относительно рус. гласного *e* он немного сдвинут по направлению к среднему ряду, не имеет дифтонгоидной артикуляции, наблюдаемой для ударного рус. *é*, и является редуцированным гласным, по долготе уступающим *i* и *ä*. Он восходит к кыпч. *i как в первых, так и в непервых слогах. Ср. башк. bes- 'резать' < кыпч. *biç-, башк. bej- 'танцевать' < кыпч. *bij-, башк. beje 'кобыла' < кыпч. *bije, башк. bed 'мы' < кыпч. *biz, башк. bed 'шило' < кыпч. *biz, башк. bel- 'знать' < кыпч. *bil-, башк. belek 'предплечье' < кыпч. *bilek, башк. belew 'точило' < кыпч. *bilew, башк. ber 'один' < кыпч. *bir, башк. beš- 'свариться, созреть, стать готовым' < кыпч. *biš, башк. beš- 'болтать, взбивать' < кыпч. *biš- (*p-), башк. tej- 'касаться, достигать' < кыпч. *tij-, башк. tejen 'белка' < кыпч. *tijin, башк. teke 'вертикальный' < кыпч. *tike, башк. tel 'язык' < кыпч. *til, башк. tel- 'расщеплять' < кыпч. *til-, башк. tente- 'искать, обыскивать' < кыпч. *tinti-, башк. tere- 'опираться' < кыпч. *tire-, башк. tere 'живой' < кыпч. *tiri, башк. ted 'колесо' < кыпч. *tiz-e, башк. ted- 'нанизывать' < кыпч. *tiz-, башк. teš 'зуб' < кыпч. *tiš, башк. kej- 'надевать' < кыпч. *kij-

, башк. es 'внутренняя часть' < кыпч. *iç, башк. es- 'пить' < кыпч. *iç-, башк. ije 'хозяин' < кыпч. *ije, башк. ejeɾ- 'следовать' < кыпч. *ijeɾ-, башк. ejeɾ 'седло' < кыпч. *ijeɾ, башк. el- 'вешать на, цеплять' < кыпч. *il-, башк. elek 'вперед, впереди' < кыпч. *ilik, башк. ene 'младший брат' < кыпч. *ini, башк. ene 'игла' < кыпч. *i(j)ne, башк. ere 'грубый, крупный' < кыпч. *iri, башк. eren 'гной' < кыпч. *irin, башк. ed 'след' < кыпч. *iz, башк. eš 'работа, дело' < кыпч. *iš, башк. et 'собака' < кыпч. *it, башк. et- 'толкать, пихать' < кыпч. *it-, башк. jebe- 'мокнуть' < кыпч. *zibi-, башк. jeɾ 'нитка' < кыпч. *zir, башк. jek 'шов' < кыпч. *zik, башк. jejeɾ 'племянник' < кыпч. *ziɟen, башк. jeget 'храбрец' < кыпч. *zigit, башк. jelek 'костный мозг' < кыпч. *zilik, башк. jen 'содержимое кишок' < кыпч. *zin ~ zin, башк. jeɾen- 'испытывать отвращение' < кыпч. *zi(j)ren-, башк. kese 'маленький' < кыпч. *kiçi, башк. kejeɾ 'войлок' < кыпч. *kijiz, башк. kendeɾ 'пуп' < кыпч. *kindik, башк. keɾ 'грязь' < кыпч. *kir, башк. keɾ- 'входить' < кыпч. *kir-, башк. keɾpek 'ресница' < кыпч. *kirpik, башк. keɾeš 'тетива' < кыпч. *kiriš, башк. keš 'соболь' < кыпч. *kiš, башк. keše 'человек' < кыпч. *kiši 'человек, мужчина', башк. meje 'мозг' < кыпч. *miji ~ *mije, башк. men- < кыпч. *min- 'ехать верхом', башк. helk- 'встряхивать' < кыпч. *silk-, башк. sensek 'голень' (с ассимиляцией согласных) < кыпч. *sinçik, башк. heɟ- 'погружаться' < кыпч. *siɟ-, башк. hejeɾ 'сухожилие, вена' < кыпч. *siɟir, башк. heɟl-е 'старшая сестра' < кыпч. *siɟ(i)l, башк. heɾer- 'подметать' < кыпч. *sipir- ~ *sipur-, башк. herke 'гнида' < кыпч. *sirke, башк. herke 'уксус' < кыпч. *sirke, башк. heɾ 'вы' < кыпч. *siz, башк. šeš 'вертел' < кыпч. *šiš, башк. šeš- 'пухнуть' < кыпч. *šiš-, башк. tigeɾ 'ровный' < кыпч. *tegiz, башк. kümer 'уголь' < кыпч. *kömir, башк. kiker- 'рыгать' < кыпч. *kekir-, башк. kilen 'невестка' < кыпч. *kelin, башк. kinder 'конопля' < кыпч. *kendir, башк. üken- 'раскаиваться, сожалеть' < кыпч. *ökin-, башк. ügeɾ 'бык, вол' < кыпч. *ögiz.

Другим источником башк. *e* первого слога является кыпч. *e в анлаутной (начальной) последовательности **ze-*, дающей в башк. *je-* вместо ожидаемого *ji-*. Фактически это вторичный внутрибашкирский переход, представляющий из себя сокращение гласного промежуточной последовательности *ji-* рядом с палатальным глайдом. Ср. башк. jek- 'запрягать' < кыпч. *zek-, башк. jel- 'бежать рысью' < кыпч. *zel-, башк. jel 'ветер' < кыпч. *zel, башк.

jelem 'клей' < кыпч. *zelim, башк. jelen 'вымя' < кыпч. *zelin, башк. jemeş 'овощи, фрукты' < кыпч. *zemiş, башк. jeŋ- 'победить' < кыпч. *zeŋ-, башк. jeŋel 'легкий' < кыпч. *zeŋil, башк. jer 'земля' < кыпч. *zer. Кроме того, аналогично развитию кыпч. *и перед старым *-aw в башкирский -i-, отмечается развитие контекста *-ij- в башк. -ej- перед *-ew: башк. kejeŋ 'зять' < кыпч. *kijew.

3.2.6. Башкирский гласный *i* является неогубленным гласным переднего ряда верхнего подъема. Встречается лишь в первом слоге, в непервых слогах для исконных основ он нехарактерен, по говорам в такой позиции он может отражать последовательность «-ej». Этот гласный восходит к кыпч. *e первого слога в абсолютном большинстве немаркированных позиций. Как и кыпчакский гласный *o, он характеризовался дифтонгоидным произношением с *i*-образным призвуком в начале (т.е. типа рус. ударного *e*). Следы такого произношения наблюдаются и сейчас в языках ногайской подгруппы (казахском, каракалпакском и ногайском, где этот гласный произносится как *ie*). Доминирование этого начального призвука привело к переходу в первом слоге кыпч. *e [e] в гласный верхнего подъема *i* в башк. и поволжско-тат. (включая мишар.). Например, башк. bik 'крепкий, прочный' < кыпч. *bek, башк. bikre 'стерлядь' < кыпч. *bekire, башк. bil 'поясница' < кыпч. *bel, башк. biŋ- 'дать, давать' < кыпч. *ber-, башк. birek 'твердый, крепкий' < кыпч. *berik, башк. birt- 'ломать, вредить' < кыпч. *bert-, башк. bið 'железа' < кыпч. *bez 'железа, шрам', башк. bið- 'ненавидеть' < кыпч. *bez-, башк. bit 'лицо' < кыпч. *bet, башк. sike 'висок' < кыпч. *šeke 'висок, скула', башк. sijertke 'кузнечик' (с вторичной назализацией) < кыпч. *šegirtke, башк. sir 'болезнь' < кыпч. *šer, башк. sirt- 'шелкать' < кыпч. *šert-, башк. sis- 'развязывать, снять (одежду)' (с ассимиляцией) < кыпч. *seš- ~ seč-, башк. ti- 'говорить' < кыпч. *te-, башк. tik 'единственный, только' < кыпч. *tek, башк. tigeð 'ровный' < кыпч. *tegiz, башк. til- 'отдать теленка другой матке' < кыпч. *tel-, башк. tile, tilbe 'глупый' < кыпч. *teli, *telbe (*d-), башк. tir- 'топтать' < кыпч. *ter-, башк. tiben 'большая игла' < кыпч. *teben, башк. tir 'пот' < кыпч. *ter, башк. tir- 'собирать' < кыпч. *ter-, башк. tire 'кожа, шкура' < кыпч. *teri, башк. tirbel- 'качаться, двигаться' < кыпч. *terbe-l ~ -n, башк. tirge- 'упрекать, ругать' < кыпч. *terge-, башк. tirek 'тополь' < кыпч. *terek 'тополь, дерево', башк. tiðek 'навоз' < кыпч. *tezek, башк. tiš- 'ды-

рявить' < кыпч. *teš-, башк. igew 'напильник' < кыпч. *egew, башк. ik- 'сеять' < кыпч. *ek-, башк. iger 'волкодав' < кыпч. *eger 'порода собак', башк. ike 'два' < кыпч. *eki, башк. ilek 'сито' < кыпч. *elek, башк. ilek 'косуля' < кыпч. *elik, башк. ilt- 'доставить' < кыпч. *elt-, башк. imgek 'страдание, болезнь' < кыпч. *emgek, башк. in- 'спускаться' < кыпч. *en-, башк. ine 'мать' < кыпч. *ene ~ ana, башк. inse 'подарок' < кыпч. *ençi, башк. inde 'сейчас, теперь' < кыпч. *endi, башк. integ- 'страдать' < кыпч. *entig-, башк. iñ 'ширина' < кыпч. *eñ, башк. iñ 'очень' < кыпч. *eñ, башк. ir 'мужчина' < кыпч. *er, башк. ire- 'таять' < кыпч. *eri-, башк. irte 'рано, утром' < кыпч. *erte, башк. irkek 'самец' < кыпч. *erkek, башк. ið 'память, рассудок' < кыпч. *es, башк. iðke 'старый' < кыпч. *eski, башк. iðer- 'напиваться' < кыпч. *esir-, башк. iš- 'вить, сучить' < кыпч. *eš-, башк. išek 'осел' < кыпч. *ešek, башк. išet- 'слышать' < кыпч. *ešit-, башк. išek 'дверь' < кыпч. *eşik, башк. it 'мясо' < кыпч. *et, башк. it- 'устраивать, делать' < кыпч. *et-, башк. itek 'подол, край одежды' < кыпч. *etek, башк. id- 'разминать' < кыпч. *ez-, башк. kis- 'переходить вброд' < кыпч. *keš-, башк. kis, kise 'вечер' < кыпч. *keš-e, башк. kiker- 'рыгать' < кыпч. *kekir-, башк. kil- 'приходить' < кыпч. *kel-, башк. kilen 'невестка, сноха' < кыпч. *kel(i) n, башк. kile 'ступка' < кыпч. *kili, башк. kim 'кто' < кыпч. *kem, башк. kimek 'губчатая кость' < кыпч. *kemik 'кость, хрящ', башк. kinder 'конопля' < кыпч. *kendir, башк. kiñ 'широкий' < кыпч. *keñ, башк. kir- 'высыхать' < кыпч. *ker-, башк. kir- 'напряливать, натягивать' < кыпч. *ker-, башк. kirge 'решетка юрты' < кыпч. *kerege, башк. диал. kiðe 'насечка (на стреле)' < кыпч. *kez, башк. kið- 'резать' < кыпч. *kes-, башк. kit- 'уходить' < кыпч. *ket-, башк. kit- 'делать зарубку' < кыпч. *ket-, башк. mileš 'рябина' < кыпч. *meliš, башк. min 'я' < кыпч. *men, башк. miñ 'родинка' < кыпч. *meñ, башк. ni 'что' < кыпч. *ne, башк. hipkel 'веснушки, сыпь' < кыпч. *sep-kil, башк. hiker- 'прыгать, скакать' < кыпч. *sekir-, башк. himed 'толстый' < кыпч. *semiz, башк. hin 'ты' < кыпч. *sen, башк. hið- 'чувствовать, понимать' < кыпч. *sez-.

3.2.7. Башкирский гласный *ö* характеризуется средним подъемом и является гласным переднесреднего ряда, немного сдвинутым в сторону среднего ряда относительно неогубленного *e*. Этот гласный является редуцированным, и он короче *e*, *i* и *ü*. Он образует огубленную пару к *e*, также редуцированному, а внутри

аффиксальных морфем вступает с ним в чередования. Появление огубленного *ö* в непервом слоге связано с наличием или отсутствием огубленного *ö* первого слога. Т.е. лабиальная аттракция (уподобление по огубленности) в баш. распространяется только на случаи после первого огубленного редуцированного, в отличие от случаев с огубленным *ï*, где типичным вариантом редуцированного является *e*, а не *ö*, что ожидалось бы при «классическом действии» губной аттракции (ср. ситуацию в киргизском). Это типично башкирский частный случай гармонии редуцированных между собой. Аналог ему отмечается также в части чувашских диалектов. Действие аттракции ослабевают для гласных удаленных от первого слога, в частности, в третьем-четвертом слогах допустимо *e*² или *e*-образное произношение в зависимости от диалектов. Башк. гласный первого слога *ö* в свободных позициях (т.е. не в сочетаниях с глайдами) восходит к кыпч. **ï*. В непервых слогах он отражает кыпч. **i* после башк. огубленного редуцированного. Ср. башк. *böt-* ‘кончатся, завершаться’ < кыпч. **büt-*, башк. *böjör* ‘почки (анат.)’ < кыпч. **büjir-ek*, башк. *böl-* ‘разоряться, нищать’ < кыпч. **bül-* ‘разрушаться, разоряться’, башк. *börö* ‘почка (раст.)’ < кыпч. **büri* ‘почка, нарост, зернышко’, башк. *börse* ‘блоха’ < кыпч. **bürçe*, башк. *bördögen* ‘костяника’ < кыпч. **bürligen ~ *bülrigen* ‘вид ягоды’, башк. *söge* ‘стерлядь’ < кыпч. **çüke*, башк. *töj-* ‘завязывать’ < кыпч. **tūj-*, башк. *töš-* ‘падать, спускаться’ < кыпч. **tüş-*, башк. *töš* ‘сон’ < кыпч. **tüş*, башк. *tör* ‘дно’ < кыпч. **tür*, башк. *töd-lök* ‘прямота предмета’ < кыпч. **tüz* ‘прямой, ровный’, башк. *köl* ‘пепел, зола’ < кыпч. **kül*, башк. *köjeđ* ‘гордый, заносчивый’ < кыпч. **küjez*, башк. *kös* ‘сила’ < кыпч. **küč*, башк. *köt-* ‘ждать; пасти’ < кыпч. **küt-*, башк. *kön* ‘день’ < кыпч. **kün*, башк. *köje* ‘моль’ < кыпч. **küje*, башк. *köd* ‘осень’ < кыпч. **küz*, башк. *jörö-* ‘ходить’ < кыпч. **züri-*, башк. *jök* ‘груз, выюк’ < кыпч. **zük*, башк. *jögön-* ‘кланяться’ < кыпч. **zügin-*, башк. *köjöd* ‘ковёр’ < кыпч. **küjiz*, башк. *köšöl* ‘крыса, крот’ < кыпч. **küšil*, башк. *kört* ‘сугроб’ < кыпч. **kürt*, башк. *köden* ‘хорек, ласка’ < кыпч. **küzen*, башк. *öjör* ‘стадо, стая’ < кыпч. **üjir*, башк. *hölöc* ‘пиявка’ < кыпч. **sülik*, башк. *höngö* ‘копье’ < кыпч. **süngi*, башк. *höđ-* ‘цедить’ < кыпч. **süz-*, башк. *höj-* ‘любить’ < кыпч. **süj-*, башк. *höt* ‘молоко’ < кыпч. **süt*, башк. *höjek* ‘кость’ < кыпч. **süjek*, башк. *tölkö* ‘лиса’ < кыпч. **tülki*, башк. *tön* ‘ночь’ < кыпч. **tün*, башк. *ösön* ‘потому

что' < кыпч. *ücin, башк. örk- 'бояться' < кыпч. *ürk, башк. öd- 'об-
рывать, сорвать' < кыпч. *üz- 'рвать, уничтожать', башк. öt- 'опа-
лить' < кыпч. *üt-.

3.2.8. Башк. гласный *ï* является огубленным гласным перед-
не-среднего ряда верхнего подъема (немного сдвинут в сторону
среднего ряда). В своих, исконно кыпчакских, словах встречается
только в первом слоге. Он происходит из кыпч. *ö, у которого было
аналогичное ограничение на допустимость только в первом слоге.
Кыпчакский гласный характеризовался дифтонгоидным произно-
шением с *ï*-образным призвуком в начале (как и кыпч. *o). Следы
такого произношения обнаруживаются в современных языках но-
гайской подгруппы (казахском, каракалпакском и ногайском). До-
минирование этого начального призвука привело к переходу кыпч.
*ö [ʰö] в гласный верхнего подъема *ï* в башк. и поволжско-тат.
(включая мишар.). Ср. башк. bükθe 'коротышка' < кыпч. *bökse
'зоб, пузо', башк. bül- 'делить, отделять' < кыпч. *bö-, башк. bürk
'шапка' < кыпч. *börk, башк. büre 'волк' < кыпч. *böri, башк. sü
'пустыня' < кыпч. *çöl 'степь', башк. süp 'мусор' < кыпч. *çör,
башк. tül 'плодовитость; женская половая клетка' < кыпч. *töl
'потомство, приплод', башк. tüş 'грудь' < кыпч. *töš, башк. dört
'четыре' < кыпч. *tört (*d-), башк. tüşe- 'стелить' < кыпч. *töše-,
башк. tüd- 'терпеть, переносить' < кыпч. *töz-, башк. tür 'почет-
ное место' < кыпч. *tör, башк. küs- 'кочевать' < кыпч. *köç-, башк.
kük 'синий, зеленый' < кыпч. *kök, башк. kün 'дубленая шкура' <
кыпч. *kön, башк. künel 'дух, настроение, сердце' < кыпч. *köñil,
башк. jüke 'липа' < кыпч. *zöke, башк. küde 'крупа, каша' < кыпч.
*köze, башк. künek 'ведро' < кыпч. *könek, башк. kül 'озеро' <
кыпч. *köl, башк. kümer 'уголь' < кыпч. *kömir, башк. küp 'много'
< кыпч. *kör, башк. kübek (устар.) 'собака' < кыпч. *köbek, башк.
küre 'новорожденный' < кыпч. *kögre, башк. üs 'мечь, гнев' <
кыпч. *öç, башк. ükse 'пятка, каблук' < кыпч. *ökçe, башк. üged
'вол' < кыпч. *ögiz, башк. ül- 'умирать' < кыпч. *öl-, башк. üñed
'плесень' < кыпч. *öñez 'слизь, налет', башк. üñes 'дыхательное
горло' < кыпч. *öñeç, башк. ürke 'легкое' < кыпч. *örke, башк.
ür- 'плести' < кыпч. *ör-, башк. ürt 'степной пожар' < кыпч. *ört,
башк. üθ- 'расти' < кыпч. *ös-, башк. üt 'желчь' < кыпч. *öt, башк.
hün- 'гаснуть' < кыпч. *sön-, башк. hüd 'слово' < кыпч. *söz.

3.2.9. Башкирский гласный *ε* является гласным передне-среднего ряда нижнего (или ниже-среднего) подъема. Встречается в любых слогах. После огубленных гласных первого слога имеет небольшую огубленность, не отмечаемую в орфографии. На то, что она в таких случаях присутствовала и раньше, косвенно указывает развитие типа башк. *kejeŋ* ‘зять’ < кыпч. *küjew через промежуточную ступень «*kejeŋ* ~ «*köjeŋ* с вторичной трактовкой появления огубленного гласного второго слога не благодаря первому кыпч. **-ï-*, а из-за огубленности второго элемента глайдового сочетания. В непервых слогах этот башк. гласный восходит к кыпч. **-e-*, и даже можно говорить, что он практически является единственным рефлексом кыпч. **-e-* в непервых слогах. При морфологических чередованиях гласных аффикса он составляет пару к *-a-*. Ср. башк. *bije* ‘кобыла’ < кыпч. *bije, башк. *bilek* ‘запястье, предплечье’ < кыпч. *bilek, башк. *böjen* ‘двенадцатиперстная кишка’ < кыпч. *büjen, башк. *börse* ‘блоха’ < кыпч. *bürçe, башк. *igew* ‘напильник’ < кыпч. *egew, башк. *irkek* ‘самец’ < кыпч. *erkek, башк. *höjek* ‘кость’ < кыпч. *süjek, башк. *ürke* ‘легкое’ < кыпч. *örke, башк. *jörek* ‘сердце’ < кыпч. *zürek, башк. *köjeđ* ‘гордый, надменный’ < кыпч. *küjez, башк. *köje* ‘моль’ < кыпч. *küje, башк. *jejen* ‘племянник’ < кыпч. *zijen.

3.2.9.1. В первом слоге башк. *ε* является развитием двух исторически отличавшихся гласных, что было уже отмечено первыми исследователями (Н.К. Дмитриев, М. Рясянен), разбиравшими соответствия фонетики башкирского и других тюркских языков. Сложилась следующая традиция объяснения: часть случаев является развитием пратюрк. *a (соответственно и кыпч. *a) рядом с палатальным согласным, часть случаев, соответствий башк. *-ε-* для *-e-* первого слога трактуется как заимствования из сопредельных языков при обычной рефлексации *e > *i* в первом слоге. Чаще, просто отмечается второй переход с оговоркой, что он происходит в невыясненных условиях. При внимательном рассмотрении появления башк. *-ε-* из гласного заднего ряда *-a-* оказывается, что данное утверждение не проходит. Есть случаи отражения пратюрк. (кыпч.) *a > *ε* рядом с непалатальными согласными, также отмечены случаи отсутствия перехода при находящемся рядом палатальном согласном, например, кыпч. **ari-* ‘пчела’ > башк. *ere-yort* ‘трутень’, кыпч. **ač-* ‘открывать’ > башк. *as-*. Во многом похожее

развитие в соответствующих словах фиксируется и для татарского языка, таким образом случаи с открытым гласным -e- следует рассматривать в комплексе, учитывая данные башкирского, татарского и контактирующего с башкирским казахского языка кыпчакской подгруппы. В первой группе развития из заднерядного гласного в казахском отмечаются только случаи с -a-, что, кстати, типично и для других кыпчакских языков, во второй группе в основах исторического переднего ряда - в казахском уже присутствует -e-, -ε-, -ö-.

3.2.9.2. Анализируя случаи исторического заднего ряда (группа «А») обнаруживается, что татарская рефлексация фактически выводится из рефлексации в башкирском языке с некоторыми ограничениями. В некоторых контекстах присутствует тат. отражение -a-, как и в остальных кыпч. языках, при башк. -ε- (вначале дается фонотактический консонантный костяк кыпч. основы):

čATV- > тат. čatırda- 'трещать, треснуть' ~ башк. seterle- 'трещать, тараторить', раннее заимствование тат. čatır 'шатер' ~ башк. setre 'покрывало, занавес' с пометой уст., книжн.

зATV- > тат. jatiş 'сипатичный' ~ башк. jeteş 'удобный'.

(?) sATV- > тат. sataş- 'бредить' ~ башк. hetew 'несообразительный', hataş- 'бредить'.

В остальных случаях перед -TV- будет и в башк., и в тат. -ε-, но наблюдается одиночное исключение тат. tatım 'сладковатый' ~ башк. разг. tetem.

čAKV- > тат. -čaga 'малый, маленький' (ср. bala-čaga) ~ башк. segej-sögej, тат. čagır 'бадан' ~ башк. seger ~ sayır 'светло-голубой, зеленовато-голубой'.

Случаи для контекстов зAKV-, sAKV неизвестны.

čAPV- > тат. čabirtki 'сыпь' ~ башк. sebertke, диал. sabirtqi 'сыпь', тат. čebelenü, диал. čabalınu 'метаться, суетиться' ~ башк. sebelenew 'махать (ногами и руками от нетерпения)'.

зAPV- > тат. jabiş- 'прилипать' ~ башк. jebeş-, тат. jafrak (< «jarıraq» 'лист' ~ башк. jergej 'разросшийся куст' и jıraq 'лист'.

(?) sALPV-, sALMV > тат. salpi-salmak 'медленно, неторопливо', salpi- 'обвислый, слабый' ~ башк. helpe, halpi, тат. salmak 'тяжелый' ~ башк. helmek.

Таким образом в тат. вторично восстанавливается -a-, или же происходит перехода *-a- > -ε- в открытом слоге перед непала-

тальным смычным согласным после первого палатального согласного или спиранта s-. Стоит отметить, что случаи с начальным *s- могут быть связаны с вторичным башкирским инновативным переходом, на это указывают дублиеты и переднерядные варианты в аффиксальных случаях. Таким образом их следует исключить из данного набора контекстов и рассматривать отдельно. При интерпретации тат.-башк. несоответствий первого гласного в этих случаях можно считать, что тат. развитие связано с нефонематичным удлинением гласного открытого слога.

Есть несколько случаев перехода *a > ε с AR- в сочетании с последующим согласным в башк., ср. тат. arkan 'аркан' ~ башк. ɛrketew 'веревка (бортевая) и arqan 'толстая веревка', тат. aɣ- 'уставать' ~ башк. aɣ- и ɛrgendek 'хилый', тат. armaj 'палач' ~ башк. уст. ɛrmej, armaj. В данных примерах уже отмечены заднерядные варианты в башк., таким образом здесь уже может быть трактовка как собственно внутрибашкирского развития, в частности, уже связанного с башк. аффиксацией.

3.2.9.3. Анализ контекстов перехода кыпч. *a > ε в поволжских языках позволяет сформулировать следующее правило:

переход кыпч. *a в передний сингармонистический ряд происходит при наличии **двух палатальных или палатализованных согласных.**

Данное правило действует для неразложимых основ, основ с затемненной деривацией, но не распространяется на продуктивные словообразовательные и словоизменительные суффиксы. Сюда входят исконные кыпчакские палатальные *č (> башк. s), *ʒ (> башк. j), *š (> башк. š), *j (> башк. j). Палатализованные или мягкие согласные существовали на определенном этапе – и в эту группу входят только дентальные $\acute{L}$, $\acute{R}$, $\acute{N}$, $\acute{T}$, впоследствии совпавшие с обычными L, R, N, T, т.е. башк. l, r, n, t, (?) δ. Частично эти согласные имели вторичное происхождение. Во-первых, они встречались в сочетании с последующим согласным. Во-вторых, они появлялись, будучи вторым элементом сочетаний с первым $\acute{L}$, $\acute{R}$ (обычно для второго T) и после единственного палатального, способного вступать в сочетания, т.е. -j-. Ср. случаи, приведенные ниже, где в скобках дается консонантный костяк с подчеркнутыми актуальными палатальными и палатализованными согласными:

3.2.9.3.1. Аффриката и *j

кыпч. *zaj (zaj) ‘лето’ > башк. jej, тат. žej;

кыпч. *zaj- (zaj-) ‘раскидывать, простирать’ > башк. jej-, тат. žej-;

кыпч. *zaj(a) (zaja) ‘лук (оружие)’ > башк. jejje, тат. žejje;

кыпч. *zajaw (zajaw) ‘пешком, пеший’ > башк. jejjew, тат. žejjew;

кыпч. *zajma (zajma) ‘лепешка; покрывало’;

кыпч. *zajraq (zajPAK) ‘плоский, неглубокий’ > башк. jejpek, диал. jejre, при каз. žajraq;

кыпч. *zajran (zajRan) ‘джейран, антилопа’ > башк. jejren, тат. žejren, при каз. žajran;

кыпч. *zaj- (zaj- ~ z_aRi) ‘будущий год’ > башк. jegin (здесь башк. -i- непервого слога может отражать только сочетание промежуточного «-i- с «-j-), тат. jegen;

кыпч. *zarǵa-j (zarRaj) > башк. jergej, диал. jergejew ‘разросшийся (куст)’ - это локальный дериват от той же основы, что и кыпч. *zarǵaq ‘лист’ > башк. jarǵaq, тат. jafraq, каз. žarǵaq;

кыпч. *čaj (čaj) ‘чай’ > башк. sej, тат. čej, каз. šaj – освоенное заимствование;

кыпч. *čajir (čajir ~ ? čajRi) ‘смола’ > тат. čejer, каз. šajir;

кыпч. *čajna- (čajNa-) ‘жевать’ > башк. sejne-, тат. čejne-, каз. šajna-.

кыпч. *čayǵa-j ~ -n (čaKa-j) ‘малый, маленький’ > башк. segej-sögej, тат. -čaga, bala-čaga ‘мальш’ (без конечного -j и без упреждения), каз. šayın.

кыпч. *čaqı-j (čaKı-j, -LTAk) ‘суслик’ > башк. sekej, каз. šaqıldağ tişqan ‘пищуха’;

кыпч. *čara(j)- (?) (čaPa(j)-) ‘шлепать’ > башк. sepe-, тат. čepe-, каз. šaralaq ‘пощечина’;

кыпч. *čara(j)lan- (?) (čaPa(j)lan-) ‘махать (ногами и руками от нетерпения)’ > башк. sebelen-, тат. čebelen-, диал. čabalan- ‘метаться, суетиться’;

3.2.9.3.2. Две аффрикаты

кыпч. *zapč(i)- (zaŋč-) ‘сплющивать, крепко бить’ > башк. jens-, jensek ‘имеющий вмятину, сплюснутый’, тат. jenč-, jenček;

кыпч. *zarǵıçaq (?) (zarRiçaK) ‘барабанная перепонка’ > башк. jergesek, не исключено, что эта лексема имеет передний ряд;

кыпч. *zaič(i)- (?) (zaič(i)-) ‘достигнуть желаемого’ > башк. jels-, если с этой основой связано тат. želer itü ‘привлекать, располагать к себе’, то тогда основа имеет передний ряд;

кыпч. *zatač ~ -d- (zatač) ‘дужка куриной кости’ > башк. jetes, тат. jedec – раннее замствование, здесь также не исключен передний ряд.

кыпч. *čač (čac) ‘волос’ > башк. ses, тат. čec;

кыпч. *čač- (čac-) ‘сеять’ > башк. ses-, тат. čec-

кыпч. *čača- (čaca-) ‘поперхнуться, закашляться’ > башк. sese-, тат. čecе-, каз.. šašal-;

кыпч. *čača-q (čaca-K) ‘бахрома, кисть’ > башк. seseq, sese ‘копытная щетка’, каз. šašaq;

кыпч. *čašaw (čašaw) ‘редкий, негустой’ > башк. sesew, каз. šašaw-lan- ‘отбиться, отделиться, объединиться’;

кыпч. *čašra- (čašra-) ‘брызгать’ > башк. sesre-, тат. čecre-, каз. šaširal-;

кыпч. *čamča (čamča) ‘кайма, узор’ > башк. semse ‘узор в виде улиток’, тат. čemče, здесь не исключен и старый передний ряд;

кыпч. *čanč- (čanč-) ‘колоть, вонзать’ > башк. sense-, тат. čenč-;

кыпч. *čarč- (čarč-) ‘горячиться, сердиться’ > башк. seps-, тат. čerč-, каз. šarš- ‘прыгать’

кыпч. *čarč- (čarč-) ‘брызгать стружкой’ > башк. caus. septer- < «seps-ter-, каз. šarš- ‘бить фонтаном’

кыпч. *čabirčač (čarirčaK) ‘тухлый, протухший’ > тат. čeberček – не исключен старый передний ряд;

кыпч. *čab(ir)č- (čar(ir)čik) ‘трясогузка’ > башк. sepsek, диал. sebersek, sebersew, ‘кулик’ sepsew, тат. čeperček, диал. čeberček - не исключен старый передний ряд;

3.2.9.3.3. Аффриката и старый шипящий спирант, два шипящих спиранта

кыпч. *zaš (zaš) ‘молодой, сырой’ > башк. ješ, тат. ješ;

кыпч. *zaš (zaš) ‘возраст’ > башк. ješ, ješer ‘годовалый’, тат. ješ, ješew ‘годовалый’;

кыпч. *zaš (zaš) ‘слеза’ > башк. ješ-keđew, диал. ješer-geđew ‘наливаться слезами’, ješek ‘слезящийся’, ješle ‘в слезах’, тат. ješ;

кыпч. *zašil -či (zašil, zašil-či) ‘зеленый’ > башк. ješel-zenger, ješelse ‘зелень, овощи’, тат. ješel, ješelče ‘зелень, овощи’;

кыпч. *zašin(-) (zašin) ‘молния; сверкать’ > башк. ješen, ješ(e)n-, тат. ješen, ješ(e)n-;

кыпч. *zašin-, *zašir- (zaši-n-, -r-) ‘прятать(ся)’ > башк. ješen-, тат. ješer-;

кыпч. *zabiš- (zaPiš-) ‘прилипать, прицепляться, приставать’ > башк. jebeš-, тат. jabiš-, здесь в башк. воспринимается как неразложимая основа;

кыпч. *zatiš (zaTiš) ‘удобный’ > башк. jeteš, тат. jatiš ‘симпатичный’ (ср. выше о проблеме тат. и башк. несоответствий);

кыпч. *zan (zana-ša) ‘бок’ > башк. jeneš, jeneše ‘рядом, около’, тат. jan ‘бок’.

кыпч. *šaš-qa (šaš-Ka) ‘норка (зверек)’ > башк. šeške, тат. šeške, каз. sasküzen ‘хорек’;

3.2.9.3.4. Аффриката, *j и l

кыпч. *zalpa-q (za^lPa-) ‘плоский, приплюснутый’ > башк. jelpek, jelpej- ‘стать плоским’, тат. ž'elpek, ž'elpej- ‘стать плоским’;

кыпч. *zalbīr-čaq (za^lPiR-čaq) ‘оборка, мохнатый’ > башк. jelbersek ‘оборка’, каз. žalbīr-žulbīr ‘мохнатый, изодранный’;

кыпч. *čaltir (č^a_lTiR) ‘голень’ > башк. диал. selter, тат. разг. čelter, здесь не исключен и старый передний ряд;

кыпч. *ajlan- (aj^lan-) ‘вращаться’ > башк. ejlen-, тат. ejlen-, каз. ajnal- (с метатезой);

кыпч. *qajla (Ka^jLa) ‘кирка, кайло’ > башк. kejlе, тат. kejlе, каз. qajla;

(Sa^jlan) ‘мелкий бисер’ > башк. sejlеn, тат. sejlеn – освоенное заимствование, не исключен передний ряд;

(za^l) ‘жаль’ > башк. jel, тат. ž'el – освоенное заимствование из рус. *жаль*.

кыпч. *čal- (č^a_l-) ‘воровать, красть, стащить’ > башк. se^l-, тат. čel-, каз. šaluw ‘делать подножку при борьбе; пощипывать траву на ходу’ - причины смягчения l неясны;

кыпч. *čaŋqilda- (čaⁿKi^lTa-) ‘тявкать’ > башк. seŋkelde-, тат. čeŋgelde-, каз. šaŋqilda- ‘визжать, рявкать’;

кыпч. čarilda- (ča^Ri^lT-) ‘верещать, визгливый’ > башк. se^relde-, se^reldek, тат. čerelde-, čereldek, каз. šarilda- ‘неистово кричать, вопить’;

кыпч. *alda (a^llTa) ‘хорошо, ладно’ > башк. elde, каз. alda-žalda ‘в крайнем случае, на худой конец’;

3.2.9.3.5. Аффриката, *j и Ṛ

кыпч. *arč- (aRč-) ‘чистить’ > башк. ers-, тат. erč-, каз. arš-;
кыпч. *arčə- (aRčə-) ‘заступаться, разнимать’ > башк. ersele-, тат. erčep- ‘избавляться, освобождаться’, ~ каз. arı ‘дальше, прочь’;

кыпч. *zabir (zaPiṚ < zaP̣Ṛi) ‘гнет, угнетение’ > башк. jēber, тат. žēber, каз. žabiŋqa ‘унылый, подавленный’, žabirqat- ‘угнетать’;

кыпч. *čaqir (čaKiṚ и čaKiṚi < čaḲṚi) ‘светло-голубой, зелено-вато-голубой’ > башк. seger, saŋir, тат. čagir ‘бадан’, каз. šaŋir ‘бу-рьян’, ‘сероглазый’

(SajiṚ < SajṚi) ‘прогулка’ > башк. sejer уст., sejran, тат. sejer – освоенное заимствование.

кыпч. *čabirtqi (čaPiṚTKi и čaPiRTKi) ‘сыпь’ > башк. sebertke диал., sabirtqi, тат. čabirtki;

кыпч. *čatir- (čaTiṚ- < čaṬṚi-) ‘трещать’ > башк. seterle-, тат. čatirda-, каз. šatir-šutir ‘резкий треск’, šatirla- ‘греметь’;

кыпч. *abra-qaj (aP̣RaKaŋ) ‘отхожее место’ > башк. ebrekeŋ, тат. ebrekeŋ, каз. abir-dabir ‘суета’, abirži- ‘беспокоиться’;

кыпч. *qatir-mač (KaTiṚmač) ‘сухари’ > башк. ketermeš, тат. ketermeč;

кыпч. *abirčin (aPiṚčin ~ aP̣Ṛičin) ‘вихирь’ > башк. ebersen, тат. eberčen.

3.2.9.3.6. Аффриката, *j и Ṇ

кыпч. *zant (zaŋT) ‘старательность, усердие’ > башк. jent диал., каз. žantiq ‘подхалим’;

кыпч. *qajqanda- (KaŋKaŋTa) ‘кокетливый, кривляка’ > башк. keŋken, каз. qajqanda- ‘ходить с гордым, вызывающим видом’;

кыпч. *qanTaj (KaŋTaj) ‘сука’ > башк. kenteŋ, тат. kenteŋ;
(zaŋ) ‘душа’ > башк. jen, тат. žan, каз. žan – освоенный персизм.

3.2.9.3.7. Аффриката, *j и Ṭ

кыпч. *zatma (zaṬma) ‘самострел, сачок’ > башк. jetme, тат. jetme ‘сачок, бредень’ (старый дериват от *zat- ‘лежать’).

кыпч. *ajda (ajṬa) ‘давай’ > башк. ejde, ejdük ‘добро пожаловать!’, ejde- ‘гнать’, тат. ejde, ejdük ‘добро пожаловать!’, ejde- ‘гнать’, каз. ajda- ‘гнать’;

кыпч. *ajt- (ajṬi-) ‘говорить, сказать’ > башк. ejt-, тат. ejt-.

3.2.9.3.8. Разумеется, нужны еще дополнительные исследования, чтобы объяснить случаи, не подходящие под это правило. Однако уже можно отметить, что в части случаев неожиданного упе-

реднения первого гласного в башк. и тат. языках на пратюркском уровне обнаруживаются соответствия с пратюрк. закрытым *a или дифтонгом *ja, которые в абсолютном большинстве позиций совпали с простым пратюрк. *a. Например:

кыпч. *baj (Paj) 'завязка, привязь' > башк. bej, тат. bej, каз. bajla- 'привязывать' при чув. rǝjav 'веревка', указывающем на пратюрк. *-a-;

кыпч. *bašmaq 'гриб; обувь', *bašal- 'голеностоп' (Pašmaq, Pašal-) > башк. bešmek 'гриб', bešelej 'голеностоп', при пратюрк. дифтонге *-ja- (вызывающем р-образные рефлексy в части языков потомков);

кыпч. *ači 'кислый' (ači) > башк. eše, тат. eše, каз. ašši, при чув. jüžə, указывающем на пратюрк. дифтонг *ja-;

кыпч. *aǝi ~ *aǝa 'пчела' > башк. eǝe 'трутень', тат. eǝe 'трутень', каз. aǝa, при якут. iǝiǝa^ 'пчела', указывающем на пратюрк. *-a-.

Таким образом можно говорить об остаточном сохранении рефлексов пратюрк. особых гласных в языках Поволжья, которое было утеряно в других кыпчакских языках. Выявление условий остаточной рефлексии нуждаются в изучении.

Представляется вероятным считать, что палатальные сонанты отражали исторический пратюркский эквивалент особых согласных *l̥, *ɟ̥, *ɲ̥, которые были запрещены в морфологически неразложимых сочетаниях с другими согласными, а в свободной позиции давали кыпч. *š, *z и *j. Таким образом в части позиций оказывается возможным обнаруживать «утерянное» пратюркское противопоставление, благодаря рефлексии в башк. и тат. языках.

3.2.9.4. Большой корпус основ с первым гласным -e- в башк. восходит к кыпч. основам переднего ряда (группа «Е»). В большинстве кыпч. языков ему соответствует -e-, в татарском – некоторыми отклонениями как и в башкирском -e-, в соседнем казахском – наряду с -e-, также -e- и -ö-. Случаев с широким гласным в башк. наблюдается больше чем аналогичных случаев в тат., и можно рассмотреть группу основ, где в башк. -e- ~ тат. -i- (обратных случаев типа башк. -i- ~ тат. -e- не бывает).

3.2.9.4.1. Сужение перед дентальным.

кыпч. *četlewik (čeTLeWik) 'орех' > башк. setlewek, тат. čiklewek (< «čitlewek);

кыпч. *čet- (čeT-) 'край' > башк. setekej 'мизинец', тат. čit 'край', čit-te-ge 'крайний, окраинный', каз. šet 'кромка, край'.

Больше нет никаких случаев с начальным *č- и срединным дентальным -T-.

кыпч. *bet (PeT) 'лицо, щеки' > башк. betlek 'удила', тат. bit 'лицо', bitlek 'сетка, маска; удила', каз. bet 'лицо';

Больше нет никаких случаев с начальным шумным губным *b- и срединным дентальным -T-.

Обе эти подгруппы случаев похожи на отражение вторичного призвука типа -j- перед дентальным в предке тат. Однако при начальном T- в тат. такого сужения не происходит, что может указывать на исторически фонетическую (нефонематичную) реализацию «čє-, «be- как čjє-, bjє-, и уже при наличии -j- после гласного перед -T- весь комплекс «-jєj- > -i- в тат.

Ср. случаи однотипных соответствий после глухой аффрикаты и шумного губного:

кыпч. *šeček 'цветок; оспа' > башк. seske, диал. sәsek 'цветок', sәsek 'оспа', тат. šeček, каз. šešek;

кыпч. *šek- 'резко ударять по' > башк. sek-, seken 'боевой топор', тат. šekeš- 'чокаться', каз. šekәsuw 'стычка', šekәs- повздорить';

кыпч. *beren > башк. beren 'коза, овца', dim., beres 'ягненок, козленок', тат. beren 'барашек';

кыпч. *beki 'складной ножик' > башк. beke, тат. peke, каз. бүкте- 'складывать';

кыпч. *bebke > башк. берке 'пересекающийся, крестообразный', тат. bebke 'крестец (снопов), суслон; стропило';

кыпч. *bebe- 'малыш, дитя' > башк. берej, dim. beres, тат. bebi, bebej (грудной), каз. böre, (грудной) böbek;

кыпч. *bez 'бязь' > башк. bez, тат. bez, каз. böz и др.

3.2.9.4.2. Позиция абсолютного начала (анлаута).

кыпч. *em-(č)ek (em-) 'грудь' > башк. emek, emejlek 'нагрудник', тат. imček, каз. emšek;

кыпч. *entik (enTik) 'слабый, изнуренный' > башк. entek, тат. integ- 'замучиться', каз. entek 'немного, чуток';

Но кыпч. *eḡeme (enKeme) 'беседа, забава' > башк. eḡeme, тат. eḡeme, каз. eḡәme.

В этих случаях в тат. представлены суженные рефлексы перед сочетаниями носового (губного или дентального) с последующей палатальной аффрикатой *-č- или дентальным *-t-, что позволяет их трактовать как подобные предыдущим случаям перед дентальным.

Ср. также

кыпч. *ejle- ‘производить, делать, совершать’ > башк. ejle-, тат. ejle-;

кыпч. *ekele ‘желудь’ > башк. ekеле, тат. ekele;

кыпч. *ekem-tükem ‘улитка’ > башк. ekem-tökem, тат. ekem-tökem;

кыпч. *eger ‘если’ > башк. eger, тат. eger, каз. eger;

кыпч. *elem ‘знамя’ > башк. elem, тат. elem;

кыпч. *elbe ‘кашица (детская)’ > башк. elbe, диал. elewe, тат. elbe;

кыпч. *eli ‘сейчас, теперь’ > башк. ele, тат. ele, каз. elә ‘еще, пока’;

кыпч. *elek ‘жалоба, донос’ > башк. elekle- диал. ‘ябедничать’, тат. elek, каз. elegiš ‘внимательный, чуткий, наблюдательный’, elek ‘возня, хлопоты’;

кыпч. *erim ‘полынь’ > башк. erem, тат. erem;

кыпч. *eri- > башк. ereple- ‘преередаться’, тат. ereple-, ere- ‘бранить’, каз. erewäl ‘забастовка’;

кыпч. *ešek(i) ‘грязный’ > башк. eške, тат. eške ‘плохой, дрянной’, каз. esek qurt ‘мокрица’, esek-žem ‘экзема, крапивница’;

кыпч. eteč ‘петух’ > башк. etes, тат. eteč, каз. eteš;

кыпч. *ewele- ‘обкатывать обвалить’ > башк. ewele-, тат. ewele-;

кыпч. *ewir- ‘превращать’ > башк. ewer-, тат. ewer-;

кыпч. *ezir ‘готовый’ > башк. eder, тат. ezer, каз. ezәr;

3.2.9.4.3. Сужения после начального велярного.

После велярного перед последующим дентальным *-t- отмечен всего один случай, и он подпадает под правило приведенное выше для начальных *č-, *b-:

кыпч. *ketmen ‘мотыга, кетмень’ > башк. ketmen, тат. kitmen при диал. ketmen, каз. ketpen.

Кроме того обнаруживается тат. сужение перед носовыми *-m-, *-ŋ-:

кыпч. *keme ‘лодка’ > башк. кеме, тат. диал. kime, лит. kōjme (!), каз. keme;

кыпч. *kem, *kem- ‘меньше; уменьшаться’ > башк. kem, кем-, тат. kim, kim-, каз. kem, кем-;

кыпч. *keŋeš ‘совет’ > башк. кеңеš, тат. kiŋeš, каз. кеңес;

но ср. перед *-п-:

кыпч. *kendij ‘вид посуды’ > башк. kendej ‘посуда из цельного лубка’, тат. kendi ‘чашка, миска’;

кыпч. *kenijzek > башк. kenizek ‘молодая вдова, одалиска’, тат. kenizek ‘молодая рабыня, невольница’.

3.2.9.4.4. Сужение перед дрожащим *-г-:

кыпч. *kerte ‘шест, жердь; ограда, хлев’ > башк. kerte, тат. kirtе;

кыпч. *kerek ‘надо, нужно’ > башк. керек, тат. kirek, каз. kerek;

кыпч. *keri- ‘обратный, негативный’ > башк. кереθ, тат. kire, kire-se-n-çe ‘наоборот’, каз. керә ‘задний, назад’, керәс ‘пререкание’.

3.2.9.4.5. Ко второй группе примыкает сужение перед звонким шумным губным *-b-. Данное сужение отмечается как после велярного *k-, так и после тат. j- (< *з-):

кыпч. *keben ‘стог’ > башк. кепен, тат. kiben;

кыпч. *kebek ‘мякина, полова’ > башк. кебек, тат. kibek, каз. kebek;

кыпч. *zeb ‘удачный момент’ > башк. jер, тат. ip, диал. jepteš ‘способный, ловкий, сноровистый’ - в конце слова неразличение *-b и *-p, но развитие гласного указывает на *-b; при

кыпч. *kerer-, *kergi- ‘важничать, чваниться’ > башк. керреj-, керреп-, тат. керер-, керреj-, керреп-;

кыпч. кере-k, -č ‘шапка’ > башк. керек ‘шапка (стеганая, из лоскутков меха)’, керес разг., диал., тат. кереç;

кыпч. *zer ‘зубец, развилка’ > башк. jер ‘зубец, рожок; лезвие складного ножика’, тат. jер ‘развилка, развилина’.

После начального дентального *t- отмечено два случая сужения:

кыпч. *tentire- > башк. tentere- ‘шагать еле-еле’, тат. tintere- ‘обессилеть’, каз. tentärew ‘бродить, шататься’;

кыпч. *teren ‘глубокий’ > башк. teren, тат. tiren, каз. tereŋ.

Последний случай может быть тем же правилом, что и для начального велярного.

3.2.9.5. Про ситуацию в казахском можно сделать пока только предварительные наброски. В первую очередь это связано с ограниченностью фиксированного лексического материала и отсутствием диалектных данных. В этом языке фиксируются особые рефлексy только в случаях с башк. (и тат.) -е- первого слога.

кыпч. *elі ‘сейчас, теперь’ > башк. еле, тат. еле, каз. елә ‘еще, пока’;

кыпч. *elek ‘жалоба, донос’ > башк. елекле- диал. ‘ябедничать’, тат. елек, каз. elegiş ‘внимательный, чуткий, наблюдательный’, и (!) елек ‘возня, хлопоты’;

Других анлаутных случаев перед *-l- нет.

кыпч. *eŋgeme (enKeme) ‘беседа, забава’ > башк. eŋgeme, тат. eŋgeme, каз. eŋgәme;

кыпч. *entik (enTik) ‘слабый, изнуренный’ > башк. entek, тат. integ- ‘замучиться’, каз. entek ‘немного, чуток’;

Других анлаутных случаев перед *-n- (-ŋ-) нет.

кыпч. eteç ‘петух’ > башк. etes, тат. eteç, каз. eteş;

Других анлаутных случаев перед *-t- нет.

кыпч. *ewgi/e- ‘увлекаться’ > башк. ewge-, каз. ewge ‘возня, суета, хлопоты’;

Других анлаутных случаев перед *-w- нет.

кыпч. *ezig ‘готовый’ > башк. eđer, тат. ezer, каз. ezәg;

кыпч. *az, *ez ‘мало, немного’ > башк. eđ, тат. az, ez, каз. az; azar, ezer ‘едва-едва, еле-еле’;

кыпч. *ezej (?) ‘бабушка’ > башк. диал. ezej, каз. eže (< ezej) ‘бабушка’, ez-aуа ‘уважаемый старший брат’;

Других анлаутных случаев перед *-z- нет.

После велярного *k- в каз., как правило, представлен -e-, но есть случаи с другим гласным рядом с огубленным гласным или звонким губным -b-:

кыпч. *kekök (*kek-kök?) ‘кукушка’ > башк. kekük, тат. kek-kük adv., kekük, каз. kökek;

кыпч. *kelbe- > башк. kelbegej ‘плохой, скверный’, каз. kölbew ‘наклонный’.

После аффрикаты *č- в каз., как правило, представлен -e-, но также отмечается:

кыпч. *čeke > башк. sekelsej ‘щиколотка, лодыжка, бабка’, каз. šöke ‘надкопытный сустав ноги у животных’;

кыпч. *čel- > башк. разг. sel- 'выпивать, поддавать', каз. šöldew 'жаждать, испытывать жажду, хотеть пить'.

Случаи после начального сонанта *m- ведут себя аналогично случаям с чистым гласным в анлауте, и закономерно:

кыпч. *meŋgi 'вечный' > башк. meŋge, тат. meŋge, каз. meŋgə.

После *b- интересно отметить:

кыпч. *beki 'кладной ножик' > башк. beke, тат. peke, каз. бүкте- 'складывать';

кыпч. *bebe- 'малыш, дитя' > башк. бeрeј, dim. бeрeс, тат. bebi, bebeј (грудной), каз. бөре, (грудной) бөбек;

кыпч. *bes 'иней, изморозь' > башк. беџ, беџег- 'плесневеть', тат. bes, р. part. besergen, ~ каз. busan-u 'потеть' (с задним рядом).

3.2.9.6. Таким образом, возвращаясь к тат. отражениям, при начальном велярном в части позиций наблюдается утеря различия этого гласного с рефлексом обычного *e. Но стоит обратить внимание на значимую позицию перед звонкими губными -b-, -m-. Здесь фонетически произошла вторичная утеря второго губного элемента гласного в результате ассимиляции с последующим звонким губным. Промежуточные контексты «-e^wb-, «-e^wm- совпадают с «-eb-, «-em- > -ib-, -im-. В каз. отмечены следы дополнительного распределения -e- / -ε- / -ö-. Последний вариант обнаруживается после велярного при при внутриосновном сочетании с губным или неожиданным вторым огубленным гласным, при словосложении (в непервых слогах на кыпч. уровне не наблюдалось огубленных гласных), в некоторых случаях после *b- и после каз. шипящего спиранта š- < *č-.

Это указывает на наличие огубленности, которое характеризовало этот общекыпчакский (а не только поволжский) гласный. Ведь следы особой артикуляции присутствуют в казахском языке ногайской подгруппы. Этот гласный разумно считать рефлексом пратюрк. *e перед последующим огубленным гласным для многих случаев. Причем огубленность в части основ могла быть вторичной по происхождению, вызванной соседством с губным согласным. Таким образом, кыпчакский материал наряду с уйгурским, узбекским, якутским и части памятников позволяет реконструировать *-ï- непервого слога после неогубленного гласного, что очень важно, в том числе для внешних сравнений тюркской лексики. Соответственно можно увеличить кыпчакский инвентарь фонем и

вести особый гласный *-ё-, что плохо с системной точки зрения. Правильнее в таких основах в непервых слогах писать огубленный гласный, что меняет лишь фонотактику, но не набор фонем.

3.2.9.6.1. Ниже приводятся кыпч. основы, которые наряду с разобранными выше претендуют на наличие -ё- огубленного или огубленного гласного в непервом слоге (отдавая дань консерватизму, здесь используется маркировка первого гласного, хотя фонологически огубленность была характерна для последующих гласных, в том числе и в словоизменительных аффиксах):

кыпч. *šĕkmen ‘чекмень’ > башк. sekmen;

кыпч. *šĕken ‘початок’ > башк. seken, тат. šekĕn;

кыпч. *šĕke > башк. диал. sekĕk ‘бугорок затылочной кости’, каз. šeke ‘лоб’;

кыпч. *šĕlpek ‘лепешка’ > башк. диал. selpek, каз. šelpek;

кыпч. *šĕm ‘задор, честолюбие’ > башк. sem;

кыпч. *šĕpik ‘хилый’ > башк. sepĕk, диал. sibek;

кыпч. *šĕrt ‘шлепок’ > башк. sert, каз. šert- ‘пощелкать’;

кыпч. *šĕngiš ‘шмель’ > башк. диал. ɛŋgeš, iŋkeš;

кыпч. *šĕrcin ‘снаряжение, сбруя’ > башк. диал. ɛrsen, öpön;

кыпч. *šĕre- ‘хлеб, еда’ > башк. ɛpek, диал. ɛpej;

кыпч. *šĕrmendi ‘жаба’ > башк. ɛrmende;

кыпч. *šĕteli > башк. etelge ‘кречет’, тат. etelge ‘балабан’;

кыпч. *šĕwin ‘овин’ > башк. ewen, тат. ewen;

кыпч. *šĕlp- ‘быстрое, резкое движение; развеяться, колыхаться’ > башк. jelp, jelpelde-, каз. želp- ‘шелохнуть, обмахивать, веять’;

кыпч. *šĕmi ‘еще, ладно’ > башк. jeme;

кыпч. *šĕm ‘красота’ > башк. jem, тат. jem;

кыпч. *šĕj-ke- ‘виражировать (о птицах), скользить’ > башк. ke-jel-, диал. kejkĕle-;

кыпч. *šĕjten ‘ткань (спец.)’ > башк. kejten, тат. kejten ‘басон’;

кыпч. *šĕj- ‘расстраиваться’ > башк. kej-, тат. kej ‘плохой, сухой’, kejeg- ‘ухудшаться’, каз. kej-;

кыпч. *šĕjin ‘поздно’ > башк. диал. kejen, каз. kejĕn;

кыпч. *šĕkri ‘кривой’ > башк. kekre, тат. kekre;

кыпч. *šĕkej ‘бяка’ > башк. kekej, каз. kekej ‘надменный’;

кыпч. *šĕltir ‘звук колеблющейся жести’ > башк. kelter-költör;

кыпч. *šĕmer ‘кушак, узорчатый пояс’ > тат. kemer;

кыпч. *šĕndi ‘сам’ > башк. kende;

- кыпч. *kēne ‘клещ’ > тат. kene uti ‘клещевина’, каз. kene;
 кыпч. *kēner ‘конопля’ > башк. kēner, каз. kēner ‘полотно’;
 кыпч. *kēbirč- ~ -m- ‘трясогузка’ > башк. kēbersen, диал. kēmersek;
 кыпч. *kēr- ‘выпячивать (живот, грудь)’ > башк. kērej-, каз. kerken ‘вздутый’;
 кыпч. *kes ‘дерн’ > башк. kēθ, тат. kes;
 кыпч. *kēšmek ‘небольшой плот’ > башк. kēšmek, каз. kespekše ‘кадушка’;
 кыпч. *kēwek ‘труха, перхоть’ > башк. kēwek, каз. kewek ‘дупло’;
 кыпч. *kēwšik ‘сплюснутый’ > башк. kēwšek;
 кыпч. *kēwi- ‘недозрелый, неспелый, подгнивший’ > башк. kēwek, kēwert;
 кыпч. *kēwde ‘туловище, стан’ > башк. kēwde, тат. gēwde, каз. kewde;
 кыпч. *lēgen ‘таз’ > тат. lēgen, каз. legen;
 кыпч. *lēm ‘ил, тина’ > башк. lēm, тат. lēm;
 кыпч. *lēre- ‘мошкá’ > башк. lērek, lērekej, тат. lēpeldē- ‘похлопывать’;
 кыпч. *lēr ‘проторенный след (белки)’ > башк. lēr, тат. lēr it- ‘топать, ходить’;
 кыпч. *mēškew ‘петля для ловли, оборка’ > башк. meškew, тат. meškek;
 кыпч. *mēškej ‘обжора, вампир’ > башк. meškej, тат. meškej ‘ведьма, колдунья’, каз. meškej;
 кыпч. *mēš ‘толстая шкура’ > башк. mes-tək ‘рабочая лошадь’, каз. mes ‘бурдюк из толстой шкуры’, mes qarın ‘толстобрюхий’;
 кыпч. *mēke > башк. mēke ‘бедренец (раст.)’, тат. meke ‘хмелевая шишка’;
 кыпч. *mēmi- ‘сладости’ > башк. диал. mēmeškek ‘боярышник’, тат. memi;
 кыпч. *mērgen ‘меткий’ > башк. mergen, тат. mergen, каз. mergen;
 кыпч. *mērej ‘цель при стрельбе’ > башк. mērej, каз. mērej ‘престиж, честь, лавры’;
 кыпч. *mēš-ıw > башк. meweš, разг. mešew ‘мягкотелый, бестолковый’, тат. meš kilü ‘копошиться’, каз. mešew ‘беспомощный, калека’;

- кыпч. *nēme ‘вещь, предмет’ > башк. neme, каз. neme-ne ‘что?’;
- кыпч. *bēg- ‘бросать, кидать, швырять’ > башк. bēg-, тат. bēg-;
- кыпч. *bēremes (*p-) ‘ватрушка’ > башк. bēremes, тат. pēremes;
- кыпч. *bērengi ‘картофель’ > башк. bērengе, тат. bērengе;
- кыпч. *bērij (*p-) ‘бес, нечистая сила’ > башк. bērej, тат. pēri, каз. pегə ‘фея’;
- кыпч. *bēw- ‘качаться, раскачиваться’ > башк. bēwel-, caus. bēwet-; тат. bēw-bēw;
- кыпч. *sēki ‘полати, лавка (в избе)’ > тат. sēke, каз. sēkə;
- кыпч. *sēlpek ‘топор-колун’ > башк. hēlpek, hērpek;
- кыпч. *sēm- ‘сохнуть, вянуть’ > башк. диал. hēmse- ‘уменьшаться’, каз. sem-;
- кыпч. *sēnger (*z-) ‘медный купорос’ > башк. hēnger, тат. jēsēl-zēnger;
- кыпч. *sēnek ‘вилы’ > башк. hēnek, тат. sēnek, каз. sēnek;
- кыпч. *sēpe- ‘быстрый’ > башк. hēpejt- ‘быстро уплетать’, диал. hēpeleп ‘торопливый, спешный’;
- кыпч. *sēpel- ‘жмуриться’ > башк. hēpelek, диал. hēpeltej ‘жмурки’, диал. hēpelter ‘бестолковый’;
- кыпч. *sērp- ‘болтаться без дела’ > башк. hērpenlew, диал. hērpelew, ‘бестолковый’ hērten < «hērten, каз. serpəl- ‘разгуляться, рзмяться, рассеяться’
- кыпч. *šēb ‘быстро, бегло’ > башк. šep, šebej- ‘ускоряться’, тат. šep, šebej- ‘усиливаться’;
- кыпч. *šēbi(j) ‘малютка’ > башк. šebe ‘основание ногтя’, каз. sebij;
- кыпч. *tēgere- ‘падать, упасть’ > башк. tēgere-, тат. tēgere- ‘свалиться’;
- кыпч. *tēke ‘козел, самец’ > башк. teke, tekes, тат. teke, каз. teke;
- кыпч. *tēgeš ‘небольшая чашка’ > башк. tēges, каз. tegeš ‘миска’;
- кыпч. *tēger- ‘катиться; колесо’ > башк. tēgerle-, диал. tēgere-, tēgermes, dim. tēgersек, тат. tēgere-, tēgermes, каз. tēgersək ‘шестерня’;
- кыпч. *tēk-meš ‘кувырок’ > башк. tekmes, каз. tekərek ‘галоп’;
- кыпч. *tēlgeš ‘кисть, гроздь’ > башк. telgeš, тат. telgeš;
- кыпч. *tēnje ‘чешуйка; монета’ > башк. tēnje, тат. tēnje, каз. tēnje ‘монета’;

кыпч. *t̥ɛŋge- ‘прямой, определенное место’ > башк. tɛŋgel, tɛŋgel- ‘встречаться’, тат. tɛŋgel ‘соответствующий’, каз. tɛŋger- ‘приравнять’;

кыпч. *t̥ɛben ‘боярышник’ > башк. tɛben;

кыпч. *t̥ɛpen, *t̥ɛpiš ‘посуда (плоская) из полого ствола’ > башк. tɛpen, tɛpeš диал. ‘деревянная посудина (8 кг)’, tɛpše ‘широкое крыто’, тат. tɛpen;

кыпч. *t̥ɛper-le- ‘помыть, измять’ > башк. tɛperle-, тат. tɛperle-;

кыпч. *t̥ɛpi- ‘лапа (птиц, зверей)’ > башк. tɛpej, tɛpe ‘мышеловка’, диал. tɛpe ‘коготь’, тат. tɛpi;

кыпч. *t̥ɛbir ‘лоскут кошмы, подстилка’ > башк. tɛber;

кыпч. *t̥ɛti- ‘лепет’ > башк. tɛtelde- ‘лепетать’, tɛteldek ‘говорливый’, тат. tɛtelde- ‘лепетать’, tɛteldewek ‘говорливый’, каз. tete ‘дети-одногодки’;

кыпч. *t̥ɛw-lik ‘сутки’ > башк. tɛwlek, тат. tɛwlek, каз. tɛwlək.

Стоит отметить, что только с историческим *ɛ̃ были допустимы сочетания с глайдом (*ɛ̃w) на кыпчакском уровне.

Данный список основ не претендует на полноту, не исключено, что его можно увеличить. Кроме кыпчакских основ, восходящих к пратюркскому единству сюда также включены часть иноязычных заимствований, временная стратификация которых определяется с трудом. Часть из этих заимствований вполне могла появиться и на пракыпчакском уровне, т.е. до начала распада к X в.

3.3. Разбор башкирских соответствий позволяет внести значимые дополнения в обще-кыпчакскую реконструкцию. В частности на основании башк. данных устанавливается, что на кыпч. уровне существовал особый согласный *ɖ, восходящий к пратюрк. *ɖ, встречавшийся лишь на стыке мофем. В других случаях внутри основы пратюрк. *ɖ переходил в кыпч. *j. Наличие особого ряда чередований в башк. указывает, что этот согласный был характерен и для всей поволжской подгруппы к моменту ее распада в начале XIII в. При дальнейшем развитии татарская ветвь утратила противопоставлене *ɖ и *d, а эти согласные дали один рефлекс – d.

В системе гласных также следует учитывать данные поволжской подгруппы. Выясняется, что в этом ареале остаточно противопоставлялись гласные типа *ạ и *a, причем первый отражал пратюрк. *ạ (закрытый) и дифтонг *jạ. В других ветвях кыпч. группы такого типа противопоставления не обнаружено. На ос-

нове анализа причин вторичного упреждения кыпч. *а оказывается возможным наблюдать особую (мягкую) артикуляцию *r, *l, *n в сочетаниях с согласными. Это может указывать на архаичное противопоставление *r и *r̄, *l и *l̄, *n и *n̄ в позиции сочетания с другими согласными. И это представляет собой уже уточнение фонетики на праторк. уровне. Кроме того, оказывается возможным определить огубленность или неогубленность второго гласного по развитию *е в языках поволжской подгруппы и частично на материале ногайской подгруппы (в казахском). Следовательно кыпчакский материал наряду с данными памятников, карлукских языков и якутского языка может использоваться для уточнения праторкской фонетики непервого слога.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КЫПЧАКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

1. ПЛАСТЫ ЛЕКСИКИ БАШКИРСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Словарный состав кыпчакских языков Урало-Поволжья прошел длительный путь становления. В формировании лексического состава этих языков можно выделить общеалтайский, общетюркский, общекыпчакский, болгарский и национальный, т.е. собственно башкирский (татарский) этапы. С каждым этапом связано формирование того или иного пласта лексики урало-поволжских кыпчакских языков. Так, например, с общеалтайской эпохой связано сложение части соматической, ландшафтной, метеорологической, временной, пространственной терминологии, а также названий лиц, атрибутов, ментальной деятельности, чувственного восприятия, элементарной физиологии, глаголы движения, глаголы физического воздействия и др.

1.1. Общеалтайская лексика башкирского языка

Соматическая терминология:

башк. кыл*, реконструируемый праалтайский корень *k'il – 'толстый волос': ТМ. *xil-җа, Мо. *kil-ga-sun, Тю. *k lk (башк. кыл), ПКор. *kār(h) – 'волос, конский волос', *kilgasun, Тю. *kilk, ПКор. *kar(h) 'волос, конский волос', Пяп. *kai 'волос'; башк. толлом, праалт. *tōli 'голова, темя': Тю. *tuluj 'висок, коса', Мо. *tolugai 'голова', ТМ. *tōlроҗи 'темя'; башк. колак 'ухо', праалт. *k'ūjlu 'ухо, слышать': ТМ. *xul- 'слышаться', *xil-рип > *xurip 'ушная серьга', Мо. *kil-ga 'внутреннее ухо', Тю. *ki-l-ga-k, ПКор. *kui 'ухо', Пяп. *ki-k- 'слышать'; башк. киңшерек 'ноздря', баш.диал. коңғырык 'твердое небо', праалт. *k'ioŋa- 'спинка носа': ТМ. *хоҗо-кто, Мо. *koŋ-si-yar, Тю. *koŋir, ПКор. *koh 'нос', Пяп. *kan-k- 'нюхать, обонять'; башк. яңак 'щека' праалт. *zai 'скула': ТМ. *zai-кта, Мо. *zaiyur 'жевательная область щеки', Тю. *çainak / jājnak 'подбородок' (диссимилиация двух аффрикат); башк.

боғарзак ‘кадык’, праалт. *boku- ‘гортань, надгортанный хрящ’: ТМ. *bukse ‘хрящ’, Мо. *bagal- ‘горло’, Тю. bogurdak ‘кадык’; башк. муйын ‘шея’, праалт. *mojno ‘шея’, Тю. *bojin, Мо. *mun-daya ‘холка лошади’, ТМ. *top-ga-n, ПКор. *mjə-k, ПЯп. *пэтрV; башк. һырт. праалт. *siyre: ТМ. sigde (sirde) ‘грудные позвонки животного’ Мо. seyer < siyer ‘верхняя часть позвоночника’, Тю. *sijrt ‘спина животного’, ПКор. *heri, ПЯп. *Sa- (Sə ‘спина’); башк. ин, инбаш ‘ключица’ праалт. *sigde (<*sir-de < *siyr-) ‘грудные позвонки животного и т. д.’ Мо. *seyer < *siyer (под действием раннего перелома) ‘верхняя часть позвоночника’, Тю. *s jr- t ‘спина животного’, ПКор. *her i, ПЯп. *sá- / sə- ‘спина’; башк. һауыр ‘кожа’ праалт. *sagrз: ТМ. *sogdon (<*sagru-) ‘спина’, Мо. *sayari ‘круп животного, кожа на крупе’, Тю. *sagr ‘id’, ПКор. *һәj’йг ‘сброшенная кожа’; башк. бил ‘поясница’, праалт. *beilke: ТМ. *belge ‘лон, колени’ (на которые сажают детей), Мо. *belke-yu-sun ‘поясница’ Тю. *be:jl >*be:l ‘id’; *еут: ТМ. *emu-ge ‘ключица’, Мо. *еует ‘ключица, передняя часть плеча человека’, Тю. *ägin ‘плечо, ключица’; башк. күкрәк ‘грудь’, праалт. *кок’э-п / г ‘грудь’: Тю. *gökür ‘грудь’, Мо. *kököp, ТМ. *кихи-п, ПКор. *kokäi- ‘сердцевина’), ПЯп. *кәкәгә ‘сердце’; башк. сырак башк. кул ‘рука’, праалт. *k’oli: ТМ. *хйл-kse ‘рукав’, Мо. *köl ‘нога’, Тю. *kol ‘верхняя часть руки’, ПКор. *küi- тәги ‘лодыжка’, букв. «голова ноги», ПЯп. *kigu-(n)-pusi ‘ладыжка’, башк. ая, праалт. *p’aliña ‘ладонь’: ТМ. *fa liña, Мо. *halika, Тю. *aja (<*aúa): башк. йозрок ‘кулак’, праалт. *niñdruka ‘кулак’: ТМ. *һurka / *jurka, Мо. *nidurga, Тю. *jñdruk, ПЯп. *ninkir- ‘хватать, держать в руке’; башк. баш бармак ‘большой палец’, праалт. *реңи- ‘большой палец’: ТМ. *feruñun, Мо. *herekei, Тю. *әңтек ~ *раңяк ‘палец’; башк. тез ‘колени’, праалт. *t’iüře ‘колени’: Тю. *düř ‘колени’, Мо. *türej ‘голенище’, ТМ. *türë-kse ‘голенище’, ПКор. *tári ‘нога’; башк. тубык ‘колени’ праалт. *t’or’u-k- ‘коленная чашечка’: ТМ. *tof-gi-, Мо. *toji-g, Тю. *top k, ПЯп. *tu(m)pu-; башк. бөйөр ‘почки’, праалт. *pokor- ‘почки’: ТМ. *fuxin ‘внутренности’, Мо. *böyere, Тю. *böğür ‘почки’, ПКор. *pür, ПЯп. *púnkúri ‘testiculi’; башк. кендек ‘пупок’ праалт. *k ‘iül’nu- ‘пупок’: ТМ. *xuleñu < *xulen-gu, Мо. *köjil-sü (<köilil-), Тю. *kin < *küjn.

Названия лиц: башк. инә ‘мать, самка, эмәй ‘женская грудь’, праалт. *ете ‘женщина’: ТМ. *ете ‘самка, мать’, Мо. *ете, Тю. *äte

‘самка, мать’, ПКор. *áth, ПЯп. *mia: башк. эйэ ‘хозяин’, праалт. *edi ‘хозяин’: ТМ. *edīn, Мо. *edin, Тю. *edř, башк. атай ‘отец’, пратиорк *et ‘i-ke ‘старший родственник’: ТМ. *etike-j ‘старик, свекор’, Мо. *eǰige ‘отец’, Тю. *äte-ke ‘дядя, папа’, ПКор. *átä ‘мужчина’, ПЯп. *tätə, *ti ‘отец, дядя’; башк. ағай / акай ‘брат’ праалт. *ek’a ‘старшая родственница’: ТМ. *ekej/keke ‘старшая сестра’, Мо. еке ‘мать’, Тю. *äke, *äke-ǰi ‘старшая сестра’, ПКор. *kǰə -ǰir ‘женщина’, ПЯп. *kaka ‘мать’; башк. апай ‘сестра’, диал. апа ‘дядя, абышка ‘старый мужчина’, апһын ‘жены родных братьев’ *ä ka, *ariǰi ‘старший свойственник’: Тю. *abiǰ-ka ‘муж, старик’, Мо. *abisu-n ‘жена старшего брата (по отношению к жене младшего брата)’, ТМ. *abusi ‘муж старшей сестры’; башк. еңгә ‘свойственница’, праалт. *neǰu ‘свойственница’: Тю. *jänge ‘жена старшего брата’, Мо. *naga-ǰu ‘брат матери’, ТМ. *neǰu- ‘младший родственник’, ПКор. *nú / ‘сестра (мужчины)’; башк. көн ‘рабыня’, көндәш ‘другие жены мужа’, праалт.; *kuǰi ‘ребенок’: ТМ. *kuǰa, Мо. *köyün < köǰün ‘ребенок, девочка’, Тю. *düǰ ‘девушка-рабыня’; башк. яусы ‘сводник’, праалт.; *dagi ‘инородец, чужак’: ТМ. *dagu-г ‘друг’, представитель союзного рода, Мо. *dajin < *dayin ‘враг’, ПКор. *töi ‘варвар’, ПЯп. *(d)ikúsá ‘воин, война’.

Часть тела животных: башк. койрок ‘хвост’, праалт. *k iúdorgV ‘хвост’: ТМ. *xürgü, Мо. kndurga, Тю. *kudruk, ПКор. *s-köri; башк. йөн ‘шерсть’, праалт.; *núǰu ‘шерсть’: ТМ. *nuǰa- ‘шерсть, пух’, Мо. *noǰga- sun. Тю. *juǰ, ПЯп. *núnuá ‘ткань’; башк. йомортка ‘яйцо’, праалт. *omur- ‘яйцо’: ТМ. *umu-hta < *umur-hta, Мо. *öm de-yeu < *ömre-, Тю. *jumur-tka (под влиянием контаминации с *)jumur ‘круглый’.

Названия метеоявлений: башк. диал. йэрен / ярын / йэрингә ‘завтра, на будущий год’, праалт. *ǰega ‘свет, светить’: ТМ. *ǰerl ‘свет’, Мо. *paraǰ ‘солнце’, Тю. *ǰar- п ‘утро’, ПКор. *paǰ ‘солнце, день, погода’, ПЯп. *áǰi- ‘рассвет, заря’; башк. көн ‘солнце, день’, праалт. *ǰiǰǰu ‘рассвет, дневной свет’: Тю. *ǰüǰ ‘солнце, день’, Мо. *gegeye < *geyeye ‘рассвет, дневной свет’, ТМ. *ǰiaǰam ‘рассвет, заря’, ПКор. *küi ‘рассвет’, ПЯп. *ka(i) ‘день, период времени’, башк. йылы ‘теплый’, праалт. *diǰlu- ‘теплый’: ТМ. *düǰl- ‘пригревать’, Мо. *dula-yan, Тю. *ǰ l -g, ПЯп. *dü ‘теплая вода’; башк. ел ‘ветер’, праалт. *zali ‘ветер’: Тю. *ǰel, Мо. *salki,

ТМ. *sal-di-, ПКор. *sar-; башк. көз ‘осень’, праалт. *küfe ‘осень; дождь, буря’; Тю. *gǫr, Мо. *kuga ‘дождь’, ТМ. *kure- ‘буря’; башк. монар ‘мгла’, праалт. *múnǰa ‘туман, дождь’: Тю. *bunar, Мо. *moǰan, ТМ. *meǰ- / *muǰ- ‘мгла’, ПКор. *mah ‘дождливый сезон’, башк. яу, яуын, ‘дождь, осодки’ праалт., *p ‘iáge ‘дождь’: Тю. *jag- ‘идти; (о дожде)’, Мо. *ауа- ‘ливень’, ТМ. *pigi-n ‘буря’, ПКор. *pl ‘дождь’; башк. бура, буралау ‘мести (о снеге), буран ‘буран’, праалт. róǰu ‘идти (о снеге, дожде)’: Тю. *boǰa-, Мо. *boǰuа ‘ливень’, ТМ. *puga- ‘слякоть’, ПКор. рога ‘буря’, ПЯп. *pug- ‘идти (о дожде, снеге)’; башк. туң ‘морозный’, праалт. *tuǰa ‘холод, мороз’: *doǰ ‘мороз’, Мо. *dayara- ‘замерзать’, ТМ. *doǰota ‘мороз’; башк. кырау ‘иней’, праалт. *kirna ‘снег, иней’: Тю. *kга-, Мо. *kirmag, ТМ. *xima-ǰsa.

Термины ландшафта: башк. һаз ‘болото’, праалт. *siáfi ‘земля, песок; болото’: пратюрк. *siar ‘болото, солончак’; Мо. *siǰayu ‘почва, пыль’; ТМ. *siǰu- ‘песок’; ПЛор. *hǎrk ‘земля-почва; ПЯп. *situ ‘болотистое место’; башк. бур ‘мел’, праалт. *mǎro ‘песок, каменистая почва, болото’: Тю. *bǫǰ ‘почва, глина, мел’, ПМ. *maǰa- ‘солонцы’; ТМ. *maǰ- ‘марник, болото’; Пкор. *moǰ(tj)ái ‘песок’, máǰaǰa- ‘грубая, каменистая (почва)’. ПЯп. *mana-n-kua ‘песок, земля’; башк. ком ‘песок’, Тю. пратюрк. *kum ‘песок’; Мо. *kumaki ‘земля-почва; песчинки, пылинки’; ТМ. *küte ‘морской берег, пляж; холм, возвышенность’; башк. һай/сай ‘неглубокий, высыхающая речка’, праалт. *sajV ‘галька, мелкое место’, *saj ‘мелкое место в реке, покрытое камешками; сухое русло, покрытое камешками; сезонно пересыхающая река; река’; Мо. *sajir ‘каменистое русло реки, галька’, ТМ. *saj- ‘песчаная насыпь’; кор. *sǎi-m ‘источник, неглубокий колодец’; ПЯп. *sál ‘отмель’; башк. кайырсак ‘солончак’, праалт. *kia urV ‘песок, солончак, земля’; Тю. *kaj r ‘песчаная, рыхлая почва; почва; галька; солончак’, Мо. *kujir ‘солончик’; ТМ. *kujur- ‘заваливать землей’; башк. таш ‘камень’, праалт. *tiǰl ‘l ‘камень’; Тю. *diǎl ‘камень’; Мо. *čilayu ‘камень’; ТМ. *tola ‘камень’; Пкор. *tǫrh ‘камень’; ПЯп. *(d)isi ‘камень’; башк. кыр, кыра ‘гребень горы’, праалт. ПАЛт *k’i äre ‘холмистая степь, возвышенность’: Тю. *Kir ‘плоскогорье, возвышенность, холмистая степь, пустыня; отдельно стоящая гора; вершина горы; равнина; край, берег’; Мо. *kira ‘гребень горы, возвышенности’; ТМ. *xiǎǰi- ‘осыпь, обрыв’; башк. кул ‘лог,

ложбина', праалт. *gobli 'долина'; Тю. *kōl 'долина реки; овраг' (башк. кул 'лог, ложбина'); Мо. *gowl 'река, долина реки; центр'; ТМ. *gola 'середина русла реки; долина между горами, седовлина'; кор. *kōg 'долина'; ПЯп. *kuga 'глубокая долина'; башк. тоз 'соль', праалт. *čioberV 'соль; горький, кислый': Тю. *dūr (башк. тоз), Мо. *dabusu, ТМ. *цjar-, ПКор. *čjəg~, ПЯп. *tura.

Лексика времени: башк. йыл 'год', праалт. *dilo 'год': ТМ. *dila-ča 'солнце', Мо. *dil, Тю. *jil, ПКор. *tolč 'год, годовщина', ПЯп. *təsi 'год'; башк. ай 'праалт' *āni 'луна; год'; Тю. *ān, Мо. *oj, ТМ. *añja 'год'; башк. сак 'пора, время' праалт. *č'iäk'e 'время'; Тю. *čiäk 'время, пора'; Мо. *čag; ТМ. *čik~; Кор. *сэк. Яп. *təki; башк. яз 'весна', йэй 'лето', праалт. *niä r[á] 'молодой; весна, лето', Тю. *jār 'весна, лето', Мо. *nirai; ТМ. *nar-gu~; Кор. *njəi-m. Яп. *nátú; башк. төш 'полдень' праалт. *túl' be 'полночь; полдень', Тю. *düll 'полдень', Мо. *düli: ТМ. *dolba; Яп. *dua, *dua-rü.

Лексика пространственного положения и размеров: башк. иң 'ширина', праалт. *êna (k) 'середина, ширина', Мо. *eñ; ТМ. *(x) epe- kũ; Кор. *áph\ башк. кырк 'край', праалт. *k' äre 'край', Тю. *k r 'отдельно стоящая гора'; вершина горы; степь, равнина'; Мо. *kira; ТМ *xiäga~; башк. якын 'близко', праалт. *dägá- 'близко': Тю. *jagu- 'приближаться, близкий' (тур. yavuk), Мо. *daya-ri-; ТМ. *daga; Кор. *ta(h)~. Яп. *dánká-; башк. оло 'большой, много', праалт. *ulu 'большой, много; хороший', Тю. *ulug 'большой, великий, взрослый, крупный', Мо. *; ТМ. *ile-; Кор. *ōg-; башк. бейек 'высокий', праалт. *bédòg- 'толстый': Тю. *bedü -k 'большой, крупный; высокий', Мо. *bediyü n; ТМ. *burgu-; Кор. *p r-; Яп. *pútuà-; башк. нескә 'тонкий, нежный', праалт. *niçi 'тонкий', Мо. *I ig; ТМ. nisi-; Яп. *mínsika-; башк. күп 'много', праалт. *kòp 'I 'быть полным, целым, весь', Тю. *kör 'много', Мо. *kòb-çin; ТМ. *хир~; Кор. *kòp~. Яп. *kúrá-ра-; башк. төр 'вид', праалт. *turi 'лицо': Тю. *dür 'вид, форма, порода', Мо. *dür'i, ТМ. *duru-n; Яп. *tura.

Названия атрибутов: башк. ая 'жалеть', праалт. *aja- 'хороший': Тю. *aja- 'почитать'; беречь, жалеть', Мо. *aja, ТМ. *aja, *aju-; башк. гүзәл 'красивый', праалт. *gujfe- 'красивый, любить': Тю. *piñel 'красивый' (тур. guzel), Мо. *goju; ТМ. *guzej; Кор. *kò'i-, Яп. *kuá-p-; башк. йомшак 'мягкий', праалт. *niŷta 'теплый; мягкий, нежный', Тю. *jim-лс 'мягкий', Мо. *nomu-; ТМ. *ñemu-;

Яп. *pátiá; башк. йэш 'свежий, молодой' праалт. *niāl'I 'сырой, незрелый, свежий': Тю. *jāl 'свежий, сырой', Мо. *nilayu; ТМ. *ń(i)ali-; Кор. *pār; башк. каты 'твердый', праалт. *kè t'ó 'твердый', Мо. *kata-; ТМ. *(x)etu-; Кор. *kút-, Яп. *kátá-.

Цветообозначения: башк. кызыл 'красный', праалт. *kiüŷu 'красный; коричневый, темный': Тю. *k ř- 'красный', Мо. *kü re- (*kigi-) 'бурый' ТМ. *xugi- 'серый'; Кор. *küñ 'медь', Яп. *kйга 'темный'; башк. сал'седой', праалт. *č'юli 'серый, светлый': Тю. *čāl 'серый, седой', Мо. *cil-/*čel-; ТМ. *čolka; башк. хары 'желтый', праалт. *siäjgi 'белый, желтый': Тю. *siär g 'желтый, белый', Мо. *sira 'желтый'; ТМ. *siarŷ-; Кор. *hǎi-, Яп. *siruā-; башк. ак 'белый', праалт. *iäk V 'светлый, белый': Тю. *(i)äk 'белый', Мо. *jagayan; ТМ. *ixere; Кор. *iker-, Яп. *áká~; башк. шағыр /сәгер 'светлый', праалт. *šākā 'белый', Тю. *čakeir 'светло-серый, серовато-голубой', Мо. *č agayan; ТМ *šak.

Глаголы модальные, фазовые, состояния и под.: башк. Ирек, иркен 'воля', праалт. *er-ke- 'воля, душа': ТМ. *er-ge-n 'душа, дыхание, жизнь', Мо. *er-ke 'сила', Тю. *är-k 'воля, мощь'; башк. көһәм 'желать', праалт. *k'tüse- 'желать', Тю. *küse- 'желать, хотеть'; Мо. *küse-; ТМ *xüse-; Яп. *kəs-; башк. иркэ 'изнеженный' ирмэк 'забава, забавный', праалт. *p'ègo- 'желать, надеяться', Тю. *er~, Мо. *(h)eye-re- (< *here-re-); ТМ. *per-; Кор. *pǎrá; Яп. *pər-; башк. ултыр 'сидеть', праалт. *ölu 'быть, становиться; приходиться', Тю. *ol-ur-, *ol(u)-tur- 'сидеть, пребывать', Мо. *ol-; ТМ. *ö-; Кор. *o-; башк. короу 'высыхать, исчезать, убывать', башк. диал. кураныс 'недостаточно', праалт. *kõgu- 'уменьшаться, убывать': ТМ. *xugu-mi 'короткий', Мо. *koqu-, Тю. *kõr(a)~ 'уменьшаться, убывать', Мо. *koqu-; Кор. *korh~; *tone- 'быть спокойным'; башк. түләк 'спокойный' ауыр түләк 'уравновешенный', Тю. *dole- (тур. dole-n- 'успокоиться', dole-k 'спокойный, вялый', Мо. *döli-gen 'тихий, спокойный'; ТМ. *dulu-m 'спокойный.

Глаголы движения: башк. гиз 'бродить 'путешествовать', праалт.- gajra- 'ходить': ТМ. *gajran- > *giran- 'ходить, шагать', Мо. *gag- 'выходить', Тю. *geř- 'ходить, бродить', Яп. kàti 'ходьба'; башк. атла 'шагать', азым 'шаг', праалт. *p' ēta- 'шагать, ходить': Тю. *āt- 'шагать', Мо. *(h)ada-; ТМ. *pete~; башк. эйлән 'вертеться', праалт. *aja- 'идти, ходить': Тю. *aj- 'бродить; вертеться', Мо. aja-n 'поход'; ТМ. *āj- 'быстро передвигаться'; Яп.

àjùm- 'ходить, гулять'; башк. йөрө 'ходить' праалт. *dōre- 'идти, ходить, приближаться': Тю. *jogī-/jūgi- 'ходить'; Мо. *dürbe- /ТМ. *dürē-; Яп. dōg-; башк. кил 'приходить', праалт. *gàjlo- 'приходить, идти': Тю. *gejl- 'приходить'; Мо. *kalu- 'приближаться'; ТМ. *kal 'приближаться'; Кор. кá; Яп. кэ-; башк. ирешеу 'достигать', праалт. *īre- 'приходить, входить': Тю. *ε:г- 'достигать'; Мо. *ire-; ТМ. *ī-; Яп. *iá-г-; башк. яғы 'достигать', праалт. *ji- 'приходить'. Тю. *jēt- 'достигать'; Мо. *jid-kü-; ТМ. *ji-; башк. ин 'входит', праалт., *jēni- 'идти вниз, прочь', Тю. *ēп- 'спускаться, идти вниз'; Мо. *pejü- 'странствовать, кочевать'; ТМ. *jeje- 'идти, ходить'; Кор. пáп(ǎ) 'идти, двигаться вперед', Яп. in- 'уходить'; башк. йөк 'груз', праалт. *jugi- 'перевозить, нести (на спине)', ТМ. jüge-, Мо. *joye- 'нагружать'; Кор. či-; башк. ташыу 'переливаться через край', праалт. *tiāl ke- 'переливаться через край', ТМ. *tilka~, Мо. *čilka- 'плескаться', Тю. *d(i)āł- 'переливаться через край', разливаться.

Глаголы физического воздействия: баш/ киç 'резать', праалт. *k' ási- 'урезать': Мо. *kasu- 'убавлять, урезывать', *kasu-yur 'стамеска', Тю. *käs- 'резать' (башк. киç-) ТМ. (x)asu-; Кор. kàsk-/kæsk~. Яп. kinsu; башк. салыу 'резать', праалт. *č àù- 'острый, резать', Тю. čal- 'ударять, бить, закалывать, косить', Мо. *cali 'острый'; ТМ. *čali~; Яп. tùrù(n)ki меч; башк. кыр 'скрести, брить', праалт. *kiro- 'резать, размельчать': Тю. *kir- 'ломать, разрушать, скрести, брить'; Мо. kira-; ТМ. kire-; Яп. kir-; башк. бүл 'делить', праалт. *mōli- 'резать на куски', Тю. bl- 'делить, отделять'; Мо. töli-; ТМ. tol-; Кор. tǎǎ-; башк. тиш 'дырявить', праалт. *tel-p'i- 'дырявить(ся)': *del-ki-/del-pe-, Мо. *del-be-, Тю. *deł- 'продырявливать'; Яп. timpə-; башк. тукмау 'бить', праалт. *tok'i- 'касаться': ТМ. *dux- 'бить, колотить', Мо. *to-ki-ja- 'встречаться, совпадать, случаться', Тю. *dokun- 'трогать', башк. ат 'стрелять, бросать', праалт. *p'āt'a- 'бить, ударять': Тю. at- 'бросать, стрелять'; Мо. *(h)atalga 'долото'; ТМ. *pat(i)~; Кор. pat-; Яп. pàtà-k-; башк. тип 'пинать' праалт. *t'er'V- 'пинать': ТМ. *tēp-te~, Мо. *teye~, Тю. *tēp- 'топтать, пинать'; Кор. tjar-.

Термины элементарной физиологии: башк. тыуыу 'родиться' праалт. *t'ògi- 'рождаться': ТМ. *tur-ku- 'появляться, возникать', Мо. *tore- 'рождаться', Тю. *tore- 'размножаться, рождаться, происходить', Яп. tùrù-(m)p- 'спариваться'; башк. үл 'умирать', праалт. *oli- 'умирать': ТМ. *ol-bu- 'быть голодным, истощенным',

Мо. *öl-, ‘умирать’, Тю. *öl-tür- ‘убивать’ öl’ умирать, башк. тере’ живой’, праалт. *tiri- ‘хорошо жить’: ТМ. *dirga- ‘жить в достатке; объедаться’, *dirā-mi ‘толстый’, Тю. *diri- ‘жить’, Мо. *čira-g, čirak царигтай ‘бодрый, здоровый, упитанный, тучный (о скоте)’, башк. күкрәк ‘грудь’, праалт. * kók’é- ‘сосать’: ТМ. *кохе~; *хокеп/*кокеп ‘грудь’, Мо. *köke-, Тю. *göküz, gökrek ‘грудь’; Кор. kokāi-; Яп. kəkəgə ‘сердце’; башк. бүк ‘насыщаться’, праалт. *tiòk’è- ‘глотать’: Тю. *bok- ‘насыщаться, наедиться’; Мо. *теке- ‘сосать; двигать челюстями’; ТМ. *тохе- ‘набрать в рот воды’; Кор. тэк- ‘есть, пить’; Яп. makà-nàr- ‘кормить’; башк. һемереү ‘пить залпом’, праалт. *siür’ù- ‘сосать, держать во рту’: Тю. sip- ‘жадно глотать, пить залпом’; Мо. *siyü~; ТМ. *šura-; Кор. sp-är-; Яп. sùr-; башк. эс ‘пить’, праалт. *p’ič’i- ‘пить, лить’: Тю. *ič- ‘пить’; Мо. *(h)е cüg-le- ‘делать возлияние духам’ ТМ. *riče- ‘брызгать’; башк. тала ‘кусать’, праалт. täl- ‘лизать’; ТМ. *dala- ‘лакать, есть (о животном)’, Мо. *doluja- ‘лизать’, Тю. *dāla- ‘кусать’; башк. йом ‘закмуриться’, праалт. *ñimi- ‘закмуриться’: ТМ. *ñimi- ‘закмурить глаза, сжать губы’, Мо. *imü-ji-, Тю. *jüm-/jim- ‘закрывать (глаза, рот)’.

Лексика чувственного восприятия: башк. карау ‘смотреть’, карак ‘зрачок’, праалт. *kara- ‘смотреть, наблюдать’: Тю. *karak ‘зрачок’, Мо. *kara-; ТМ. *kara- ‘беречь, защищать; наблюдать’; Кор. karm- ‘хранить’; башк. күреү ‘видеть’, праалт. *доге- ‘видеть; понимать, узнавать’: Тю. ‘глаз’, *gÖg- ‘видеть’ (башк. күз, күр-); Мо. *gogī ‘надежда’; ТМ. *gug- ‘взглянуть мельком; понимать’; Кор. *kigi- ‘стремиться, думать о ком-л.’; башк. той ‘чувственность’, праалт. *tuju- ‘слушать, воспринимать’: Тю. *duj- ‘слышать, чуют, замечать’, Мо. duyul-; ТМ. * duja ‘шум’; Яп. *tua-p- ‘спрашивать’; башк. колак ‘ухо’, праалт. *kujlu- ‘слышать’: Тю. *kul-kak ‘ухо’, Мо. *kul-ki ‘внутреннее ухо’; *xÜl-di-, ‘раздаваться, слышаться’, Кор. *Kuī ‘ухо’; Яп. ki-k-; башк. ишет ‘слышать’, праалт. *al’ i- ‘слышать’: Тю. *ełit- ‘слышать’, Мо. *al-da-g ‘слава, почет’; ТМ. *ala- ‘объяснять, рассказывать’; Кор. *är- ‘знать’; башк. һиз ‘чувствовать’, праалт. *säri- ‘чувствовать, замечать’, Тю. *sef- ‘чувствовать, понимать’; Мо. *seri- ‘просыпаться; замечать’; ТМ. *sä- ‘знать’; Кор. *sagi- ‘быть осторожным, беречься’; Яп. *seri- ‘просыпаться; замечать’; ТМ. *sä- ‘знать’; Кор. *sagi- ‘быть осторожным, беречься’ (башк. сер. ‘тайна’); Яп. sir- ‘знать’.

Лексика, связанная с ментальной деятельностью: башк. һан, һанәу ‘считать’, праалт. *siöje- ‘считать, рассчитывать’: Тю. sä(j)- ‘считать, думать’; Мо. *siyÜ- ‘судить, проверять’; ТМ. *sÜ- ‘отмечать’; Кор. *hjæi- ‘считать’; башк. уй ‘думать’, праалт. *ëbjo- ‘видеть, понимать’, Тю. *(o)j- ‘думать, понимать’, *og ‘мысль’, Мо. *Üje- ‘видеть’; ТМ. *eje- ‘понимать, запоминать’; башк. ан, аңла ‘понимать’ праалт. *ēj ‘думать, понимать’: Тю. * āj ‘разум, ум’, *āj-la- ‘понимать; слышать, различать’; Мо. *ayuda- Ia- ‘искать, рыться в чем-л.’; ТМ. *eje- ‘заглядывать, разведывать’; Яп. этэ-р- ‘думать’; башк. һағын ‘скучать’, праалт. *siäk-à- ‘думать, волноваться’, Тю. siäk- ‘думать, размышлять, скучать’, Мо. *seke- ‘приходить в себя’; ТМ. *siak- ‘отзываться’; Кор. skäi- ‘просыпаться’; Яп. sákà-si ‘умный, мудрый’; башк. тыңла ‘слушать’, праалт. *čij- ‘слушать, соображать’, Тю. *dijla-/ *dijle- ‘слушать, размышлять, обдумать’; башк. бетеү ‘амулет’, праалт. *miuti- ‘знать, верить’: Тю. *büt- ‘верить’, Мо. *mede- ‘верить’; ТМ. *mute- ‘уметь’; Кор. *mit- ‘знать’; башк. ышан ‘верить’, праалт. *ilkV- ‘надеяться, верить’: Тю. йлап- ‘верить, доверять’ (башк. ышан-), Мо. *ilga- ‘различать’; ТМ. *ilkV- ‘надеяться, пытаться’; баш., һөй, һөйөү ‘любить’, праалт. *sebe- ‘любить, веселиться’: Тю. seb- ‘любить’, Мо. *sebki- ‘отдыхать’; ТМ. *sebke- ‘веселиться’; Кор. *sip- ‘желать, хотеть’, Яп. *sua(m) ра-р- ‘развлекаться, веселиться’; башк. ерән, ерәнәү ‘испытывать отвращение’, праалт. *l’ēgi- ‘авидеть, чувствовать отвращение’: Тю. *jigren- ‘испытывать отвращение’ (башк. ерән-), Мо. *ig~; ТМ. *lēgi-; Яп. nikù-; башк. һүгеү ‘ругать’, праалт. *sōjk’i- ‘ругать’, бранить’, Мо. *sögeye- ‘винить’; ТМ. *sujku-; Яп. *sika-; башк. тиргә ‘ругать’, праалт. *t’iaru ‘ругать’: Тю. *terk- ‘упрекать, ругать’, Мо. tarki-; ТМ. turē-.’

Изложенные факты позволяют утверждать, что общеалтайский пласт тюркских языков, в том башкирского и татарского составляет львиную долю словарного запаса этих языков.

Как в башкирском, так и татарском языках оольшуго часгь словарного состава составляет общетюркская лексика. Она охватывает все лексико-семантические группы кыпчакских языков Урало-Поволжья. Следуя классификации, предложенной авторами тома «Лексика», Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (М., 1997, отв. ред. Э.Р. Тенишев), в башкирском и та-

тарском языках можно выделить лексико-семантические группы, связанные с метеорологией, небесными телами и сферой, временем и пространством, ландшафтом, растительным и животным миром, социальными и родственными отношениями, торговлей и собственностью, материальной и духовной культурой и т. д. В связи с тем, что общетюркский пласт очень большой, на каждую тематическую группу даны минимум примеров.

2. ОБЩЕТЮРКСКАЯ ЛЕКСИКА БАШКИРСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

2.1. Метеорологическая терминология

башк. аяз 'ясно, ясная' погода' тат. аяз, общетюрк. *ajaz 'ясная погода', аз. ajaz, каз., кирг. ajaz, алт. (диал.) ajuz, хак., тув., уйг. ajas, чув. ujaг

башк. боз, диал. моз., тат. боз, диал. мос. 'лед' общетюрк. *buz 'лёд', тур., аз., гаг., турк. buz, сал. muz, ктат., кар., кум. buz, алт. mus, диал. pus, ккал., каз., кирг. muz, хак. pus, як. bu:s/mu:s, чув. par.

башк. болот; тат. болот'облоко', общетюрк. * bulut 'облако, туча', тур., аз., гаг., турк., сал. buhut, ктат., кар., кбалк., кум. bulut, ног., ккалп. bulyt, каз. butt, алт. bult/pulut, узб., уйг. bulut, сюг. хак. pulut, тув., тоф. bulut, як. bulut чув. pelet.

2.2. Лексика небесных тел и небесной сферы

башк. сулпан, тат. Чулпан, общетюрк. * Colpan 'Венера', тур. çulpan, кбалк. кум. Cöpan, каз. olpan (julduz), кирг. çolpon (Jyldyz), уйг. Çolpan, сюг. colvanlolvan, хак. solpan, як. çolbon;

башк. йондоз, диал. йолдоз, тат. йолдыз 'звезда', общетюрк. *jyltyz 'звезда', тур., гаг., турк. jyldyz, аз. ulduz, кум. кар. julduz, ног. ju/dyz, каз. žulduz, кирг. yldyz, алт. dyldys, узб. juiduz, уйг. jolduz, сюг. jyltys, хак. çyitys, тув., тоф. syltys, як. sulus, чув. s'altar;

башк. кояш, көн, тат. кояш 'земля', общетюрк. *kün 'солнце', тур., гаг., аз., турк. gün/günä, ктат. kün/gün, кар. gün, кум. gün, кбал., ккалп., каз. kün, кирг. алт. kün, узб. kun, уйг. kün, сюг. kun, хак. kün, тув. хün тоф. hün, як. kün, чув. kun.

2.3. Термины, связанные с ландшафтом

башк. ер, тат. жир 'земля', общетюрк. *jer 'земля, страна, обитания человека', тур., турк., гаг., аз. jer, кар., кург., ног. jer; каз. zer, хак. sip, тув. сег, sir, чув. ser, балк., ккалы. žer, узб. yig. jer, кирг. јук.

башк. һыу 'вода', диал. сыу/сыу, тат. су' вода', общетюрк. *sub/suw 'вода', тур., аз., гаг., турк. su, кар. suw, хак. suu, як. и.: чув. šuw, кирг., каз., узб. suw, уйг. su, ккал. suw.

башк. тау, тат. тау 'гора', общетюрк. *tag 'гора', турк. dağ; уйг. taj (tag, tax), узб. taj, каз. taw, кирг. to, алт. tu, чув. tu, як. туа 'лес'.

2.4. Лексика растительного мира

башк. ботак, тат. ботак 'ветка', общетюрк. *bu.tag 'ветвь, ветка', тур., гаг. budak, аз. bodag, турк. pudag, сал. putax, кар., кбалк, кум. butaq, ног., ккалп. putaq, каз. butaq, кирг. butaq, алт и диал. butaq/putaq узб. butoq, уйг. pudaq, тув. butuq, як. butuklmutuk, чув. pata.

башк. кайын, тат. кайын 'береза', общетюрк. *qajun, тур, гаг. kajun, аз. qajun, турк. qajun, кар. kajun, кбалк. qajun, кум. qajun, ккалп., кирг., каз. qajun, алт. qajun, узб. qajin, уйг. gejin, хак. hazun, шор. qazun/qadun, тув. xadun, як. xatun, чув. xuran.

башк. һуған, диал. һыуған, тат. суган 'лук', общетюрк. *sojan 'лук', тур. sogan, гаг. suan, аз. sojan, турк. sojan, сал. Sojön, кар. sojan кбалк. sohan, кум. sojan, ног. sogan, кирг. sojan, алт. soyono, узб. sojsn, уйг. sojan. тув., тоф. sojuna, чув. sohan.

2.5. Лексика животного мира

башк. ял, тат. ял 'грива', общетюрк. *jal 'грива', тур. диал. jal, аз. jal, кум., ног. jal алт. dal, хал. jal турк. Jal, кар. jal кбалк. zal, каз. ккалп. zak, кирг. zak, узб., уйг. jal, шор. čal, тув. cal, як. sal, чув. silxe.

башк. буре. тат. буре 'волк', общетюрк. *bogi 'волк' турк. bogi, сал. ruga, rug, ruge, кар. böğü, кум. böğü, ног. ккалп., каз. bögi, кирг. böğü, алт. böğü, алт. диал. möğü, узб. bogi, уйг. bögi, хак. pü:r, тув., тоф. böğü, як. böğü, чув. pere.

башк. өйрәк, диал. үрзәк, өрәк, тат. үрдәк 'утка', общетюрк. *ebürdek 'утка', тур. ördek, аз. ördäk, турк. ö:rdek, ккал. ördek, каз., ккалп. üjrek, кирг. ördek, алт. örtök, узб. ordäk, уйг. ö(r)däk, хак. örtek, тув. ödürek/edirek.

2.6. Соматическая терминология

башк. түбә, диал. түпә, тат. түбә 'темя', общетюрк. 'затылок, темя, висок' тур. tere, гаг. tere, аз. täpä, турк. dere, хал. täpä, кар. toba, кум. tobe, ног. tobe, ккалп. tobe, каз. töbe, кирг. töbö/döbö, алт. töbö, узб. тера, уйг. törä, тув. derej, як. töbö, чув. түбе.

башк. боғаз, тат. буғаз 'горло', общетюрк. *bojaz 'горло' тур. bojaz 'горло, глотка, горлышко, пролив, устье, узкий, горный проход, аз. bojaz, хал. bojuz/bojaz, турк. bojaz, кар. bojaz, кум. bojaz, ног. bojaz, 'двойной подбородок, пролив, ккалп., 'стекло для керосиновой лампы' каз. диал. bojaz/bujuz 'ложка для древа в лопате, кетмене, кирг. bojuz 'место схождения нескольких рек', узб. büjiz, уйг. bojuz, тув. bo:sta (bojsu), як. buosax, чув. руг, 'устье, пролив, залив, едок'.

башк. быуын, тат. буын 'сустав', общетюрк. *bogum 'сустав', тур. bogun, турк. bogun, сал. rujum, кар. buvun, кум. бууун, каз. буун, ног. бууун, ккалп. бууун, кирг. муун, алт. диал. муун/роон/нуун, уйг. bojam, узб. büjim, ха к. рун.

2.7. Терминология родства и свойства

башк. карындаш 'младшая сестра мужчины', диал. хәрендәш, кәрзәш 'родня, родственник', тат. кәрдәш 'родственник' общетюрк. *qaryndas 'брат', тур. kardeş, гаг. kardaš, аз. gardaš, турк. gardaš, qaryndaš, ктат. qardaš, кар. karandaš, kardaš, карач. qarnaš, балк. qaryndaš, кум. qardaš, ккал., каз. qaryndas, кирг., алт. qaryndaš, узб. qaryndoš, qardoš, уйг. qerindaš, хак. xaryndaš.

башк. ейән, диал. жейән 'внук', тат. онок (заимствование из русского внук), общетюрк. *jegen 'внук', племянник, тур., диал., 'сплемянник' тур. jejen, ног. jijen, ккалп., каз. zijen, кирг. je:n, алт. d'en, узб. jijän, хак., тув., тоф., шор. çe:n, як. sien, sygan.

башк. кыз, диал. кыһ, кыс, тат. кыз, общетюрк. *qyz 'дочь', ктат., кар., кум., ккалп., каз. qyz, кирг. qyz, тур., кар. kuz, узб., уйг. kiz, гаг. kys, алт., тув. qys, як. qu:s, чув. хг, аз. gyz, турк. gujz.

2.8. Термины социальных отношений

башк. ил, тат. ил 'народ, страна', общетюрк. *jel 'народ', каз. jel кбалк, кум., ног., ккалп. el кирг., алт. el тур. il/el, гаг. jel, аз. el/el, турк. il узб. el/jel уйг. il, хак. il, чув. jal.

башк. бей, диал. бэк, тат. би 'титул, глава, правитель', общетюрк. * bek 'правитель', тур. bej, тур.диал. beg, гаг. bej, аз. bāj, турк. bej, ктат., кар. beg/bej, кум., ног., ккалп., каз. bek, кирг. bek, алт. piǰ, диал. peg, piǰ, biǰ, уйг. bek, диал. bāg, хак. piǰ, як. bi.

башк. кол, тат. кол 'раб, невольник', общетюрк. *gul 'невольник, раб', тур. kul, аз., турк. gul, тур. köle, аз. kölä, кбалк., ктай., кум., ног., ккалп., каз. qul, кар. kul, кирг., алт. gul, узб., уйг. qul, шор. qul, тув. kul.

2.9. Терминология, связанная с собственностью, торговлей

башк. тамға, диал. дамға, тат. тамға 'тамга', общетюрк. *tamǰa 'тамга, клеймо', тур., гаг., аз. damǰa, турк. tamǰa, кар. тутуа, балк. tamǰa, кум. damǰa, ног. tamǰa, ккалп., каз. tanba, кирг. tajma, алт. таума, узб., уйг. tamǰa, диал. tajma, хак. таǰма, тув. таǰма, тоф. даǰма, чув. tumxa/tamxa.

башк. һат, тат. сат 'продавать', общетюрк. * sat 'продавать', тур., гаг., аз. sat, хал. sat, турм., сал. sat, кар. sat, кар. sat, балк. sat, кум., ног., ккалп., каз. sat, кирг., алт. sat, алт. диал. sat, узб. sat, уйг. sat, хак. sat, шор., тув. sat, як. at, чув. sut.

башк. бүләк, тат., бүләк 'подарок', общетюрк. * belek 'подарок', тур. диал. beleg/belek, кирг. belek, алт. belek, уйг. диал. belek, bäläk, bölük, büläk сюг. pelek, шор. pölek, тув. belek, як. belex.

2.10. Терминология, связанная с огнем и добыванием огня

башк. усак, тат. учак 'очаг', общетюрк. * o:tǰaq/h:otǰaq 'очаг', тур. ојақ, аз. ојақ, хал. һуǰақ, турк. о:јақ, ктат. ојақ, кар., кум. оǰақ, кар. осақ, кбалк. oǰqk, ног., каз. оǰақ, кирг., алт. оǰоқ, узб. оǰақ, лоб. оǰоқ, як. оһоһ, чув. виǰах.

башк. яғыу, тат. яғу 'жечь', общетюрк. * jaǰ 'жечь', тур., аз., јах, хал. јақ, турк., кар., кум., ног. јақ, ккалп., каз. žақ, кирг. јақ, узб. jak, уйг. jaǰ.

башк. көл, тат. көл 'зола', общетюрк. *kül· зола', тур. kül, аз. kül, хал. kıl, турк. kül, сал. kul, кар. kül, балк. kül, ног. каз. kül, кирг., алт. kül, узб., уйг. kül, хак. kül, тув., тоф., хül, як. kül, чув. Kel.

2.11. Терминология ремесла

башк. балсык; тат. балчык 'глина', общетюрк. *bal, balçuq 'глина', тур. balçuq, аз. pałçug, турк. pałçuq, кар., кум. balçug, ног., каз. balşug, уйг. balçuq, халк. диал. pałcaх, чув. pulçaq.

башк. ирэк 'дубильное вещество, кожемялка', тоб. диал. тат. ирик, общетюрк. *erik 'дубильное вещество', каз., ног. erik 'дубильное вещество', кбалк., кум. erik, дубильное вещество', тув. irik 'дубильное вещество', кум. ijrek 'кожемялка', ног., ккалп. ijrek 'кожемялка', кирг. ijrek, 'кожемялка', хак. izrek, хак. диал. ezrek, 'кожемялка', як. etirik 'кожемялка'.

башк. кейез, тат. киез 'войлок', общетюрк. *kidiz 'войлок', каз., ног., ккалп. kijiz, кирг. kijiz, алт. kijis, узб. kigiz, диал. kijiz, kijigiz, уйг. kigiz, диал. ki:z/kes, хак. ki:s, тув. kidis, тур. диал. kijz/ki:z/kigiz, кар. kijiz, баяк. kijiz, кум. kijiz.

2.12. Терминология, связанная с обработкой дерева

башк. сөй 'гвоздь', тат. чөй 'чека', общетюрк. *çiv 'гвоздь', тур., гаг. çivi, 'болт' аз. çiv, турк. çüj ктат. çüj кар. çio, çuj, çüv, кбалк., кум. çuj 'чека', ног., ккалп. 'чека', şüj, узб. çüv 'чека'.

башк. игәү тат. игәү 'точить', общетюрк. *e:ge 'обтачивать' (напильником), кбалк., ног. ege, ккалп., каз. jегё, кирг. еде ~ ögö, хак. ege, шор., тоф. ege.

башк. тәгәрмәс, тат. тәгәрмәч 'колесо', общетюрк. *teker 'колесо', тур., турк. teker, гаг. teker(lek), аз. tükär, ктат. диал. teger, ног., каз. teger(şik), кирг. tekir, кирг диал. tegirčik, тоф. tege(lek).

2.13. Терминология, связанная с металлами и обработкой металлов

башк. бакыр 'медь', башк. диал. бакырса 'медный чайник, медь, бронза', бакырас 'гвоздь половник', тат. бакыр, общетюрк. *baquq кар., карач. baјуг, ног., каз. baquq, алт. baјуг, чул. pājр, як. bајагах 'горшок для кипячения молока.

башк. түш, диал. түшлэк, сибир. тат. түшэ 'наковальня', общетюрк. *döstur. диал. tös, кбалк., кум. tös, ног., ккалп. tös, каз. tös, кирг. диал. dös, алт. tös, хак. диал. tös.

2.14. Терминология, связанная с охотой, рыболовством, собирательством

башк. ау 'охота', тат. ау 'охота', общетюрк. *a:b 'облавная охота', тур., гаг. av, аз. ov, турк. a:w, кар. aw, кум. aw, ног., ккалп., каз. aw, кирг. ит., узб. aw, уйг. o/ow, уйг.диал. o, тув. aj, тоф. aj.

башк. тозак тат., тозак 'силок', общетюрк. *tuzag 'силок, петля' тур. tuzak, тур.диал. duzak/duzah, аз. duzaq, турк. duzaq, ктат., кар. tuzaq, ног. tuzaq, ккалп. duzaq, каз. tūzaq, кирг., алт. tuzaq, узб. tuza:q, уйг. tozaq, хак. tuzax, тув. duzaq, як. tuhax.

2.15. Терминология, связанная с животноводством

башк. кушкар, тат. кучкар 'баран', общетюрк. *qoçnak// *goç 'баран', тур. koç, коскар, гаг. koç, аз. goç, турк. goç, goçcaq, кар. коскар/коскуг, 'козел', кбалк. goçxak, кум. qoçqar ккалп., каз. qoçar, кирг., алт. qoçqoq; qiça, узб. qüçqar, уйг. qoçqar, хак. хуса, тув. qoçqar.

башк. һыйыр 'корова', тат. сыйыр 'корова', общетюрк. *syjur 'корова', 'бык', тур., гаг., аз., хал., турк. syjur, сууг; кар. syjur/syjur; кбалк., кум., ног., ккалп. syjur, кум., ног., ккалп. sijur, кирг., алт. syjur, узб. sigir, уйг. sijir.

башк. йылкы 'лошадь' (общее название), общетюрк. *jüiqy 'табун' (лошадей) тур., кум. jüiqy, аз. ilxu, кбалк. yiqy, каз. jjiqy, алт. juqy, узб. jiiqy, уйг. šiiqi, тув. çyju, як. sylju, турк., кар., ног. jyidy, ккалп., кирг. jüiqy, хак. çyju, 'год лошадиэ.

2.16. Термины, связанные с продуктами животноводства

башк. ит; тат. ит 'мясо', общетюрк. *et 'мясо', тур., гаг. et; аз. ät, турк., ктат., кар., ккалп. et; кбалк., кум. et, ног., каз., кирг., алт., узб. et, уйг. ät, хак. it; тув. iht, як. et 'труп убитой скотины', чув. üt.

башк. тары, тат. тары, 'просо', общетюрк. *taryj 'просо', тур., гаг., аз., турк. cal dary, ктат., кбалк., ног., каз. tary, кар. tary/dary;

кум. tari; кирг. turu, алт. taran, узб. tariq, уйг. tärik, хак. tarj ‘посев’, тув. tara ‘хлеба’.

башк. икмәк, әпәкәй, әпәк, тат. икмәк, ипи ‘хлеб’, общетюрк. *etmek *ötmek ‘хлепö’, тур. екмек, диал.тур. ebiji, гаг. екмек, аз. диал. ербех/әррәх, әррәк, туркм. диал. екмек, ктат. etmek, кар. екмек/etmek/ötmek, кбалк. ötmek, кум. екмек, ног. öтрек, алт. диал. üтрök, хак. ирек, шор. итрäk.

2.17. Термины, связанные с одеждой, обувью и головными уборами

башк. тун, диал. тиртон ‘тулуп’ аяктун ‘штаны’, тат. ‘тун’, общетюрк. *to:n ‘верхняя одежда’ тур., гаг., аз. don, турк. do:n, сал. ton, ктат. ton, кар. ton, кбалк., кум. ton, ног., ккалп., каз. ton, кирг. ton, алт. ton, узб. ton, уйг. ton, хак. ton, шор. ton, тув. ton, чув. tum.

башк. бүрек, тат. бүрек ‘шапка’, общетюрк. *bürük ‘шапка’, тур. диал., аз. диал. börk, турк. börük, ‘женская шапка’, кар. bärk/bärik, кар. börk, кбалк., кум. börk, ног. börk, ккалп., каз. börük, кирг. börük, алт. börük, алт. диал. bürük/bürük, узб. börk, уйг. börk, уйг. диал. bök, хак. rörük, шор. rörük, тув. böri, як. bergehe.

башк. итек ‘сапоги’, тат. итек ‘обувь’, общетюрк. *e:tük ‘обувь’, тур. edik, тур. диал. edük, турк. ädük, сал. itix, кар, кум. etik, ног., ккалп., каз. etik, кирг. ötük, алт. ötük, узб. диал. ädik, уйг. ötük, уйг. диал. ütük, хак. ödik, шор. ödük, чув. atä, тув., тоф. Idik.

2.18. Термины жилищ и поселений

башк. күс ‘кочевать’, куш ‘кочевка’, тат. күч ‘кочевье’, общетюрк. *köç ‘кочевье, кочевка, кочевать’, тур. göç, гаг. köç, аз. köç, ктат. göç, ног., ккалп., каз. köš, кирг. köç, узб. koç, уйг. koç, тув. kö:š, як. kös.

башк. өй ‘дом’, ‘семья’, тат. өй ‘дом’, общетюрк. *eb ‘юрта’, тур. ev, тур. диал. öj, гаг.jev, аз. ev, турк.öj ктат. ev, кар. ev/üj/jüw, кбал., кум. üj, ног., ккалп., каз., кирг., алт. üj, алт. диал. uw/üw, узб. диал. oj; уйг. öj/uj, хак. ib, шор. em/ep/öm/ug/uj, тув. öу чув. av.

баш түр, баш диал. түр. (баш.), ‘кухня’, тат. түр. ‘почетное место в доме’, общетюрк. *tör ‘почетное место в юрте (доме)’, түр диал. döğ, аз. диал. döğ, турк. tö:r, кар. tör, кбалк., кум., ног., ккалп., каз. tör, кург. алт. tör, узб. tor, уйг. tö(r), хак. tör, шор. tör, тув. döğ.

2.19. Термины, связанные с хозяйственными сооружениями

башк. аран'загон', тат. 'конюшня, 'стойло', общетюрк. *arap 'загон, стойло, огороженное место для скота', турк. диал. aram, ктат. кар. arap, кум. arap, ног., каз. arap, узб. диал. arap.

башк. тубэ(тубэ такта), тат. түбэ'потолок', общетюрк. *töbe 'потолок', ккалп., каз., уйг.диал. töbe/tüwä, кар. töbe, чув. tüpe, 'крыша, кровля', турк. диал. tebe'крыша'.

2.20. Термины, связанные с транспортом и передвижениями

башк. юл, тат. юл, тат. диал. жул'дорога', общетюрк. *jo:l/'дорога', тур., гаг., аз. jol турк. jo:l сал. jol кар. jol кбалк. jol žol кул. jol ног., ккалп., каз. žol кирг. jot, алт. d'ol, узб. jol узб. диал. jol уйг. jol хак. sol хак.диал. žol шор. čol тув. čol як. suot, чув. s 'ul/.

башк. арба, тат. арба, 'телега', общетюрк. *arba 'телега, повозка', тур., гаг., аз., турк. arba, ктат., кар. arba, кбалк. кум. arba, ног., ккалп., каз. arba, кирг. arba, алт. arba, узб. arawa, уйг. harva, уйг. диал. harawa, хак. arba, чув. угара.

башк. өзэнге, тат. өзэнге 'стремя', общетюрк. *üzengü~izenge 'стремя', тур. üzengi, rar. jözeqgi, аз. üzängi, турк. üzenñi турк.диал. üzöñgi, üzöññü, сан. uzunqu, ozenqu, кар. özengi, кбалк. ozengi, кум. özengi, ног. zöngi; ккалп., каз. üzengi, каз.диал. üzenki, кирг. üzörñgü, алт. üzeñi, узб. izäñi, узб. диал. arba üzeñe/zäñgi/zañgi, уйг., уйг.диал. özengü, хак. izeñe, шор. zäñä, тув. ezenji, як. iheñe, чув. järaña.

2.21. Военная терминология

башк. алп. алып'богатырь', тат. алып, общетюрк. *alp'воин, богатырь', тур. alpar., ккалп. alp, каз. alup, узб. a/p, узб.диал., уйг. alup, кирг., алт., хак. alup, чув. ulap.

башк. урза, тат., урда'войско', общетюрк. *ordu'войско', тур., аз., турк.диал., аз. orda, турк.диал. o:rda, ктат., кум. диал. ordu, кум. urda, ног., ккалп., каз. orda, кирг., алт. ordo, уйг. ordu, уйг.диал. o:dä, urda, хак. orda, як. ordu.

башк. байрак; тат. байрак 'знамя', общетюрк. *bajraq 'знамя', тур., тур. диал., гаг. bajraq, аз. bajrag, турк. bajdag, ктат., кар., кбалк., кум., ног., ккалп., каз. bajrag, узб. bajra q, узб.диал. bajraq/bajdag, уйг. vajrag, bajraq.

башк. ук., тат. ук 'стрела', общетюрк. *oq 'стрела', тур., гаг. ок, тур.диал. ök, аз. ох, турк. оq, ктат., кбалк., кум., ног. оq, кар. ок, каз. wog, кирг., алт. оq, узб.диал., оq, узб. уйг оq, узб.диал. hoq, хак. их, тув. оq, як. ох.

Кроме вышеуказанной терминологии, к пратюркскому пласту относятся почти все цветообозначения, названия основных чисел, названия многих родо-племенных названий, большая часть мифологической и обрядовой терминологии, основные глаголы, местоимения и т. д.

2.22. Цветообозначения

башк. ак 'белый, светлый, седой, чистый, честный, благородный, дорогой, добрый, благой, радостный, святой, белок (яйца, глаза)., тат. ак 'белый, светлый, седой, чистый, благородный, радостный', общетюрк. *a:q 'белый', тур., гаг. ак, аз а/турк. аq, сал. ах, кар., кбалк., кум., ног., ккалп., каз. аq, кирг., алт. аq, узб. äq, уйг. аq, чул., тув., тоф. аq, хак. ах.

башк. кара 'черный, темный, вороной, земля, суша, большой, многочисленный, густой, крепкий, сильный, постный, простой, печальный, несчастный, злой, крупнорогатый скот, мрачный, тат. 'черный, темный, густой, грязный, некавалифицированный, невежественный, бескультурный, безрадостный, злой, мрачный, общетюрк. *qara 'черный', тур., гаг., хал., сал., аз., турк., кар., кбалк., кум., ног., ккалп., каз. qara, кирг., алт. qara, узб. qära, уйг. qara, тув. qara, хак., як. хага, чув. хига.

башк. күк 'синий, голубой, сивый, небо, небесный, синяк, зеленый (о траве), гром, посиневший, серый, трава, турава; тат. синий, синяк, сивый, небо, небесный, гром, общетюрк. *kök 'синий, голубой, зеленый' тур., гаг. gök, аз. köj, турк. qö:k, кар., кбалк., ног., ккалп., каз., кум. kök, кирг., алт. kök, узб. kük, уйг. kök, хак., чул., тув. kök, як., долг. küox, чув. kâvak.

2.23. Числовые названия

башк. өс. 'три, трижды, третьины (в похоронном обряде), предел; тат. өч'три, много, общетюрк. *йс три', тур., аз., гаг., турк., кар., кум., кбал., кирг., узб.диал., уйг., алт. üс, ктат. üс, каз., ног., ккалп., узб.диал. üs, хак. üs, як. üs, тув. üs, сал., ту р. диал. us

башк. ете 'семь, очень много, далеко, чужой, сакральный священный, седмины (в похоронно-поминальном обряде); тат. жиде 'семь', очень много, седмины (в похоронно-поминальном обряде), общетюрк. jeti'семь'\ кбалк. jeti, каз. žetu, чув. siccë, кирг. jeti, узб. jetti алт. g'eti, тур. jedi, турк. jedi, як. sättä.

башк. кырк 'сорок, определенный период возраста, полнота, целостность, предел, много, особая сила, старый, изношенный, сороковины (в похоронно-поминальном обряде), сакральный, ритуальный'; тат. сорок, очень много, предел, сороковины, общетюрк. *çuŋq 'сорок', тур. kurg-k, турк. çuŋq, кбалк. çuŋq, каз. çuŋuq, кирг. çuŋq, узб. qirq, чув. хёгёх, алт. кырук.

2.24. Родо-племенная этнонимия

По данным С.И. Руденко и Р.Г. Кузеева в родо-племенной этнонимии башкир зафиксировано более 40 племенных, около 130 родовых этнонимов и более 2000 названий родовых подразделений (ара, зат, нәсел, током, аймак, тубә и т. д.). В этнонимической лексике Р.Г. Кузеев выделяет семь пластов. Из них третий, четвертый, пятый, шестой пласты, названные им древнебашкирский, огузо-кыпчакский, кыпчакский, ногайский, можно было бы объединить в один общетюркский пласт башкирской этнонимии. Ср.:

башк. табын (кара табын, барын табын, кесе табын, йомран табын, кәлсер табын, күрпәс табын, дыуан табын), күбәләк; тиләу, кыуакан, сырзы, бишул, базрак, кумырык, общетюрк. *tabuŋ 'табын' название племени; каз. tabuŋ.

башк. тиләу общетюрк. *tele название родового подразделения древних тюрков, каз. теляу, ккалп. тилеукусши, узб. теляу, алт. телеут, теленгис, телес.

башк. кыпсак (ак кыпсак, кара кыпсак, бошман кыпсак, сәңкем кыпсак, кирәй/гәрәй кыпсак, һары һарыш кыпсак, общетюрк. *qubçaq 'кипчак' название древнетюркского племени ног., каз., ккалп. quşak, кирг. qurçaq, узб. qurçoq, алт. qurçaq.

Следует отметить, что в силу раннего перехода на оседлость у татар родо-племенные образования и их названия не сохранились

2.25. Мифологическая лексика

башк. тәңре, оло тәңре ‘бог, Аллах, всевышний, создатель’. У башкир сохранились мифонимы, которые были упомянуты еще в записках Ибн-Фадлана : ай тәңре ‘божество луны’, күк тәңре ‘божество неба или молнии’, ут тәңре ‘божество дня’, кыш тәңре ‘божество зимы’, йэй тәңре ‘божество лета’. Ел тәңре ‘божество ветра, көн тәңре ‘божество дня’, кот тәңре, ‘божество удачи’, юл тәңре ‘божество дороги’; тат. тәңре ‘божество’, кояш тәңресе, ‘божество солнца, ай тәңресе ‘божество луны’, яшен тәңресе ‘божество молнии’, ут тәңресе ‘божество огня’, кыш тәңресе ‘божество зимы’, жэй тәңресе ‘божество лета’, яңгыр тәңресе ‘божество дождя’, жил (һава) тәңресе ‘божество ветра’, жир тәңресе ‘божество земли’, су тәңресе ‘божество воды’, урман тәңресе ‘божество леса’, общетюрк. *täŋri/’бог, небо’; тур. tanrı аз. tanrı, турк. tanrı, сал. tanrı, узб. tanrı, ног. täŋri, кум. tengeri, кбалк. tejri, кар. tanrı/teŋri, каз. täŋir, ккалп. täŋir, кирг. teŋir, хак. tiger, шор. tegri, тув. dër, тоф. dere, як. taŋara, чув. Тога.

башк. һөмай ‘богиня, солнечная дева, девушка - лебедь, һөмэй ‘вид рогатой птицы’, тат. Умай-гәмбәр, общетюрк.древнетюркская богиня-мать, плацента, послед’; *Umaj’ тур. umajı, ‘бука’, каз. Umaj-ene, кирг. Umaj Kumaj алт. Maj-ene, тел. Maj-enesi, хак. Ymaj, шор. Umaj/Maj, кбалк. Umaj-bijçe.

башк. эйә (һыу эйәһе, тау эйәһе, урман эйәһе, хазина эйәһе, ағас эйәһе, тимер эйәһе, мал эйәһе, өй эйәһе, кәртә эйәһе, азбар эйәһе, мунса эйәһе, ауырыу эйәһе, күл эйәһе, шишмә эйәһе, кыр эйәһе, мунса эйәһе, көн эйәһе, төн эйәһе; тат. абзар иясе, йорт иясе, өй иясе, амбар иясе, мунча иясе, мәчет иясе, зыярат иясе, юл иясе, чир иясе) ‘дух воды (водяной), дух горы, дух леса, дух дерева, дух железа, дух животных, дух дома, дух бани, дух дня, дух ночи’ общетюрк. *edge ‘дух, хозяин’; алт., тув., хак. ё, кирг. ё/eg/ie, кбал. ije, аз. jeje, каз. ege, ije, ie, ‘дух, покровитель’ ккалп. ije, je, кум. jeje, ног. ije, тур. eje/ejje/egе/ije, турк. eje, узб. ege/ägä/igää, уйг. ege/ige/idi/ide, як. ičči, ‘хозяин, владелец’, каз., eje, ege’дух, покровитель’, кирг. ege, ue, ‘князь’, кбалк. ije, ‘муж, супруг’, турк. eje’собственник’, чув. ije, ‘злой дух’.

2.26. Обрядовая терминология

башк. йелпеу ‘дух болезни, поветрие, дуновение, наваждение’, болезнь (от ветра), ‘сарпыу ‘дух болезни, дуновение, наваждение, болезнь от нечистой силы, общетюрк. *jelvi ‘колдовство’; алт. d’ilbi, увлечение алт. ilbi, тел. jilbi, ‘колдовство’, тув., шор. čilbi, жадность’, тув. čilbi, ‘прожорливый’, тув. ilbi, ‘волшебство’, алт. диал. dilbi, тел. jilbi, шор. čilbi, ‘страсть’, як ilbis ‘дух кровожадных’, як. ilbis quça ‘богиня войны’.

башк. им, им-том, имләу, имсе ‘средство от болезни, недуга, заговаривать, лечить, знахарским способом; тат. им ‘снадобье, лекарств, заговор, средство’, общетюрк. *em, emle ‘лечение, лечебное средство, знахарство, снадобье’, турк., тур. диал., кум., кирг., каз., кирг., ног., ккал., ног., узб., алт., тув., як. em, алт. äm, шор. äm, уйг. äm, хак., чув. im, кирг. диал. iäm.

башк. осок, осоксо, осоклау, осоклаусы, осоноу, осан ‘дух болезни, заболеть от прикосновения духа ветра и нечистых сил, заговоренные куклы и другие предметы, лечение знахарским способом, заговором; тат. диал. очан ‘боли в животе, тат. диал. оцылк ‘цистит’; общетюрк. *uçuğ, uçuqla ‘сыпь на губах, заговаривать, изгонять болезнь’, турк., кирг., узб., уйг. uçuq, тур., гаг. uçuk, аз. uçuğ, ног., ккал., каз., кирг. uşuq, ‘сыпь, болячка’ на губах’; уйг. синие пятна на теле при заражении крови’, аз. диал ‘воспаление в глазу’, кирг. иһун ‘появляться’, ног. uşun, каз. йһун, ‘появляться (о сыпи)’, знобить, лихорадить.

В общетюркскому (пласту относятся основы многих личных имен башкир.

Ср. башк. Айһылыу ‘лунная красавица’, тат. Айслу, башк. Арыслан (лев), тат. Арслан, башк. Тәңребирзе ‘бог дал’, башк. Аяз ‘ясное небо’, тат. Аяз, башк. Көнһылыу ‘солнечная красавица; башк. Йондоз ‘звезда’, тат. Йолдыз, башк. Танатар ‘светает’, тат. Танатар, башк. Томансы ‘вызыватель тумана’; башк. Ямғырсы ‘вызыватель дождя’; башк. Бурансы ‘вызыватель бурана’, тат. Буранчы и в каз. кирг. бoгoнçoу башк. Таубатыр ‘горный батыр’ (персонаж сказки); башк. Таштимер ‘камень+железо’; башк. Тимербай ‘железный бей’, тат. Тимер (Тимур) ‘железо’; башк. Алтынбай ‘золотой бей’, тат. Алтын ‘золото’; башк. Көмөшбикә ‘серебряная госпожа’; башк. Сәсәк в диал. цветок, тат. Чәчәк, башк. Алмабикә’я-

блоко+госпожа', тат. Алма, башк. Бөркөт 'орел', тат. Бөркет, башк. Тойғон (Тойгонов) 'сокол'; башк. Ласын 'белый сокол', тат. Лачинов, башк. Шоңкар (Шоңкаров) 'сокол', тат. Шонкар, башк. Торомтай 'ястреб', (Торомтаев); башк. Карлуғас 'ласточка'; башк. Айыуғолак 'досл. медвежье ухо' (персонаж легенды), Айыубай 'медведь-бей'; башк. Бүре, Кашкар, Башкорт 'волк', Бүребай 'волк+бей'; башк. Төлкөбай 'лиса+бей'; башк. Тайбуға (Тайбуген) 'досл. бык-производитель'; башк. Этбай (Итбаев) Эталмас (Италмасов) 'досл. собака не возьмет', Этбикэ досл. собака+госпожа'; башк. Көбәк (Байгөбәк, Аккөбәк) 'собака', тат. Көбәк (Кубеков), Байгубеков, башк. натыбал досл. 'продать-купить'; башк. Кинйә 'младший в семье', тат. кинжә; башк. Ишбулды досл. 'появился сотоварищ, сподвижник' Ишбай (товарищ+бей), Ишкилде 'пришел товарищ' и др. [Кусимова, Бикколова, 2000]. Вышеперечисленные и другие антропонимы имеют общетюркское происхождение и их основы зафиксированы в большинстве тюркских языков.

Судя по данным современных исследователей, башкирский, татарский, казахский, ногайский, кумыкский, каракалпакский, каримский, крымчакский, карачаево-балкарский, крымско-татарский, киргизский, алтайский, кыпчакские диалекты узбекского языка составляют кыпчакскую семью языков. Для упомянуты языков характерны общие элементы в фонетике, морфологии и конечно в лексике. Башкирский и татарский языки, безусловно, унаследовали кыпчакские особенности как в грамматике, так и лексике.

3. ОБЩЕКЫПЧАКСКАЯ ЛЕКСИКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Выделить общекыпчакский пласт лексики башкирского и татарского языков довольно сложно. В работах К. М. Мусаева, Р. Г. Ахметьянова представлена определенная часть лексики, относящейся к данному пласту [Мусаев, 1975]. В частности, в словаре Р.Г. Ахмедьянова «Татар теленең этимологик сүзлеге» (в двух томах, Казань, 2015) в качестве общекыпчакских слов татарского языка приведены такие лексемы, как абай, 'внимательный', абын 'споткнуться', аел 'пряжка, подпруга (у седла), азак 'последний', алан 'поляна', аңкау 'зев, разиня', астыртын 'исподтишка', кайгыр 'горевать', котырту 'подстрекать', кыркуу 'острый, кислый'

и др. [Ахмедьянов, 2015]. Следует отметить, что вышеперечисленные слова и другие лексемы, отнесенные Р.Г. Ахмедьяновым к общекрыпчакскому пласту, встречаются как в башкирском языке, так и его диалектах. В качестве примера можно привести несколько лексем со всеми однокоренными словами. Ср.: айыл ‘подпруга, ремень седла, пряжка, бляха, диал. пояс, кушак’, диал. айылбаш ‘мундштук (в удилах), диал. айылса ‘пряжка, бляха’, диал. айыл – термән (собир) ‘принадлежности седла’; абай ‘осторожный, осторожно, осмотрительно, абайламай ‘неосторожно, нечаянно’, абайламай калгы ‘не заметить’, абайламастан ‘неосторожно, невзначай, нечаянно’, абайлатыу ‘дать возможность осознать, понять’, абайлау ‘внимательно рассматривать, проверять’, абай-тобай ‘суть, сущность, абайһыз ‘невнимательный, беспечный’, абайһызан ‘неожиданно, вдруг’, абайһызлык ‘неосторожность’; байғош ‘неясыть (вид совы), байғош өкө ‘домовой сыч’, байғош ябалак ‘домовой сыч’; алан (диал.) ‘поляна, башк. лит. ялан, аланғы ‘подмаренник’, аланлык ‘поляна’, аланғырт ‘редкий (о растениях, лесах), выросший кое-где, местами’, диал. аланғыр ‘редкий’, ‘малооблачный’, ‘открытое место’, ялан - япан ‘поля, степи’, ялан карамаһы ‘берест’, ялан кэртэ ‘загон’, ялан селе ‘куропатка’ и др. [АСБЯ, 2012–2016].

Общекрыпчакское происхождение перечисленных слов подчеркивает их наличие в других современных крыпчакских языках. Ср.: тат. астыртын ‘исподтишка’, башк. астыртын, каз., ккалп. astyrtyn, тат. балкы-у ‘сиять, выглядеть полным’, башк. балкыу ‘сиять, сверкать, сиять (от радости), каз., кирг., кум., ккалп., ‘сиять, растаять, расплавиться’; тат. абыныу ‘споткнуться’ башк. абыныу, кбалк., каз. абуп, кирг. abun [Ахмедьянов, 2015].

К общекрыпчакскому пласту Р.Г.Ахмедьяновым отнесено и башкирское слово аркау ‘уток’, которое ни в литературном, ни в диалектном лексическом наследии татарского языка не зафиксировано. В то же время слово аркау зафиксировано в казахском и каракалпакском языках в форме arqau, что, безусловно свидетельствует о крыпчакском происхождении данного слова.

Соглашаясь с отдельными этимологиями Р.Г.Ахмедьянова, вместе с тем следует отметить, что ряд лексем, отнесенных им к общекрыпчакскому пласту, вызывает сомнение. К числу таковых можно было бы отнести лексемы adum ‘шаг’, maj ‘масло, жир’,

örlek ‘балка, перекладина’ и др. В частности, слово *adum*, кроме кыпчакских языков, зафиксировано в азербайджанском, турецком в форме *addum*, узбекском – *odim*, чувашском – *utam (udum)* в том же значении. Изложенные факты свидетельствуют о том, что слово *adum* скорее всего является лексемой общетюркского пласта.

4. БУЛГАРСКИЙ ПЛАСТ ЛЕКСИКИ БАШКИРСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

По данным Р.Г. Кузеева, болгарские племена в Среднее Поволжье и Приуралье пришли где-то в VII–VIII вв. На новой территории они активно вступили в этнокультурные контакты с местными племенами, т.е. предками современных башкир и других народов Урало-Поволжья. После образования на Волге государства Волжская Булгария часть башкир вошли в его состав [Кузеев, 1974. 413-425]. Все это не могло не отразиться в родоплеменной этнонимии, топонимии и языках народов Урало-Поволжья. В частности, в составе башкирской этнонимии именно в ту эпоху появились этнонимы, имеющие болгарское происхождение и являются общими с венграми. Это этнонимы юрматы, еней, тархан, кесе, юламан, мишәр-юрматы, нагман, кальсер. Во-вторых, по мнению топонимистов, ряд речных, горных названий Башкортостана имеют явные болгарские черты. Ср.: г .Тура-тау, г .Курман-тау, реч. Кондорса, реч. Маньшты, рч. Майгашты и др. [СТБА, 1980. 200]. В-третьих в башкирской апеллятивной лексике представлено довольно много слов с болгарскими чертами. Ср.: борай ‘польба’, бөйөрөк ‘пирог, пирожок’, диал. шоморт ‘черемуха, бирэн ‘обжора’ и др. [Хисамитдинова, 1989. 80–87]. Вышеприведенные слова, кроме башкирского, в различных фонетических вариантах встречаются в татарском, чувашском, а некоторые лексемы – в финно-угорских языках Урало-Поволжье. Ср.; тат. борай ‘польба’, чув. пыри ‘польба’; тат. куна’ щит, доска, на которой месят тесто’, башк. куна, чув. хама, ‘доска опора’, мар. оңа, хана доска’; тат. шөпшә ‘оса’, башк. диал. шупшә, миш. шыпшы, чув. саваса, сапса, шапша; тат. шәрә ‘голый’, башк. шәрә, чув. çара, чара, мар. цәрә, пәрә, удм. чап-чара ‘оголенная кожа’. Следует отметить и то, что к болгарскому пласту лексики башкирского и татарского языков скорее всего относятся и некоторые названия мифических

персонажей Урало-Поволжья. В качестве примера можно привести башкирские мифонимы Шүлгән ('божество нижнего и подводного мира, царь дивов и змей'), Убыр (духи умерших колдунов и других злых людей'). Шүрәле ('лесовик, дух леса, леший'), Арыш инәһе ('дух поля') и др. Следует отметить, что все вышеперечисленные названия, кроме Шүлгән, имеют параллели и в других языках Урало-Поволжья. Ср.: тат. шүрәле 'леший', чув. диал. шурелле 'название божества леса', шурекей 'черт, шайтан', мар. шурали, удм. шурали, урало 'дух леса' и др. [Ахмедьянов, 2015]

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что болгарский пласт в лексике башкирского и татарского языков значителен. Он охватывает как апеллятивную, так и ономастическую лексику.

5. СОБСТВЕННО БАШКИРСКИЙ И СОБСТВЕННО ТАТАРСКИЙ ПЛАСТ ЛЕКСИКИ КЫПЧАКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Судя по исследованиям известного тюрколога О.А. Мудрака, процессы обособления в развитии башкирского и татарского языков начинаются после первого похода монголов Субудея на территорию Восточной Европы и последующего покорения Поволжья. После покорения Казанского ханства Иваном Грозным и распада Ногайской орды обособление башкир и татар усугубляется, т.к. существующие после завоевания монголами контакты нарушаются [СИГТЯ, 2006. 815–817]. Безусловно, все это не могло не отразиться в языках урало-поволжских кыпчаков, т.е. башкир и татар. Именно с этого периода начинается активное формирование собственно башкирской и собственно татарской лексики.

Собственная лексика чаще бывает связана с терминами родоплеменной этнонимии, родства, свойства, мифологии, обрядов, новыми занятиями, социальной жизнью общества. Поэтому собственно татарские лексемы татарского языка Р.Г. Ахмедьянов также связывает в основном с указанными группами лексики. Ср.; термины, родства: ак >жиңги 'старшая сноха', абыз >жиңги 'ученая сноха'; чибәр жинги 'красивая сноха', кече жинги 'младшая сноха', тутай, түти 'старшая, уважаемая родственница' и др. [Ахмедьянов, 2015] Об этом же свидетельствуют и диалектные термины

родства татарского языка, зафиксированные в «Большом диалектологическом словаре татарского языка» (Казан, 2009). Ср.; абыз бабай (мин) ‘форма обращения к самому старшему брату отца или матери’; абыз бикәм (нокр.) ‘почтительное обращение невестки к старшей сестре мужа’; абыз тэтэй (срг) ‘старшая сестра матери’; абызапа (чет.) ‘форма обращения невестки к старшей сестре мужа’ и т. д. В целом, в вышеуказанном словаре зафиксировано более 20 названий с элементом абыз, связанных с терминологией родства и не имеющих параллелей в других языках [ТТЗДС, 2009]. Лишь отдельные названия имеют параллели в северо-западном диалекте башкирского и ряде говоров чувашского языков, которые, по-видимому, являются заимствованиями или же возникли под влиянием татарского языка.

Ср.: башк. диал. абыз бабай ‘обращение к старшему брату отца или матери’, абызинэй ‘старшая сестра отца или матери’, жена старшего брата отца’ и др. [БТДн, 2002. 11].

Собственно башкирская лексика, во-первых, представлена в родоплеменной этнонимии. Ср.: үсэргән ‘усерган’ – название башкирского племени, не имеет параллелей в этнонимии других народов; күбэләк ‘кубалак’ – название рода, не имеет параллелей в других этнонимических системах; гәйнә ‘гайна’ – название северных башкир, параллели не обнаружены ни в одном из тюркских языков.

Собственно башкирское происхождение имеют многие топонимы. Ср.: Кыззар тауы ‘девичья гора’ - название гор шести районов Республики Башкортостан, Агизел ‘Агидель, белая река или южная’; Күгизел/Күгәзел ‘Кукидель, восточная или голубая река’, одно из названий реки Демы; Каризел ‘Каридель, черная или северная река, другое название Уфа – названия крупных рек республики, протекающих почти по всему Башкортостану. Следует отметить, что аналогичных названий ни в одном из тюркских языков не зафиксировано, хотя элемент изел восходит к древнетюркскому Etil/Edil, к которому восходят татарское Идел (Волга) и чув. Атал (Волга) [ДТС, 1969. 163]. Как показывают примеры, в топонимии Башкортостана представлен, во-первых, свой вариант термина edil в форме изел, во-вторых, от данного термина образован целый ряд речных названий на собственно башкирской почве.

Собственно башкирское происхождение имеет часть мифологической лексики башкирского языка. Ср.: Самрау ‘божество неба и птиц’, Шүлгән ‘божество подводно-подземного мира’, Бапак, Урал батыр, Акбузат ‘персонаж которым пугают детей’ [Хисамитдинова, 2010]. Следует отметить, что ни один из перечисленных мифонимов не имеет параллелей в других тюркских языках.

Безусловно, собственно башкирские названия представлены не только в ономастической, но апеллятивной лексике. Ср.: алпамандыр (диал.) ‘человек крупного телосложения, здоровяк’, лит. алпамыша; аталауус / атауыс (диал.) ‘мутовка для сбивания масла’, лит. бешкэк; йарматаш (диал.) ‘ручная мельница’, лит. кул тирмане; тэгэрләү (диал.) ‘прясть’, лит. башк. иләү, лит. тат. эрләү; айрыкойрок (диал.) ‘стриж’, лит. башк. яр карлуғасы, лит. тат. керэшә; күлжәннек (диал.) ‘лягушка’, башк. лит. тәлмәрийен, тат. лит. бака и др. [Миржанова, 2006. 300].

Вышеперечисленные лексемы ни в одном из тюркских языков не зафиксированы. Не встречаются они и в других языках региона. Как свидетельствуют примеры, собственно башкирская лексика в основном представлена в диалектах и говорах башкирского языка. В литературном языке в силу процессов унификации при формировании литературного языка “тюрки”, позднее старобашкирского, в советское время – нового литературного языка, основанного на кириллице, безусловно, многие собственно башкирские лексемы остались в стороне. В литературный язык проникли лишь некоторые собственно башкирские лексемы. Аналогична судьба собственно татарской лексики и в татарском литературном языке.

6. ЗАИМСТВОВАННЫЙ ПЛАСТ ЛЕКСИКИ КЫПЧАКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Словарный состав кыпчакских языков Урало-Поволжья в своем развитии прошел довольно длительный и сложный путь. Поэтому, лексическое наследие как башкирского, так и татарского языков включает в свой состав, наряду с исконной, и заимствованную лексику. Иноязычные заимствования пополняли и обогащали кыпчакские языки Урало-Поволжья на всех этапах их развития. Одни заимствования попали в кыпчакские языки Урало-Поволжья, возможно, в общеалтайское, другие – в общетюркское, тре-

тьи – в общекыпчакское время, а четвертые заимствования могли появиться уже при формировании каждого языка в отдельности.

Следует также отметить и то, что, если часть лексем проникали в башкирский и татарский языки вместе с реалиями из жизни, быта носителей того или иного языка, то другие - в результате инфильтрации части иноязычной этнической группы в состав башкир или татар. Так, например, если заимствования из русского языка появились вместе с реалиями русской жизни после вхождения башкир в состав Русского государства, то ранние индо-иранские элементы в башкирском языке могли появиться в результате инкорпорирования ираноязычных племен II-IV вв. в состав древних предков башкир [Юсупов, 2009. 307–309]

Антропологические, этнографические и филологические исследования выявили несколько этнокультурных компонентов, участвовавших в сложении башкирского народа. Основными из них являются индоиранский, финно-угорский и тюркский. Поэтому не случайно в современных башкирском и татарском языках, тюркских по генетической классификации, обнаруживается множество индоиранских, финно-угорских языковых элементов. Безусловно, сегодня даже трудно говорить о том, что эти языковые элементы являются заимствованиями. Возможно, они представляют собой субстратное явление в башкирском и татарском языках.

Вместе с тем, исходя из сегодняшнего состояния башкирского языка, из его классификационных особенностей, связанных с тюркской семьей языков, в нем можно выделить несколько пластов.

6.1. Древнеиранский и персидский пласт лексики башкирского языка

Ср: такта ‘доска’, таҫтамал ‘полотенце’, сүмес ‘половник’, келәм ‘ковер’, сабак ‘плотва’, гәрәбә ‘янтарь’ и др.

В тематическом плане иранские (персидские) заимствования можно объединить в несколько групп;

- топонимические названия: р. Ашказар (от ашка дарья ‘свѣтлая, белая, священная река’), р.Зиргән (Ергән (от зэргүн ‘золотистый’), г. Егэлгә (от зангар ‘большая скала’) и др.

- бытовая лексика: сьуал ‘печь’, яға ‘воротник’, бакта ‘шерсть весенней линьки’, зиндан ‘тюрьма’, калпак ‘шапка’ и др.

- названия дней недели: дүшәмбе ‘понедельник’, шишәмбе ‘вторник’, шаршамбы ‘среда’, шәмбе ‘суббота’, йәкшәмбе ‘воскресенье’.

- религиозная терминология: гөнаһ ‘грех’, пәйгәмбәр ‘пророк’, дәруиш ‘дервиш’, ‘скиталец’, фәрештә ‘ангел’ и др.

- мифологическая лексика: аждаһа ‘дракон’, азар-бизәр ‘нечистая сила’, дейеү ‘див, чудовище’.

- антропонимическая лексика: Зәбирә ‘крепкая’, Фирдәүес ‘райский сад’, Мырза ‘царевич’, Фәнис ‘маяк’ и др.

- абстрактная лексика: өмөт ‘надежда’, дәрт ‘страсть, намыс’ ‘честь, совесть’, дөрөс ‘правильно’, верно’, бәхет ‘счастье’.

- лексика, связанная с внешними и внутренними качествами человека: йьуаш ‘кроткий, смиренный’, йомарт ‘щедрый’, наз (лы) ‘нежный’, бәһлеүән ‘богатырь’, назан ‘неграмотный’, гүзәл ‘красивый’;

- социальная терминология: батша ‘царь’, пайтәхет ‘баш кала’, дуҫ ‘друг’ и др.

- различные служебные части речи: гүйә ‘словно’, гәрсә ‘хотя’, йәки ‘или, или’ и др.

6.2. Арабские заимствования

Арабские заимствования в башкирском и татарском языках занимают довольно большой пласт в их лексических системах. В частности, в башкирском языке они представлены в терминологиях, связанных с наукой, образованием, культурой, религией, названиями месяцев, дней, времени в целом, общественно-политической сферой, человеком, его жизнью и смертью и т.д. [Кейекбаев, 2002, 116-119]. Кроме этого, большой процент арабских заимствований охватывает ономастическую лексику, особенно антропонимию. Рассмотрим более подробно каждую тематическую группу арабских заимствований.

Лексика, относящаяся к образованию и науке: әлифба ‘букварь’, китап ‘книга’, кәләм ‘карандаш’, ғалим ‘ученый’, фән ‘наука’, мәкәлә ‘статья’ и др.

Лексика, относящаяся к литературе и искусству: шағир ‘поэт’, шиғыр ‘стихотворение’, риүәйәт ‘легенда’, сәнғәт ‘искусство’, рәсәм ‘рисунок’ и др.

Лексика, относящаяся к религиозной сфере: дин ‘религия’, мулла ‘мулла’, иман ‘вера’, мосолман ‘мусульманин’, намаз ‘намаз’, көрһән ‘коран’ и др.

Лексика, относящаяся к общественно-политической сфере: сәйәсәт ‘политика’, дәүләт ‘государство’, карар ‘решение, постановление’, ватан ‘родина’, идара ‘управление’, милли ‘национальный’.

Экономическая терминология: милек ‘собственность’, мөлкәт ‘имущество’, иктисад ‘экономика’, хосуси ‘частный’, шәхси ‘личный’.

Лексика, связанная с понятием времени: вакыт ‘время’, дәүер ‘эпоха’, әүәле ‘прежде’, йома ‘пятница’, ахыр ‘потом’, заман ‘время’ и т. д.

Лексика, связанная с человеком, его жизнью и смертью: әзәм ‘человек’, етем ‘сирота’, фәкир ‘бедняк’, ғүмер ‘жизнь’, зәғир ‘калека’, әжәл ‘смерть’, табут ‘гроб’.

Лексика, связанная с абстрактными понятиями: хыял ‘мечта’, хаклык ‘правота, справедливость’, ғашик ‘любовь’, бәхет ‘счастье’, выждан ‘совесть’, зиһен ‘память’.

Служебные части речи: ләкин ‘но’, бәлки ‘может быть’, һәм үә, вә ‘и’ и др.

Антропонимическая лексика: Самат ‘крепкий’, Заһир ‘ясный’, Ғәзиз ‘ценный, дорогой’, Нәфисә ‘красивая’, Иамила ‘совершенная’, Зәйтүнә ‘олива, маслина’ и др.

Мифологическая лексика: Ғазраил ‘ангел смерти’, Зәхмәт ‘дух болезни’, Иблис ‘сатана, дьявол, предводитель шайтанов’, Ғәйша-Фатима ‘покровительница детей, женщин и знахарей’, Йәһәннәм ‘ад’ и др.-

Арабские заимствования в большинстве случаев в башкирском и татарском языках совпадают. Вместе с тем, следует отметить и то, что часть арабских заимствований имеют в каждом языке свой орфографический облик. Ср.:

баш.	тат.	перевод
выждан	вождан	совесть
ғәжәп	ғәжәп	удивительный
зәғиф	зәғыйф	калека
фекер	фикер	мысль
ғүмер	ғөмөр	жизнь

Отдельные арабские заимствования татарского языка не встречаются в башкирском языке. Ср.: тат. жөмлә 'предложение', в башк. собственное слово һөйләм; тат. фигыль 'глагол', в башк. кылым, тат. ғасыр 'век', башк. быуат, тат. сәйяр 'передвижной', башк. күсмә, тат. гади 'простой, обычный', башк. ябай и др. Говорить о количестве арабских заимствований в башкирском и татарском языках довольно сложно. Можно только сослаться на такие данные, встречающиеся в лингвистических работах. В частности, Дж. Г. Киекбаев приводит около 400 наиболее употребляемых в башкирском языке заимствований [Кейекбаев, 2002]. Ф. Г. Хисамитдинова, исследовавшая названия башкирских населенных пунктов XVI–XIX вв., отмечает, что из 1560 названий более 60% восходят к личным именам арабского происхождения или к лексемам, которые включают в свой состав арабские элементы [Хисамитдинова, 1991. 82–84]. В целом, как показывают словари башкирского, татарского языков арабские заимствования, как и персидские занимают большой пласт лексики этих языков.

6.3. Финно-угорские заимствования в кыпчакских языках Урало-Поволжья

Финно-угорские заимствования в башкирском и татарском языках относятся к одному из самых ранних заимствований. Как уже говорилось выше, часть лексики финно-угорского происхождения, возможно, является даже субстратом или суперстратом в башкирском и татарском языках. Как показывает материал, отличить субстрат и суперстрат от заимствований довольно сложно. Поэтому финно-угорский пласт лексики указанных языков мы рассмотрим вместе, не подразделяя на субстрат, суперстрат и заимствования т. к. для нас сегодня важны языки-источники лексического наследия кыпчакских языков Урало-Поволжья. Все заимствования из финно-угорских языков в тематическом плане объединяются в следующие группы:

Лексика, связанная с растительным миром: башк. миләш 'рябина', тат. миләш, тат. диал. миләш, чув. милеш / пилеш; башк. диал. мышар, диал. сибир. татар, мычыр 'рябина, калина'; башк. бәпкә 'бутон борщевика', башк. диал. бәпкә 'завязь борщевика', тат. диал. 'молодая поросль', бәпчек молодой отросток дерева';

Лексика, связанная с животным миром: башк. мышы ‘лось’, тат. пошый; башк. коно ‘расомаха’, тат. диал. кыны ‘рысь’; башк. төләү ‘линять’ (о животных, птицах), диал. сиб. татар, ‘линять’; башк. диал. бәлтәкә ‘овца, ягненок’, тат. бәти ‘ягненок, барашек’.

Лексика, связанная с посудой и др. емкостями: башк. тырыз ‘кузовок, короб из бересты’, тат. тырыс ‘туясок, кузовок из бересты’; башк. сүмес ‘ковш, ковшик, черпак’, тат. чүмеч ‘ковш’; башк. көбөсөк ‘маленькая деревянная посуда, ступица’, тат. лит. көбөшә ‘ступица’.

Лексика, связанная с продуктами питания: башк. билмән ‘пельмени’, башк. диал. белмән, тат. пилмән; башк. диал. мөшкин ‘пирожок’, тат. диал. өмөжө шәнкә ‘шаньга с малиной’, башк. диал. әмеже бирүк ‘пирог с малиной’, башк. диал. саламат ‘мучная каша на сметане’ и др.

Лексика, связанная с рыболовством, собирательством: башк. мурза ‘верша, рыболовная снасть’, тат. мурда ‘верша’, башк. диал. керкә ‘хариус’; башк. диал. курым ‘сетка для ловли рыбы’, тат. диал. курым ‘треугольная сетка в форме сачка для ловли рыбы’; башк. диал. өмөжөлөк ‘малинник’ и др.;

Терминология, связанная с поселением и жилищем: башк. диал. бәпкә ‘стропило’, тат. диал. ‘стропило’; башк. әрзәнә ‘поленница дров, штабель (леса)’, башк. кәртә ‘шест, жерд, изгородь’, тат. киртә ‘изгородь’.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что финно-угорская лексика башкирского и татарского языков в основном охватывают бытовую сферу, т. к. они проникали в эти языки в результате контактов или инфильтрации части финно-угорских племен, позднее народов. В связи с изложенным отмечается различие финно-угорских заимствований не только по башкирскому и татарскому языкам, но и по их диалектам. Например, в южном и северо-западном диалектах башкирского в качестве названия рябины функционирует слово миләш, а восточном диалекте – мышар. Аналогичная картина и по диалектам татарского языка. В частности, название рябины, если в говорах сибирских татар представлено в формах пизел, пижел, мыңыр, мычыр, имеющих финно-угорское происхождение, то в литературном языке и говорах, взятых за основу литературного языка, функционирует как и в башкирском языке финно-угорская лексема миләш.

6.4. Русские заимствования

В кыпчакских языках Урало-Поволжья русские заимствования занимают довольно большой пласт. Их появление, безусловно, связано с вхождением башкир и татар в Русское государство. В то же время следует отметить, что ряд заимствований из русского языка, по-видимому, проникли еще задолго до вхождения этих народов в состав Русского государства. Как отмечают ряд татарских исследователей, слова арыш ‘рожь’, сука ‘соха’, буразна ‘борозда’, ужым ‘озимые’, эскерт ‘скирд, скирда’, эвен ‘овин’, мич ‘печь’, гөрәнкә ‘гренки’, сохари ‘сухари’, чиркәү ‘церковь’ являются заимствованиями, связанными с более ранними контактами русских и тюрков [Сафиуллина, Зәкиев, 2002. 67].

Башкирский языковед Дж.Г. Киекбаев также связывает русские заимствования башкирского языка с более ранними этапами этнокультурного развития башкир, чем XVI в. Он многие заимствования башкирского языка связывает еще с периодом контактов башкир с болгарским государством, когда они в Булгаре и ряде русских средневековых городов торговали медом, мехами, дегтем, лошадьми и другими товарами. В частности, Дж.Г. Киекбаев считает, что слова ситса ‘ситец’, сәтин ‘сатин’, дегет ‘деготь’, самауыр ‘самовар’, батмус ‘поднос’, куласа ‘колесо’, сукна ‘сукно’, калуш ‘галоши’, нишатыр ‘нашатырь’ и др. заимствованы были задолго до XVI в. [Кейекбаев, 2002. 105–107].

Говоря о более раннем заимствовании ряда лексем русского языка, стоит вспомнить средневековый памятник «Кодекс Куманикус» (составлен в 1294–1295 гг., переписан в 1303 г.), в котором зафиксировано русское заимствование мич от ‘печь’ [Kodex Cumanicus, 1880]. В те времена и в первые столетия после вхождения башкир в Русское государство русские заимствования проникали в башкирский язык в результате живого общения, поэтому эти заимствования подчинены фонетическим особенностям башкирского языка. Кроме вышеприведенной лексики, следует привести такие слова, как бүрәнә ‘бревно’, эшләпә ‘шляпа’, сипсе ‘щипцы’, әгурсә ‘огурец’, мәкинә ‘мякина’, кершәк ‘горшок’, бизрә ‘ведро’, сөгөн ‘чугун’, мискә ‘бочка’, калас ‘калач’ и др.

Заимствования из русского языка в кыпчакские тюркские языки Урало-Поволжья проникали в несколько этапов. Безусловно,

первый или ранний этап связан, как отмечают казанские исследователи, с IX–XVI вв. Второй этап с периодом завоевания Казанского ханства до конца XVIII в. [Сафиуллина, Зәкиев, 2002. 68]. Если о датировке заимствований первого этапа говорить довольно сложно, т. к. практически нет документов, то о заимствованиях второго этапа (XV–/XVI–XVIII) мы можем говорить более конкретно, т. к. во многих архивах отложилось множество документов русской администрации по управлению краем. В частности, в юридических, актовых документах, переписке чиновников русской администрации с центром, даже в башкирских шежере (родословных), обращениях представителей русской администрации к башкирам и наоборот присутствует огромное количество слов, свидетельствующих о времени заимствования той или иной лексики. В частности, судя по историческим, юридическим и деловым документам XVIII в., такие лексемы башкирского языка, как старшина, сотник, Өйәз ‘уезд’, майор, бур ‘вор’, билит ‘билет’, пикит ‘пикет’ и др. заимствованы из русского или через русский язык из европейских языков не позднее XVIII в. [Хисамитдинова, 1990. 199]. В основном данный пласт представлен военной лексикой.

Третий этап проникновения заимствований из русского языка в кыпчакские языки Урало-Поволжья связан в основном с XIX в. и началом XX в., т. е. до событий Октябрьской революции. Это время активной колонизации башкирских земель, строительства заводов, фабрик, в целом проникновения русского языка во все стороны жизни края. Поэтому заимствования из русского языка третьего периода связаны со всеми сторонами жизни башкир и татар.

Заимствования до Октябрьского периода в тематическом плане можно объединить в следующие группы:

- административно-управленческая терминология: губерна ‘губерния’, Өйәз ‘уезд’, кәнсә ‘канцелярия’, ыстарыста ‘староста’ и др.;
- земледельческая терминология: дисәтина ‘десятина’, буразна ‘борозда’, кәбестә ‘капуста’, керән ‘хрен’, арыш ‘рожь’;
- слова, связанные с хозяйственными постройками: солан ‘чулан’, ызма ‘изба’, келәт ‘клеть’, бүрәнә ‘бревно’ и др.;
- названия предметов быта: сәйнүк ‘чайник’, кәритә ‘корыто’, ысмала ‘смола’, көрөшкә ‘кружка’, тәрилкә ‘тарелка’, лум ‘лом’, шөрөп ‘шуруп’ и др.;

- лексика, связанная с питанием: кәнфит 'конфеты', калас 'калач', шәкәр 'сахар', картуф 'картофель', күстәнәс 'гостинец' др.;

- терминология, связанная с одеждой человека: бирсәткә 'перчатки', камзул 'камзол', әбөркә 'оборка', бәтинкә 'ботинки' и др.;

- лексика, связанная с лесными промыслами: лесник 'лесник', диләнкә 'делянка', дегет 'деготь', багур 'багор', курен 'корень' и др.;

- военная терминология: һалдат 'солдат', шинел 'шинель', картус 'картуз', майор 'майор', паручик 'поручик', барабан 'барабан', йәзрә 'ядро', янарал 'генерал', никрут 'рекрут' и др.;

- терминология, связанная с заводским освоением края: зауыт 'завод', машина, суйын, сөгөн 'чугун', эзбис 'известь', пароход, паровоз, тулка 'втулка';

- термины торговли и обмена: купис 'купец', лавка, лавкасы 'продавец', бизмән 'безмен', асмуха 'осьмушка' и др.;

- термины культуры: гәзит 'газета', кәнвирт 'конверт' ручка 'ручка', сумка 'сумка', и др.;

- лексика, связанная с болезнями, их лечением: доктор/духтыр (разг.), филшәр 'фельдшер', камфара, 'камфора', сихут 'чахотка', йүзе 'йод' и др.

Почти те же заимствования фиксируются и в татарском языке. Как показывают примеры, во-первых, русские заимствования дооктябрьской эпохи были адаптированы к особенностям кыпчакских языков Урало-Поволжья; во-вторых, уже в то время проникала через русскую лексику и из европейских языков. В третьих, часть лексики проникала только в те или иные говоры башкирского или татарского языков, поэтому их функционирование было ограничено той или иной территорией. В частности, если в говорах восточного диалекта башкирского языка до сих пор функционируют заимствования типа әгүрсә, өгөрсә 'огурец', маркуф 'морковь', то в южном и северо-западном диалектах употребляются более ранние заимствования из персидского языка – кыяр и кишер.

Четвертый этап в формировании пласта русских заимствований кыпчакских языков Урало-Поволжья связан с советской эпохой.

Коренные изменения в политической, экономической, общественной и культурной жизни после октябрьских событий нашли отражение как в башкирском, так и татарском языках. Во-первых, коренным образом меняется терминология, арабские,

персидские и тюркские лексемы, формы через систему образования, средства массовой информации, идеологическую работу вытесняются из башкирского и татарского языков. Вместо них активно внедряются советизмы, русизмы и интернациональная лексика. Особенно эти процессы активизировались после двукратной смены письменности башкир и татар. После перевода письменности на кириллицу новые заимствования из русского языка как собственно русские, так и интернационализмы и советизмы стали функционировать в башкирском и татарском языках согласно нормам русского языка, т.е. без фонетической адаптации. Ср.: коммунизм, комсомол, агитатор, республика, колхоз, трактор, совет власы 'советская власть', комитет, кооперация, пропагандист и др.

Заимствования из русского и через русский из европейских языков, включая советизмы и интернационализмы, в кыпчакских языках Урало-Поволжья можно разделить на следующие тематические группы:

- общественно-политическая лексика: власть, идеология, совет и др.;

- лексика образования и науки: директор, ректор, табель, декан, сектор, класс;

- терминология сельского хозяйства: колхоз, совхоз, ферма, доярка, трактор, комбайн;

- терминология, связанная с промышленным и транспортным развитием региона: производство, трамвай, автобус, танк, автомат, автоматика и др.;

- юридическая терминология: адвокат, кодекс, закон и др.

- медицинская лексика: врач, сестра, операция, больница, палата;

- лексика из области физкультуры и спорта: спортзал, тренер, футбол, секция, волейбол и др.

- лексика, связанная с литературой и искусством: автор, театр, концерт, гастроль, пейзаж, социалистический реализм 'социалистический реализм', драма, поэзия и др.;

- лексика, связанная с флорой и фауной, природными явлениями: океан, климат, леопард, роза, ландыш и др.;

- названия городов, стран и народов: Америка, Венгрия, чех, француз, поляк, Киев, Вологда, Берлин, Будапешт и др.

В советскую эпоху через русский язык особенно активно проникала лексика из различных языков мира. Безусловно, эта лексика, как уже говорилось выше, проникала и до советской эпохи. Однако массовое проникновение заимствований из европейских языков связано с советской эпохой. Эти заимствования башкирский ученый Дж. Г. Киекбаев и татарский исследователь Ф. С. Сафиуллина с точки зрения происхождения объединяют в следующие группы:

- заимствования из греческого языка. В тематическом плане они относятся к общественно-политической (демократия, гимн, автономия и др.), научно-технической (планета, биология, аксиома, гипотеза, барометр и др.), терминологии литературы и искусства (драма, пародия, псевдоним, музей) и др.;

- заимствования из латинского языка. Этот пласт заимствований охватывает административно-управленческую, общественно-политическую (диктатура, социализм, делегат, президиум, консул, эволюция, коммунизм и др.), научную лексику (аспирант, академия, конференция и др.), в также слова, связанные с образованием и просвещением (доцент, аттестат, лаборант, интернат и др.), литературой и искусством (культура, легенда, автор, квартет, композитор и др.), военную терминологию (дивизия, снайпер, агрессия и др.), медицинскую терминологию (вакцина, инфекция, витамин и др.), терминологию финансов (аккредитив, дебет, кредит и др.), терминов, связанных с развитием промышленности и техники (генератор, радио, локомотив и др.);

- заимствования из французского языка, которые можно объединить в три группы: общественно-политическая лексика (баррикада, декрет, революция и др.); лексика из области литературы и искусства (репертуар, фельетон, дирижер, персонаж и др.); военная терминология (гвардия, атака, маршал, батальон и др.);

- заимствования из немецкого языка, которые в основном относятся к военной терминологии (рота, орден, штурм, ефрейтор, гильза и др.), а также к профессиональной лексике (верстак, стамеска, мачета, рашпил и др.);

- заимствования из английского языка, которые представляют в основном спортивную и морскую лексику (футбол, бокс, теннис, финиш, мичман, танкер);

- заимствования из итальянского языка, которые в основном охватывают область музыки (соната, тенор, трио, ария и др.);

- заимствования из голландского языка. Они в основном охватывают морскую лексику (матрос, мачта, катер, каюта и др.);

- заимствования из испанского языка (какао, кокос, серенада и др.);

Пятую группу заимствований из русского и через русский язык составляет лексика, проникшая в башкирский и татарский языки в последние два десятилетия, т.е. постсоветскую эпоху. Этот пласт лексики охватывает в основном следующие области:

- наука и техника: ксерокс, факс, нанотехнология, компьютер и др.;

- общественно-политическая жизнь: мэр, референдум, конгресс, агентлык, 'агенство 'диаспора и др.

- экономика и финансы: инфляция, инвестор, акция, маркетинг, бартер и др.;

- медицина и здоровье: томограф, имплантант, наркомания и др.;

- спорт и искусство: суперлига, тур, гала-концерт, презентация и др.;

- профессиональная область и занятия человека: фермер, шоумен, киллер, менеджер, дилер, бизнесмен и др.

Кроме лексических заимствований из тех или иных языков, в башкирском и татарском языках функционируют заимствования - полукальки. Ср.: мобиль телефон 'мобильный телефон', республика суверенитеты 'суверенитет республики', депутат көнө 'депутатский день', телефон станцияһы 'телефонная станция', космик энергия 'космическая энергия' и др.

В постсоветскую эпоху в башкирском и татарском языках появились не только новые заимствованные слова, но и произошли изменения в семантике. В частности, если в словарях башкирского языка советской эпохи у слова амбициялы было зафиксировано только одно значение «үтә нык ғорурлыҡ, тәкәбберлек, мин-минлек тойғоһо», т.е. слишком высокомерный, честолюбивый, тщеславный, с обостренным чувством самолюбия, чванливый, то в «Академическом словаре башкирского языка» (2011г.) у слова амбициялы зафиксировано и второе значение - «максатка ынтылыусан», т.е. целеустремленный. Изложенный материал свидетельствует о том, что в последние годы у слова амбициялы с отрицательной семантикой появилось второе положительное значение.

В целом, подводя итоги, можно констатировать, что лексическое развитие кыпчакских языков Урало-Поволжья было неоднозначным. Этническая, этнокультурная, гражданская история башкир и татар не могла не отразиться в развитии лексического состава этих языков. Создавались новые слова из имеющегося наследия, появлялись новые слова из других языков в результате экономических, политических и культурных связей кыпчакских языков Урало-Поволжья с другими народами. Однако основной словарный фонд этих языков, унаследованный ими из праязыка, сохранился. Что же касается башкирского языка, то, несмотря на смену эпох, материальной культуры, климатических и политических изменений, в нем всегда сохранялось то ядро, которое способствовало сохранению самого башкирского этноса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В истории башкирского языка выделяются четыре эпохи – алтайская (или урало-алтайская), общетюркская, кыпчакская и собственно башкирская. В алтайскую или урало-алтайскую эпоху в прабашкирском языке, судя по реконструкциям соматической терминологии, названий лиц, в том числе терминов родства, названий частей тела животных, ландшафта, метеоявлений, времени, пространства, элементарной физиологии, а также основных глаголов, связанных с жизнедеятельностью человека, формируются самый древний лексический пласт, агглютинативность и другие, общие для алтайских языков, черты [Дыбо, Хисамитдинова, 2009. 313–331].

После распада алтайской семьи (IV–III вв. до н.э.) в истории развития тюркских языков начинается общетюркская эпоха, когда складываются основной словарный фонд, базовые фонетические и др. особенности, общие для всех тюркских, в том числе и башкирского, языков.

В конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. с разделением гуннского сообщества на северных и южных гуннов происходит распад тюркского праязыка на западную и восточную ветви. К этому времени относится обособление из пратюркского языка болгарской подгруппы. С IV–V вв. н.э., очевидно, с выделением огузской, карлукской и кыпчакской общностей начинается формирование фонетических, лексических и др. особенностей, объединяющих современные кыпчакские тюркские языки.

В течение домонгольской эпохи в пракупчакской общности выделяются восточная и западная ветви. Именно с этой эпохой, по-видимому, связан этап урало-поволжского, по-другому – поволжского единства кыпчакских языков, которое, по данным фонетики, датируется IX в. и началом XIII в.

Следующий этап – это этап сложения отдельных кыпчакских языков Урало-Поволжья. В частности в истории башкирского языка с момента распада кыпчакской общности можно выделить следующие этапы:

Этап поволжского единства – середина IX в. – начало XIII в.

Общешаркирский этап – начало XIII в. – середина XVI в.

Формирование двух шаркирских центров – середина XVI в. – конец XVIII в.

Новейший этап – конец XVIII в. – XX в.

Каждый из этих этапов характеризовался особыми фонетическими изменениями (действием фонетических законов).

1. Этап поволжского единства

Этот период начинается с момента распада кыпчакской общности и длится до начала монгольского завоевания. С концом этого этапа начинается независимое развитие шаркирского языка (с последующими диалектами) и общешаркирской ветви (с последующим выделением мишарского и сибирско-татарского). Во время этого этапа произошла следующая перестройка кыпчакской фонетики.

Появился новый гласный *ĕ. Он возник из кыпчакского *e первого слога перед последующим огубленным кыпчакским гласным и в большей части случаев перед последующим губным согласным **-p-*, **-b-*, **-m-*. Вторичный процесс перед губными заставляет предполагать, что при произношении этого гласного в конце присутствовал выраженный губной призвук, и гласный артикулировался типа [e^u].

Гласный *e непервого слога получил открытую артикуляцию типа [ɛ], но это пока было нефонематично.

Действовало правило присутствия двух мягких согласных. В результате для гласного заднего сингармонистического ряда *a появился аллофон **a'*, который совпал с остаточной рефлексацией праторк. *a, *ja. Судя по позициям и зависимости его протекания от окружения согласных, в частности - последующих, этот гласный мог иметь закрывающий палатальный призвук типа [aⁱ].

Совпали старые сочетания со «смягченными» *ı, **ı'*, **ı'* с соответствующими согласными, и таким образом *a* получил фонемный статус. Также возможно, что данный переход мог происходить и на следующем этапе развития шарк. языка и был параллелен татарскому развитию.

Кыпчакский согласный *š был ретрофлексным, судя по ногайским данным, где он в последствии дал -s-. В поволжском этот со-

гласный переходит в палатальный локальный ряд, т.е. произносится «мягко». Поэтому *š участвует в действии правила двух мягких согласных.

В это время еще сохранялся кыпч. *-δ- на стыке морфем, восходящий к пратюрк. *-δ-, причем обычной рефлексацией этого пратюрк. согласного внутри основы на кыпч. уровне уже был согласный *j.

Для конца этого этапа складывается такая система согласных:

****	губн.	дент.	свист.	палат.	велярн.	увул.
глух. см.	-p(-)	t		č	k	q
звонк. см.	b	(d)-, -d-		ʒ-, (-ʒ-)	(g-), -g-	
носов. см.	m	-n(-)			-ŋ(-)	
глух. сп.			s	-š(-)		
звонк. сп.		-δ-	-z(-)			-y-
глайды	-w(-)			-j(-)		
плавн.		-l(-), -r(-)				

А система гласных имеет следующий вид.

передний синг. ряд

задний синг. ряд

	перед.	сред.	задн.		перед.	сред.	задн.
верхний	i	ü			i		u
средний	e e ^u	ö			a ¹		o
нижний	[ɛ]				a		

Ниже даются некоторые иллюстрации, причем под кыпч. понимается ранне-кыпчакский уровень со всеми архаизмами.

поволж. bije ‘кобыла’ < кыпч. *bije, поволж. bilek ‘запястье, предплечье’ < кыпч. *bilek, поволж. büjen ‘двенадцатиперстная кишка’ < кыпч. *büjen, поволж. büğçe ‘блоха’ < кыпч. *büğçe, поволж. çeке ‘висок’ < кыпч. *čeке, поволж. egew ‘напильник’ < кыпч. *egew, поволж. erkek ‘самец’ < кыпч. *erkek, поволж. ijer ‘седло’ < кыпч. *ijer, поволж. sirke ‘гнида’ < кыпч. *sirke, поволж. süjek ‘кость’ < кыпч. *süjek, поволж. öрке ‘легкое’ < кыпч. *örке, поволж. zürek ‘сердце’ < кыпч. *zürek, поволж. küje ‘моль’ < кыпч. *küje, поволж. küzen ‘хорек’ < кыпч. *küzen, поволж. *zijen ‘племянник’ < кыпч. *zijen.

поволж. зај ‘лето’ < кыпч. *зај, поволж. čajна- ‘жевать’ < кыпч. *čajна-, поволж. зајрақ ‘плоский, неглубокий’ < кыпч. *зајрақ, поволж. čаś ‘волос’ < кыпч. *čаś, поволж. запч- ‘сплющивать’ < кыпч. *запч-, поволж. čаśaw ‘редкий, негустой’ < кыпч. *čаśaw, поволж. заś ‘молодой’, ‘возраст’, ‘слеза’ < кыпч. *заś, поволж. čaltir ‘голень’

< кыпч. *čaitir, поволж. zalraq ‘приплюснутый’ < кыпч. *zaıraq, поволж. čarılda- ‘верещать’ < кыпч. *čarılda-, поволж. čaqır ‘светло-голубой’ < кыпч. *čaqır ~ *čaqrı, поволж. qantaj ‘сука’ < кыпч. *qañtaj, поволж. ajt- ‘говорить’ < кыпч. *ajt- (*ajt-?), поволж. baj ‘завязка’ < кыпч. *baj, поволж. ači ‘кислый’ < кыпч. *açı, поволж. ari ~ ara ‘пчела’ < кыпч. *arı ~ *ara, поволж. betlik ‘удила’ < кыпч. *betlük, поволж. čeček, čečke ‘цветок’ < кыпч. *čečü- (ср. сарыг-югур. č’uzug ‘цветок’), поволж. beki ‘складной ножик’ < кыпч. *bekü-, поволж. elbe ‘кашица’ < кыпч. *elbö, поволж. erim ‘полынь’ < кыпч. *erüm, поволж. seki ‘лавка’ < кыпч. *sekü, поволж. keme ‘лодка’ < кыпч. *kemö, поволж. kerep ‘стог’ < кыпч. *keren, поволж. zeb ‘удачный момент’ < кыпч. *zeb, поволж. kereg- ‘важничать’ < кыпч. *kerer-, поволж. tewlik ‘сутки’ < кыпч. *tewlük, поволж. teren ‘глубокий’ < кыпч. *terön ~ -ŋ, поволж. čeke ‘щиколотка’ < кыпч. *čekö, поволж. mengi ‘вечный’ < кыпч. *menğü, поволж. čerik ‘хилый’ < кыпч. *čerük, поволж. kejten ‘ткань’ < кыпч. *kejtön, поволж. kendi ‘сам’ < кыпч. *kendü, поволж. kewek ‘труха’ < кыпч. *kewek, поволж. kewde ‘туловище’ < кыпч. *kewde, поволж. neme ‘вещь’ при не ‘что’ < кыпч. *neme, *ne, поволж. serer- ‘быстрый’ < кыпч. *serer-, поволж. senek ‘вилы’ < кыпч. *senök, поволж. teke ‘козел’ < кыпч. *tekö.

2. Общебашкирский этап

Этот этап характеризуется следующими изменениями внутри предка башкирского языка, который стал развиваться самостоятельно утеряв прямой контакт с предком татарского языка.

Произошел переход поволж. *-δ- в -l-. Неясно, этот переход был только в сильной интервокальной позиции или он присутствовал и после согласных с последующим полным совпадением с рефлексами *d. Данный переход произошел под явным влиянием финно-угорского адстрата, похожего на обский тип, где в современных языках наблюдается развитие *θ в глухой латерал λ. Общебашкирский, по всей видимости, сначала имел звонкий шумный латерал, рано совпавший с простым -l-.

Поволжская палатальная аффриката *z теряет смычку и переходит в палатальный ž, который образует пару по глухости ~ звонкости для š (мягкого или палатального). Глухая аффриката č остается без пары.

Таким образом, в дентальном ряду из шумных остаются только *t* и *d*, а спирантное место освобождается. Становится возможным появление вариантов произношения *s* и *z* как межзубных θ и δ , но это пока не является фонематичным. Изоглосса межзубного произношения захватывает также туркменский ареал, что указывает на интенсивные контакты в районе летовий в Приаральи.

В системе гласных происходит монофтонгизация и переход поволж. * ϵ в более низкий по подъему гласный ϵ , сдвинутый из-за конфликта с исторически среднерядным * δ . Историческое дополнительное распределение *e* первого слога и ϵ непервых слогов частично начинает восприниматься как распределение огубленного ϵ первого слога и ϵ непервых слогов, а гласные *e* и ϵ дальше отходят друг от друга по артикуляции.

Система согласных в конце этого этапа:

****	губн.	дент.	свист.	палат.	велярн.	увул.
глух. см.	-p(-)	t		č	k	q
звонк. см.	b	d-, -d-			-g-	
носов. см.	m	-n(-)			-ŋ(-)	
глух. сп.		[θ = s]	s	-š(-)		
звонк. сп.		[ð = z]	-z(-)	ž-, (-ž-)		-y-
глайды	-w(-)			-j(-)		
плавн.		-l(-), -r(-)				

Система гласных в конце общебашкирского этапа

передний синг. ряд

задний синг. ряд

	перед.	сред.	задн.
верхний	i	ü	
средний	e	ö	
нижний	ɛ, [ɛ]		

	перед.	сред.	задн.
		i	u
		a	o
		a	

обще-башк. -la местный падеж < поволж. *- δ a, обще-башк. *-li показатель претерита < поволж. *- δ i, обще-башк. -laš личный собирательный аффикс < поволж. *- δ aš, обще-башк. žik 'шов' < поволж. *žik, обще-башк. kiriš 'тетива' < поволж. *kiriš, обще-башк. žoj- 'разрушать' < поволж. *žoj-, обще-башк. žoq 'нету' < поволж. *žoq, обще-башк. mülži- 'глодать' < монг. mölzi- ~ mülzi, обще-башк. mēlži- 'дряхлеть' < монг. melzej-, обще-башк. olža 'прибыль' < монг. olza 'добыча', обще-башк. maržan 'коралл' < перс. maržan, обще-башк. žan 'душа' < перс. zān, обще-башк. šijda- 'жердь' < монг.

sijda- (фактически уже šijda- в большинстве ареалов), обще-башк. *raǰda bol-* ‘появиться с пользой’ < перс. *raǰda* ‘польза’, обще-башк. *žumuš* ‘польза’ < поволж. *žumuš, обще-башк. *žudriq* ‘кулак’ < поволж. *žudriq, обще-башк. *žer* ‘земля’ < поволж. *žer, обще-башк. *žaišil* ‘зеленый’ < поволж. *žaišil*, обще-башк. *qiš* ‘зима’ < поволж. *qiš, обще-башк. *terge-* ‘упрекать, ругать’ < поволж. **terge-*, обще-башк. *četlewik* < поволж. *četlewik, обще-башк. *bebe* < поволж. *bebe, обще-башк. *ketmen* ‘кетмень’ < поволж. *ketmen, обще-башк. *kekri* ‘кривой’ < поволж. *kekri, обще-башк. *qadaw* ‘гвоздь’ < поволж. *qadaw, обще-башк. *kögre* ‘новорожденный (ягненок)’ < поволж. *kögre, обще-башк. *kök* ‘синий’ < поволж. *kök, обще-башк. *küjez* ‘гордый’ < поволж. *küjez.

3. Этап формирования двух башкирских центров

В этот этап, начавшийся с середины XVI в., происходит обособление части башкир, последующих носителей западного и северо-западного диалекта от остальной общности, в последствии восточный и южный диалект. Появляются два центра притяжения и относительной нормы. Данное разделение, возможно, было связано с уничтожением Казанского ханства и проникновением России в ареал Приуралья. В этот период произошли следующие изменения:

Единственная аффриката *č* стала произноситься апикально с превалирующим произношением как *-č̣-*, т.е. «ц» с шипящим призвуком, но также, по всей видимости, существовали и варианты с небольшим палатальным призвуком типа *č̣̣*. Позже она отвердела (или потеряла шипящий призвук) во всех диалектах за исключением северо-западного. Фонетическая твердость или мягкость для нее была не актуальна. Условно этот согласный обозначен через *-č̣-* с точкой вверху. Похожий процесс затронул часть татарских диалектов и формировавшийся сибирско-татарский язык, но там также произошел аналогичный переход для аффрикаты «з, давая в конечном развитии *z- ~ ž-*, а в башкирском ареале такой аффрикаты уже не существовало, и спирант *ẓ̌* (пара к *ṣ̌*) остался без изменений.

В этот момент закрепляется межзубное произношение спирантов, из аллофона они становятся доминирующими везде кроме ареала северо-западного диалекта. Таким образом обще-башк. *s, *z переходят в *š*, *ž*.

В данный период происходит совпадение обще-башк. *ε, *ε° *ε-ε первого слога, (которые уже стали восприниматься как аллофоны из-за переосмысленного дополнительного распределения) и *a в одной фонеме *ε*, и поэтому происходит перестройка сингармонизма части основ с выравниванием противопоставленных веллярных и увулярных согласных по ряду. Подобные процессы в это же время начинаются в татарском и чувашском языках.

За гласными *e*, *ö*, *o* закрепляется «узкое» произношение – [e], [ö], [o], сдвинутое к средне-верхнему подъему. Оно могло быть дифтонгоидным типа [e̞], [ö̞], [o̞]. В результате в системе переднерядных сингармонистических гласных актуальным становится противопоставление по трем уровням подъема: *ĩ* (*i̞*)*e* – *ε* для неогубленных гласных. По долготе гласные верхнего подъема становятся короче относительно других гласных.

Сложившаяся система согласных:

*****	губн.	дент.	свист.	палат.	веллярн.	увул.
глух. см.	-p(-)	t	ç		k	q
звонк. см.	b	d, -d-			-g-	
носов. см.	m	-n(-)			-ŋ(-)	
глух. сп.		ʒ		š		
звонк. сп.		ð		ž		-ɣ-
глайды	-w(-)			-j(-)		
плавн.		-l(-), -r(-)				

Система гласных к концу данного этапа:

передний синг. ряд

	перед.	сред.	задн.
верхний	ĩ	ũ	
средний	e̞	ö̞	
нижний	ε		

задний синг. ряд

перед.	сред.	задн.
	ĩ	ũ
		o̞
	a	

средн.-башк. *ĩ*- ‘пить’ < обще-башк. *ič-, средн.-башк. *çeç* ‘волос’ < обще-башк. *çaç, средн.-башк. *çejne*- ‘жевать’ < обще-башк. *čajna-, средн.-башк. *qiči*- ‘скрести, царапать’ < обще-башк. *qiči-, средн.-башк. *žünça* ‘клевер’ < обще-башк. *žünça*-, средн.-башк. *çoçqa* ‘свинья’ < обще-башк. *çoçqa, средн.-башк. *qaš qa* ‘лысина’ < обще-башк. *qašqa, средн.-башк. *žöke* ‘липа’ < обще-башк. *žöke, средн.-башк. *öjeç* ‘дыхательное горло’ < обще-башк. *öjeç, средн.-башк. *žançiq* ‘карман’ < обще-башк. *žançiq*, средн.-башк. *žemĩ* ‘ово-

щи, фрукты' < обще-башк. *žemiš, средн.-башк. žel 'жаль' < рус. жаль = «žal, средн.-башк. bürçaq 'горох' < обще-башк. *bürcäq, средн.-башк. bīd 'мы' < обще-башк. *biz, средн.-башк. tīd 'колени' < обще-башк. *tiz, средн.-башк. ƣdīl 'большая река' < обще-башк. *edil, средн.-башк. ƣw 'вода' < обще-башк. *suw, средн.-башк. ƣjēl 'бородавка' < обще-башк. *süjel, средн.-башк. tūd 'соль' < обще-башк. *tuz, средн.-башк. qadaw 'гвоздь' < обще-башк. *qadaw, средн.-башк. qıƣqa- 'узкий, короткий' < обще-башк. *qisqa-, средн.-башк. baƣ- 'давить' < обще-башк. *bas-, средн.-башк. aqƣaq 'хромой' < обще-башк. *aqsaq, средн.-башк. ƣajıƣqan 'сорока' < обще-башк. *sajisqan, средн.-башк. žaƣı- 'широкий и плоский' < обще-башк. *žasi-, средн.-башк. žej 'лето' < обще-башк. *žaj, средн.-башк. žejpek < обще-башк. *žajraq, средн.-башк. žejren < обще-башк. *žajran, средн.-башк. šeške 'норка (зверек)' < обще-башк. *šašqa, средн.-башк. ƣbirtke 'сыпь' < обще-башк. *čabirtqi, средн.-башк. eci 'кислый' < обще-башк. *aci, средн.-башк. betlik 'удила' < обще-башк. *bətlik, средн.-башк. eteç 'петух' < обще-башк. *eteç, средн.-башк. eđır 'готовый' < обще-башк. *ezir, средн.-башк. keme 'лодка' < обще-башк. *keme, средн.-башк. kejtēn 'вид ткани' < обще-башк. *kejtēn, средн.-башк. neme 'вещь' < обще-башк. neme.

4. Новейший этап развития башкирского языка

Развитие последних двух веков также характеризуется значимыми изменениями. Происходит дальнейшая трансформация системы согласных и формирование специфического облика диалектов и говоров.

Практически повсеместно дезаффрикатизируется единственная аффриката *č, причем в северо-западной группе говоров ее рефлексом является š, а в остальных диалектах – свистящий спирант s. Причем новый šž, появившийся в заимствованиях, или в некоторых диалектах также дает z.

Серединный дентальный *-d-, исключая позицию после носовых и плавного -l-, дает в западной норме и литературном языке -δ-, т.е. совпадает с историческим *δ < *z. В позиции после этих сонантов он сохраняет смычную артикуляцию. В части говоров восточного диалекта даже начальный *d- дает δ-, например, dōje 'верблюд', dürt 'четыре', т.е. там этот переход имеет более широкий контекст.

В этот период завершается вторичная назализация *-l- перед носовым в показателях прошедшего конкретного времени, таким образом получаются показатели -ni-m 1sg., ni-ŋ 2sg. и вторично -ni 3sg. вместо ожидаемого «-li из-за выравнивания по парадигме. С этим процессом связан переход контекста *-lan > -nan в показателе совместного (творительного) падежа. Сюда же примыкает специфический переход *-l- > -n- в части корневых основ.

Происходит ослабление *ʒ и его переход в h в части позиций в зависимости от конца / начала слога или слова в каждой группе говоров по своей системе. Эти системы уже были даны выше при разборе рефлексации кыпч. *s, и повторять их не имеет необходимости. Любопытно, что, как правило, не происходит аналогичного ослабления *δ, наоборот, его позиции усиливаются из-за рефлексации *d.

Звонкий шипящий $\dot{z}$ совпадает в глайде j- со старым *-j(-), характерным для серединной и конечной позиции. Данный спирант * $\dot{z}$ в абсолютном большинстве случаев присутствовал лишь в начале слова. Лишь некоторые освоенные заимствования имели его в середине слова. К тому же начальный *j- также был маркером персизмов и арабизмов. В результате получается совпадение двух фонем в j, имеющим полные варианты позиций.

Для оставшегося спиранта $\dot{s}$ становится неактуальной его излишняя палатальность и он становится просто шипящим условно «средне-европейского типа».

В системе гласных происходит перестройка, также характеризующая другие языки соседствующего ареала, и краткие гласные смещаются в направлении среднего ряда и среднего подъема ближе к нейтральному гласному речевой позы. Закрытые или дифтонгоидные гласные занимают место в верхнем подъеме в результате усиления или актуализации первого элемента.

Складывается система согласных современного типа:

*****	губн.	дент.	атик.	среднеяз.	велярн.	увул.	ларинг.
глух. см.	p	t			k	q	
звонк. см.	b	d			-g-		
носов. см.	m	-n(-)			-ŋ(-)		
глух. сп.		-ʒ(-)	s	š			[h]
звонк. сп.		-δ(-)				-ɣ-	
глайды	-w(-)			j			
плавн.		-l(-), -r(-)					

И следующая система гласных:

передний синг. ряд

задний синг. ряд

	перед.	сред.	задн.		перед.	сред.	задн.
верхний	i	ü			ı		u
средний	ë	ö			[ĩ]		õ
нижний		ε				a	

башк. адім 'шаг' < *adīm, башк. адаш- 'заблуждаться' < adaš-, башк. аqһаq 'хромой' < *aqθaq, башк. borsaq 'горох' < *būrcaq, башк. börse 'блоха' < *būrçε, башк. bujdaq 'холостой' < *bojdaq, башк. burhiq 'барсук' < *børθiq, башк. siw 'плацента' < *cūw, башк. es- 'пить' < *iç-, башк. idel 'река' < *edil, башк. iw- 'молоть' < *ūw-, башк. jaq- 'жечь' < *žaq-, башк. jaw- 'дождить' < *žaw-, башк. jaθtiq 'подушка' < *žaθtiq, башк. jel 'жаль' < *žel, башк. jebeš- 'прилипать' < *žebiš-, башк. ješen 'блеск, молния' < *žēšin, башк. jebe- 'мокнуть' < *žibi-, башк. jed 'медь' < *žed, башк. jet- 'достигать' < *žet-, башк. jelek 'костный мозг' < *žilik, башк. jer 'нитка' < *žip, башк. jonsa 'клевер' < *žünca, башк. jawsı 'сват' < *žawcı, башк. jörək 'сердце' < *žürək, башк. jondod 'звезда' < *žül-dūd, башк. jiwan 'толстый' < *žūwan, башк. jiw- 'мыть' < *žiw-, башк. kese 'маленький' < *kici, башк. qisi- 'царапать' < *qiči-, башк. kös 'сила' < *küç, башк. qilis 'меч, сабля' < *qılıç, башк. qidir- 'ходить, обходить вокруг' < *qidir-, башк. qidir 'яловая' < *qidir, башк. qıθqa 'короткий' < *qıθqa, башк. qiwıq 'мочевой пузырь' < *qıwıq, башк. qoθaq 'живот' < *qıθaq, башк. meθen 'коралл' < *meθen, башк. mönje- 'глодать' < *mül-ži-, башк. ses 'волос' < *çεç, башк. hajıθqan 'сорока' < *θajıθqan, башк. һaw 'здоровый' < *θaw, башк. herke 'уксус' < *θırke, башк. һimed 'толстый, жирный' < *θemid, башк. һiθken- 'угрожать' < *θeθken-, башк. һiw 'вода' < *θiw, башк. һiwıq 'холодный' < *θiwıq, башк. һoθ- 'черпать' < *θuθ-, башк. һöt 'молоко' < *θüt, башк. һuj- 'сдирать шкуру' < *θuj-, башк. һün- 'гаснуть' < *θün-, башк. šijda 'шест' < *šijda, башк. os 'конец, край' < *uç, башк. ulja 'прибыль' < *olža, uθal 'плохой' < *oθal, башк. üθ- 'расти' < *öθ-.

Анологичные этапы можно выделить и в развитии татарского языка.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Источники и литература

АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т. I – VIII, Уфа, 2011-2016; IX, X тома в рукописи.

Ахметьянов 2015 – Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. Ике томда. I том, II том. Казан, 2015.

БТһ – Башкорт теленең һүзлеге// Бишев Ә.Ф. һ.б. Ике томда. I том, II том. М., 1993.

Баскаков – Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.

Башкиры – Башкиры// Кузеев Р.Г., Данилко Е.С. М., 2016.

Баязитова, 1986 – Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М., 1986.

Баязитова, 2003 – Баязитова Ф.С. Мишәр диалектары. Рухи мирас: гаилә-көнкуреш һәм йола терминологиясе. Саранск, 2003.

Бейшев – Бейшев Ә.Ф. Башкорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүззәре. Өфө, 2009.

БРһ – Башкортса-русса һүзлек// Ураксин З.Г. М., 1996.

Бурганова и др. – Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т., Рамазанова Д.Б. Диалекты татарского языка// Диалекты тюркских языков. М., 2010.

Бһһ – Башкорт һөйләштәренен һүзлеге. В 3 т. Т. I, Уфа, 1967, Т. II, Уфа, 1970, Т. III, Уфа, 1981.

БД – Башкирская диалектология. Уфа, 1963.

ВПН, 2010 – Всероссийская перепись населения, 2010. Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. Далее: ВПН, 2010. WWW/gks.ru/free-doc/new-site/perepis2010; WWW.Казахи – Википедия.

Гарипов – Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1973.

Грамматика – Грамматика современного башкирского литературного языка// Юлдашев А.А.. М., 1981.

Дерфер – Дерфер Г.О. О состоянии исследования халаджской группы языков// Вопросы языкознания, 1980, №1.

ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002.

Дмитриев – Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 2008.

ДАБЯ – Диалектологический атлас башкирского языка// Хисамитдинова, Уфа, 2005.

Дыбо 2006 – Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков// Сравнительно- историческая грамматика тюркских языков. Далее: СИГТЯ. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.

Дыбо 2002 – Дыбо А.В. Огузская группа. СИГТЯ. Региональные реконструкции// Э.Р. Тенишев., М., 2002.

ДС – Диалектологик сүзлек. Казан, 1948. Т. I, Казан, 1953. Т. II, Казан, 1958.

Дильмухаметов – Дильмухаметов М.И. Говор среднеуральских башкир. Уфа 2006.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дыбо, Хисамитдинова, 2009 – Дыбо А.В., Хисамитдинова Ф.Г. Башкирский язык в системе алтайских языков// История башкирского народа. В 7 т. Т. I, М., 2009.

ИРЛТЯ – Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Ишбердин – Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М, 1986.

Ишбулатов – Ишбулатов Н.Х. Башкорт диалектологияһы. Өфө, 1979.

Киекбаев, 2002 – Киекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теленен лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 2002.

Киекбаев, 1959 – Киекбаев Ж.Ф. Башкорт теленен фонетикаһы. Өфө, 1959.

Кононов – Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII – IX вв., М. Л., 1980.

Кузеев, 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского языка. М., 1974.

Кузеев, 1978 – Кузеев, Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

Кусимова, Бикколова – Кусимова Т.Х., Бикколова С.А. Башкорт исемдәре. Өфө, 2000.

Кляшторный, Султанов – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Спб, 2009.

Максютова, 1976 – Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976.

Максютова, 1996 – Максютотова Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении, Уфа, 1996.

Малов – Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., Л., 1951.

Махмуд- ал-Кашгари – Махмуд-ал- Кашгари. Диван лугат ат турк (Свод тюркских слов): в 3 т. Пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина. Т. I., М., 2010.

Миржанова, 1976 – Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка, М., 1979.

Миржанова, 2006 – Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 2006.

Меметов, 2006 – Меметов А.М. Земаневий кырымтатар тили. Симферополь, 2006.

Мудрак – Мудрак О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М., 2009.

Мусаев – Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

Наделяев – Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных// Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980.

Руденко – Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. 2 изд. Уфа, 2006.

Сафиуллина, Зэкиев – Сафиуллина Ф.С., Зэкиев М.З. Хэзерге татар әдәби теле. Казан, 2002.

Селютина – Селютина И.Я. Фонетика тюркских языков Сибири как историко-лингвистический источник// Тюркология. 2004. № 2.

СБТ – Словарь топонимов Башкирской АССР, Уфа, 1980.

СИГТЯ – Сравнительно- историческая грамматика тюркских языков. В 6 т. Т. I – Фонетика, М., 1984; Т. II Морфология, М., 1988. Т. III Синтаксис. М., 1986; Т. IV Лексика. М., 1997 и М., 2001, Т. V – Региональные реконструкции. М., 2002, Т. VI Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка, М., 2006.

Татары – Татары// Уразманова Р.К., Чешко В. М., 2001.

Тенишев – Тенишев Э.Р. Избранные труды. В 3 кн. Кн. 2. Уфа, 2006.

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан, 2005.

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан, 2009.

Убрятова – Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М, 1960.

Халикова – Халикова Р.Х. Язык башкирских шежере и актов-ых документов XVIII-XIX вв. 1990.

Хисамитдинова, 1989 – Хисамитдинова Ф.Г. К ареальной характеристике названий с болгарскими чертами в топонимии Башкирии// Имя – этнос – история. М., 1989.

Хисамитдинова, 1991 – Хисамитдинова Ф.Г. Башкирская ойконимия XVI-XIX вв. Уфа, 1991.

Хисамитдинова, 2010 – Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010.

Хисамитдинова, Тупеев, 2006 – Хисамитдинова Ф.Г., Тупеев С.Х. Башкирские имена тюркского происхождения. Уфа, 2006.

Хисамитдинова, 1989 – Хисамитдинова Ф.Г. История башкирского языка. Материалы по исторической фонетике. Уфа, 1989.

Хайду – Хайду П. Уральские языки и народы. Пер. с венг. ЕА. Хелимского. М., 1985.

Чеченов – Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. М., 1996.

Широбокова – Широбокова Н.Н. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск, 2001.

Юсупов – Юсупов Р.М. Антропология населения в эпоху раннего железа// История башкирского народа. В. 7 т. Т.1. М., 2009.

Якутский – Якутско-русский, русско-якутский онлайн словарь. Тексты словаря: ИГИ АН РС(я). 2006. tulbaas. ykt.ru; Karşllaştırma1, 1 1183 S.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

- аз. - азербайджанский
- алт. - алтайский
- ай. - айский говор башкирского языка
- ар. - арабский
- аргаяш. - аргаяшский говор башкирского языка
- асин. - асинский говор башкирского языка
- байкб. - байкибашевский говор татарского языка
- бараб. - язык барабинских татар
- башк. - башкирский язык
- балт. - балтасинский говор татарского языка
- булг. - болгарский
- бурз. - бурзянский говор башкирского языка
- венг. - венгерский
- гаг. - гагаузский
- гайн. - гайнинский говор башкирского языка
- древнетюрк. - древнетюркский
- дем. - демский говор башкирского языка
- древнеуйг. - древнеуйгурский
- дрож. - дрожжановский говор татарского языка
- ик-сакм. - ик-сакмарский говор башкирского языка
- заказан. - заказанские говоры татарского языка
- ичк. - ичкинский говор татарского языка
- иран. - иранский
- каз. - казахский
- казан. - казанскотатарский
- кбалк. - карачаевско-балкарский
- кас. - касимовский говор татарского языка
- кирг. - киргизский
- ккалп. - каракалпакский
- кмшл. - камышлинский говор татарского языка
- ктат. - крымскотатарский
- кргл. - каргалинский говор татарского языка
- кубальяк – кубальякский говор башкирского языка
- кузн. - кузнецкий говор татарского языка
- кум. - кумыкский
- куман. - куманский

кыз. - кызыльский говор башкирского языка
кыпч. - кыпчакский
лямб. - лямбирский говор татарского языка
маньчж. - маньчжурский
мам. - мамадышский говор татарского языка
мар. - марийский
миас. - миасский говор башкирского языка
миш. - мишарский диалект татарского языка
монг. - монгольский
морд. - мордовский
мкарат. - мордва-каратаевский говор
ног. - ногайский
нагайб. - нагайбакский говор татарского языка
нострат. - ностратический
нукр. - нукратский говор татарского языка
орх. - орхонский
нурл. - нурлатский говор татарского языка
ОТ – общетюркский
ПА – праалтайский
Пкып. - пракыпчакский
ПТ – пратюркский
сальют – сальютский говор башкирского языка
серг. - сергачский говор татарского языка
сиб. - сибирскотатарский
сред. - средний диалект татарского языка
ср.-кыпч. - среднекыпчакский
ср.-монг. - среднемонгольский
сюг. - сарыг-югурский
сал. - саларский
танып. - таныпский говор башкирского языка
тарх. - тарханский говор татарского языка
тат. - татарский
темн. - темниковский говор татарского языка
тоф. - тофаларский
тув. - тувинский
тур. - турецкий
турк. - туркменский
тюрк. - тюркский

удм. - удмуртский
узб. - узбекский
уйг. - уйгурский
урал. - уральские
фин. - финский
фин.-угор. - финноугорские
хак. - хакасский
хвал. - хвалинский говор татарского языка
чист. - чистопольский говор татарского языка

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ	6
1. СОВРЕМЕННЫЕ КЫПЧАКСКИЕ ЭТНОСЫ И КЫПЧАКСКИЕ ЯЗЫКИ.....	6
2. БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК	11
3. ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК	40
Глава I. РАСПАД ПРАТЮРКСКОЙ ОБЩНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ КЫПЧАКСКОЙ ГРУППЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ	48
Глава II. ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КЫПЧАКСКИХ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ.....	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	146
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	156
Языки и диалекты.....	160

Подписано в печать 19.3.2018 . Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 10,2. Формат 60x90 1/16. Тираж 500 экз.

«Ғылым баспасы» ТОО
Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Мостовая, 6.
тел. +7 (7172) 57-49-83, 24-37-79